

T 1.739
2

Handwritten signature

В. В. Грабовскій.

R 129.625
2

РАЗСКАЗЫ

Очерки и путевые наброски

1. Роковой отвѣтъ.
2. Вѣдьма.
3. Маскарадъ.
4. Гиго.

5. Духи.
6. Михайло.
7. Тквибульскій копи.
8. Батумъ—Кутаисъ.

Томъ I.

6303-2000
тифлисъ.

07503-

Издание Я. И. Либермана.

1890.

ЦѢНА 75 КОП.

227

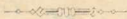

8
1-7

8-93:88р.

041136340
31231110330

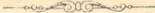
РАЗСКАЗЫ,

ОЧЕРКИ и ПУТЕВЫЕ НАБРОСКИ.

-
-
1. Роковой отвѣтъ.	5. Духи.
2. Вѣдьма.	6. Михайло.
3. Маскарадъ.	7. Тквибульскія копи.
4. Гиго.	8. Батумъ—Кутаисъ.
-

Соч. В. В. ГРАБОВСКАГО.

ТОМЪ I.

ТИФЛИСЪ.

Издание Я. И. Либермана.

1890.

227, (1) с/2; (17813), 25к

Т и п о г р а ф и я Я . И . Л и б е р м а н а
Т и ф л и с ь , М и х а й л о в с к а я , 6 4 .

Д о з в о л е н о ц е н з у р о ю . Т и ф л и с ь , 2 6 о к т я б р я 1 8 8 9 г .

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
1) Роковой отвѣтъ (Разсказъ)	3
2) Видьма (Разсказъ)	59
3) Маскарадъ (Разсказъ)	106
4) Гиго (Очеркъ съ натуры)	120
5) Духи (Разсказъ деньщика)	135
6) Михайло (Очеркъ съ натуры)	145
7) Тквибульскія каменноугольныя копи (Изъ записной книжки туриста)	
I	171
8) II	188
9) Отъ Батума до Кутаиса (Изъ записной книжки туриста)	208

РАЗСКАЗЫ.

РОКОВОЙ ОТВѢТЪ.

Разсказъ.

А. М. Мухоморова

Какъ только начался спиритическій сеансъ, Борисъ Николаевичъ, измѣнившись въ лицѣ, поднялся съ дивана, взялся за шляпу, наскоро пожалъ руки всѣмъ сидѣвшимъ въ залѣ и, сославшись на головную боль, вышелъ въ переднюю.

— Что такое съ Борисомъ Николаевичемъ?—спросила хозяйка, послѣ того, какъ усталые спириты, недовольные неуспѣшнымъ сеансомъ, поднялись съ своихъ мѣстъ и пересѣли на диванъ и кресла, уютно размѣстившіеся на мягкомъ коврѣ вокругъ переддиваннаго стола, на которомъ лампа подъ матовымъ абажуромъ испускала ровные, мягкіе лучи. — Онъ уже второй разъ уходитъ отъ насъ передъ сеансомъ, продолжала она, вопросительно

глядя на Николая Васильевича, старого пріятели и друга дѣтства Бориса Николаевича.

Николай Васильевичъ, человекъ лѣтъ тридцати четырехъ, съ большой русой бородой и весело глядѣвшими голубыми глазами, хитро оглядѣлъ всѣхъ присутствовавшихъ и отвѣчалъ:

— Это у него отъ старыхъ воспоминаній... „Дѣла давно минувшихъ дней“... Былъ такой случай... Вы замѣтили эту преждевременную сѣдину?...

— Случай?!—разомъ воскликнуло нѣсколько голосовъ.

— Расскажите, расскажите, пожалуйста, Николай Васильевичъ, посыпались упраниванья.

— Да-съ, случай и случай, надо правду сказать, довольно интересный,—подзадориваль любопытство присутствовавшихъ Николай Васильевичъ.

Просьбы посыпались еще друнѣе. Въ это время подали чай. Николай Васильевичъ не любилъ заставлятъ долго себя упранивать. Онъ подвинулъ къ себѣ стаканъ съ чаемъ, глубже усѣлся въ покойное кресло и, прикрывъ на минуту рукой глаза, словно вспоминая что-то, началъ свой рассказъ.

I.

«Случилось это давно, лѣтъ восемнадцать тому назадъ. И мнѣ, и Борису шель тогда семнадцатый годъ, и оба мы были въ томъ переходномъ возрастѣ, когда мальчикъ становится юношей и когда умъ начинаетъ бродить, а сердце трепетно биться при видѣ каждаго хорошенькаго женскаго лица или, по тривіальному выраженію, при видѣ каждой юбки. Изъ всѣхъ нашихъ общихъ знакомыхъ мы чаще всего бывали въ то время въ одномъ семействѣ, состоявшемъ съ Борисомъ въ какомъ-то дальнемъ родствѣ... Но не одни родственныя отношенія привлекали насъ въ эту семью. Тутъ была и другая притягательная сила.

Семья эта была довольно велика. Чтобы не утруждать ваше вниманіе, я не стану представлять вамъ всѣхъ членовъ семьи, тѣмъ болѣе, что большинство изъ нихъ никакой роли въ этомъ рассказѣ не играютъ. Скажу только, что, кромѣ главы семьи, барыни уже въ лѣтахъ, вдовы черниговскаго помѣщика, имѣлось

на лицо четыре дочери и четыре сына. Барышнямъ было отъ тринадцати до девятнадцати лѣтъ; два сына были совсѣмъ еще мальчиками а двое другихъ —Петя и Саша—были почти нашими сверстниками. Въ этой радушной и хлѣбосольной семьѣ вы могли встрѣтить всегда и въ особенности по праздникамъ массу молодежи: студентовъ, гимназистовъ, гимназистокъ и бывшихъ подругъ старшей изъ дѣвицъ. Варвара Яковлена Гавриленко, —такъ звали хозяйку, — занимала цѣлый этажъ большого дома на одной изъ бойкихъ улицъ города К***., съ цѣлой амфиладой комнатъ, которыхъ было такъ много, что двѣ или три оказывались лишними, и потому отдавались въ наемъ студентамъ или гимназистамъ, а то и такъ кому-нибудь изъ хорошихъ знакомыхъ. Жильцы эти нерѣдко представляли Варварѣ Яковлевнѣ своихъ знакомыхъ, и потому кружокъ разросался еще больше.

Общимъ кумиромъ, какъ семьи, такъ и всѣхъ посѣщавшихъ Гавриленковыхъ, была Надя, вторая дочь Варвары Яковлены. Сестры Нади были дѣвицы, какъ дѣвицы, и ничего особеннаго изъ себя не представляли, за исклю-

ченіемъ старшей, Раисы, которая была очень хороша собой, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, была такъ погружена въ свои книги, что на пылкихъ юноцовъ не обращала почти никакого вниманія и держала ихъ въ почтительномъ отдаленіи.

Надя, повторяю, была общимъ кумиромъ. Ей не было еще тогда полныхъ шестнадцати лѣтъ, но она окончила уже гимназію. Стройная, средняго роста, оставившая коротенькія платица, она выглядѣла совсѣмъ сформировавшеюся дѣвушкой и казалось нѣсколько старше своихъ лѣтъ.

Хороша была Надя необычайно. Черные, умные, лучистые глаза, нѣжный, словно прозрачный цвѣтъ лица, розовыя, красиво очерченныя губы, ямочки на щекахъ и подбородкѣ, роскошная волна непослушныхъ волосъ пепельнаго цвѣта, спускавшихся своенравными завитками по изящному лбу къ чернымъ дугообразнымъ бровямъ, — все это вмѣстѣ взятое дѣлало ее положительной красавицей. Нѣтъ ничего удивительнаго, что мы всѣ не только были влюблены въ Надю, что называется, по-уши, но, мало того, мы благоговѣли передъ ней и готовы были броситься за нее въ огонь и воду

по первому ея приказанію. Помимо красоты, Надя обладала и другими качествами. Умница, прекрасно учившаяся, она вмѣстѣ съ тѣмъ успѣвала дѣлать все, что требовалось по дому и хозяйству, занимаясь, кромѣ того, съ младшими братьями и сестрой.

Къ нашимъ ухаживаньямъ Надя относилась довольно равнодушно и ни одного изъ насъ не выдѣляла; она не отличала даже Борю, которой былъ влюбленъ въ нее безъ памяти и чуть-ли не ежедневно повторялъ и повѣрялъ мнѣ, что онъ любитъ ее всей душой, безумно и страстно. Надя, привыкнувъ къ Борѣ съ ранняго дѣтства, относилась къ нему какъ къ своему, какъ къ брату, а это больше всего его и убивало...

Я уже сказалъ, что народу у Гавриленковыхъ собиралось много. Въ особенности бывали оживленны субботніе и праздничные вечера. Просторная зала и уютныя гостинныя наполнялись шумомъ и молодымъ говоромъ. Нерѣдко затѣвались танцы, устраивались литературные и музыкальные вечера, а порою, даже, и домашніе спектакли.

Въ должной мѣрѣ увлекались мы также спиритизмомъ, бывшимъ тогда еще въ большой модѣ, чѣмъ теперь. Я помню даже, что духи относились къ намъ довольно благодушно и поднятіе стола, которое сегодня намъ не удавалось, почти всегда увѣнчивалось успѣхомъ. Въ Надѣ мы открыли нѣкоторыя медиумическія способности.

Такимъ мирнымъ и немудренымъ образомъ текла наша юная жизнь.

Но тутъ приключилось нѣкое обстоятельство, которое произвело въ нашемъ кружкѣ переворотъ и быстро измѣнило характеръ нашихъ увеселеній.

Наступили рождественскія святки.

Въ одинъ изъ вечеровъ я увидѣлъ у Гавриленковыхъ трехъ совершенно новыхъ лицъ. Двое изъ нихъ были — почтенная старушка съ сыномъ, чиновникомъ какого-то уѣзднаго учрежденія, пріѣхавшая изъ Н—а по своимъ дѣламъ и, какъ старая знакомая Варвары Яковлевны, поселившаяся у нея временно въ одной изъ свободныхъ комнатъ. Третьимъ новымъ лицомъ былъ молодой человѣкъ, бывший товарищъ по университету старшаго сына Вар-

вары Яковлевны, по фамиліи Карскій. Карскій вышелъ изъ университета чуть-ли не съ перваго курса и избралъ военное поприще. Въ то время онъ былъ уже офицеромъ и готовился въ академію. Оказалось, что Карскій также поселился у Варвары Яковлевны, такъ какъ одинъ изъ жившихъ у нея студентовъ, вслѣдствіе перехода въ другой университетъ, освободилъ комнату.

Насъ познакомили. Черезъ минуту Боря уже шепталъ мнѣ на ухо, что онъ чуетъ въ Карскомъ опаснаго соперника. Карскій былъ хорошо сложенъ и довольно красивъ. Неприятно поражали въ немъ только глаза, какого-то совершенно оловянаго оттѣнка.

Въ тотъ-же вечеръ я замѣтилъ, что Надя какъ-то особенно внимательно слушала Карскаго, когда, послѣ вальса, они усѣлись рядомъ въ углу гостинной.

Молодой человѣкъ, сынъ почтенной старушки, — я даже не помню теперь его фамиліи, (звали его Иваномъ Петровичемъ), — по наружномъ виду, не представлялъ изъ себя никакого интереса. Некрасивый, невзрачный, съ красными руками, которымъ онъ, какъ казалось,

не находилъ мѣста, онъ сидѣлъ въ залѣ, ни съ кѣмъ не разговаривая и не танцуя.

Послѣ танцевъ спириты устроили сеансъ. Духи на этотъ разъ сильно капризничали и выходила какая-то ерунда изъ непонятныхъ отвѣтовъ.

— Охота вамъ, господа, такъ мучить себя! — раздался вдругъ незнакомый голосъ въ дверяхъ гостиной, гдѣ собрались спириты.

Мы всѣ оглянулись и съ удивленіемъ убѣдились, что голосъ принадлежалъ молодому чиновнику, отъ котораго никакъ нельзя было ожидать такой прыти.

— Почему-же — мучить? — спросилъ кто-то изъ насъ.

— Да потому, что всего этого можно достигъ гораздо проще, — отвѣтилъ чиновникъ и, подойдя ближе къ столу, сѣлъ на свободный стулъ.

— То есть, какъ-же это проще? — удивился я.

— Да такъ. Вѣдь, вамъ что требуется? Вамъ требуется, чтобы на ваши вопросы получались осмысленные отвѣты?...

— Ну-съ...

— Такъ, вотъ я и говорю: все это можно сдѣлать гораздо проще.

— Мы уже это слышали. Но въ чемъ-же заключается ваша простота? — скаламбурилъ Саша, второй сынъ хозяйки.

— Чиновникъ, не обративъ вниманія на каламбуръ, принялъ нѣсколько торжественный видъ и продолжалъ:

— Я обладаю нѣкимъ секретомъ, посредствомъ котораго имѣю общеніе съ духами, но безъ посредства стола и медиумовъ. Медиумъ я самъ-съ...

Мы всѣ глядѣли на комичную въ своей торжественности фигуру чиновника, соображая, шутить-ли онъ или говоритъ серьезно.

— И вы намъ откроете этотъ секретъ? — первая прервала молчаніе Надя.

— Нѣтъ-съ. На это я не имѣю права.

— Такъ какая-же намъ польза отъ того, что вы обладаете какимъ-то секретомъ упрощеннаго спиритизма, который желаете держать при себѣ? — снова задорно спросилъ Саша.

— А, вотъ, не угодно-ли вамъ будетъ задавать мнѣ вопросы, и тогда увидите.

— Но какъ? Какимъ образомъ? На словахъ или на письмѣ?—стали мы его спрашивать.

— На письмѣ-сь.

— Вы будете, конечно, знать эти вопросы, будете читать ихъ раньше, чѣмъ дадите отвѣты?

— Нѣтъ-сь. Знать вопросы не буду-сь, а отвѣты дамъ-сь.

— Это интересно!—воскликнула Надя.— Пожалуйста, расскажите скорѣе, что мы должны дѣлать.

— Извольте-сь. Но штука эта требуетъ поясненія-сь. Позвольте мнѣ карандашъ и клочокъ бумаги.

Ему придвинули и то, и другое.

II

Николай Васильевичъ закурилъ папиросу, хлебнулъ остывшаго чаю и продолжалъ:

«Иванъ Петровичъ взялъ въ руку карандашъ и быстро написалъ русскій алфавитъ, ставя одну букву подъ другой. Кончивъ эту процедуру, онъ сталъ пояснять.

— Это, видите-ли, русская азбука...

— Видимъ, видимъ...—не утерпѣлъ Саша.

— Теперь, желающій задать мнѣ вопросъ долженъ противъ каждой буквы поставить произвольныя числа: 2, 27, 304 и проч.— какія угодно. Такимъ образомъ, у васъ явится своя азбука—не буквенная, а цифровая. Азбуки этой я знать не долженъ-съ... Затѣмъ слѣдуетъ написать себѣ на бумажкѣ обыкновеннымъ образомъ вопросъ... Ну, положимъ-съ,—любите-ли меня такая-то особа-съ? Иванъ Петровичъ при этомъ почему-то сначала хитро улыбнулся, а потомъ покраснѣлъ.—Написавъ такой вопросъ,—продолжалъ онъ, справившись съ своимъ смущеніемъ,—слѣдуетъ (вопросъ мнѣ не извѣстенъ,

— прибавиль онъ, — словно въ скобкахъ), вмѣсто каждой буквы поставить то число, какое значится въ вашей азбукѣ, отдѣливъ каждой такое число, означающее букву, запятой-сь. Между словами-же слѣдуетъ поставить тире-сь. Вотъ такъ-сь, — и онъ провелъ на бумагѣ тире. — Желательно-сь при этомъ, чтобы вопросъ состоялъ не меньше, какъ изъ десяти словъ-сь. Конечно, можно и больше-сь...

— И вы мнѣ дадите отвѣтъ на такой вопросъ, не зная моей азбуки? — спросилъ Саша.

— Дамъ-сь. Будьте покойны.

— Сомнѣваюсь...

— Попробуйте-сь.

— Какъ-же вы это дѣлаете? — спросила Надя. — Значить, вы читаете вопросъ?

— Никогда въ жизни-сь — отвѣчалъ Иванъ Петровичъ. — Тутъ также духи-сь... Тотъ-же спиритизмъ, только въ упрощенной формѣ, какъ я докладывалъ уже вамъ... Впрочемъ, есть нѣкоторыя формулы-сь.

— Формулы эти составляютъ секретъ?

— Не секретъ, а тайну-сь. Я ихъ добылъ совершенно случайно-сь и, даже, можно сказать, неожиданнымъ образомъ.

- Какимъ-же?—спросила Надя.
- Покойный дяденька—маменька ваша ихъ знавали-сь—на смертномъ одрѣ открылъ мнѣ... „Вотъ, Иванъ,—сказаль онъ мнѣ,—денегъ и другого какого имѣнія я тебѣ не оставляю, потому нѣтъ, а тайну сообщу, но помни: никому не открывай“. Я даль клятву...
- По крайней мѣрѣ, вы имѣете право сказать намъ, кто играетъ роль въ вашей тайнѣ: духи или только формулы?—допытывался Саша.
- Я уже сказаль-сь: и формулы, и духи-сь...
- Ха, ха, ха!—расхохотался Саша.
- Смѣшного тутъ мало-сь,—обидѣлся Иванъ Петровичъ. — Попробуйте —увидите-сь...

Мы остались въ гостинной, а Иванъ Петровичъ вышелъ въ залу. Для безопасности, мы даже двери притворили и сообща принялись за составленіе вопросовъ.

Минуть черезъ двадцать было готово три незамысловатыхъ вопроса: 1) Скажите, пожалуйста, правда-ли что вы не читаете задаваемыхъ вамъ вопросовъ? 2) Не можете-ли сказать, кто открылъ Америку и въ какомъ году? и 3) Не откажите сообщить, кто изъ древнихъ философовъ вамъ наиболее симпатиченъ,

Р 129.625 Т-1.739 2
Слова „скажите, пожалуйста“, „не можете-ли сказать“ и „не откажите сообщить“ являлись простымъ дополненіемъ къ тому десятку словъ, который былъ обусловленъ Иваномъ Петровичемъ.

Написавъ вопросы, мы пригласили Ивана Петровича въ гостинную и передали ихъ ему.

Иванъ Петровичъ попросилъ оставить его одного и сѣлъ въ глубинѣ гостинной за маленькимъ столикомъ. Дверь въ залу не затворяли и потому мы видѣли, какъ Иванъ Петровичъ досталъ изъ кармана бумажникъ, вынулъ изъ него какія-то толстыя бумажки, въ родѣ визитныхъ карточекъ большого формата и сталъ, повидимому, что-то быстро вычислять.

— Формулы-съ,— тихо проговорилъ Саша, подражая манерѣ Ивана Петровича говорить.

Мы едва удержались отъ смѣха.

Кто-то сѣлъ за рояль и проигралъ ритурнель кадрили.

Видя, что къ Надѣ съ другого конца залы направляется Карскій, Борисъ быстро подскокилъ къ ней и пригласилъ на кадрили. Карскій стался съ носомъ, но тотчасъ-же пригласилъ Неиса быть его vis-à-vis и ангажировать одну подружку Нади.

Танцуюціе размѣстились. Мнѣ Пришлось сидѣть рядомъ съ Борисомъ и Надей.

— Что вы думаете о формулахъ и духахъ Ивана Петровича?—спросилъ Борисъ Надю.

— Пока ничего не могу сказать,—отвѣчала она;—посмотримъ что и какъ онъ отвѣтитъ.

— Мнѣ кажется, что онъ прочтетъ вопросы,—продолжалъ Борисъ.

— Не знаю,—отвѣтила какъ-то нехотя Надя, и я замѣтилъ, что глаза ея устремлены на Карскаго.

Продѣлавъ первую фигуру, Борисъ снова обратился къ ней съ вопросомъ:

— Какъ вамъ нравится Карскій?

Она подняла на него удивленные глаза и, словно сообразивъ что-то, отвѣтила:

— Онъ очень... умный...

Послѣ четвертой фигуры, я заглянулъ въ гостинную. Иванъ Петровичъ прохаживался по ковру изъ угла въ уголь. Листки бумаги лежали на кругломъ столѣ передъ диваномъ.

— Что, онъ кончилъ уже или задача оказалась не по силамъ?—спросилъ меня Саша, встрѣтившись въ *chaîne chinoise*...

— Не знаю...

Послѣ gond'a мы тотчасъ-же направились въ гостинную.

— Что, кончили?

— Готово-съ, — отвѣчалъ Иванъ Петровичъ, подавая намъ листки, на которыхъ стояло по нѣсколько строчекъ цифръ, написанныхъ крупнымъ писарскимъ почеркомъ, и скромно усѣлся на стулъ у окна.

Я досталъ нашу азбуку, бывшую все время у меня въ карманѣ, и мы сообща принялись за чтеніе отвѣтовъ, ставя надъ каждымъ числомъ соответствующую букву. Первые слова отвѣта на первый вопросъ заставили насъ удивленно посмотрѣть другъ на друга. Вышло — „ей-Богу“...

Я взглянулъ на Ивана Петровича. Онъ по-прежнему скромно сидѣлъ, погружившись въ свои мысли и словно совсѣмъ не интересуясь тѣмъ, что тутъ происходило.

— Господа, тутъ что-то есть! — воскликнулъ Борисъ. — Я думалъ, выйдетъ какая-нибудь безсмыслица, что-нибудь тарабарское; между тѣмъ выходитъ правильно написанное выраженіе и, повидимому, подходящее къ вопросу...

— Будемъ разбирать дальше, — торопился я, чувствуя, какъ замираетъ сердце и какъ

что-то, словно, подступаетъ къ горлу. Даже кровь прилила въ голову. Но не я одинъ чувствовалъ себя такимъ образомъ. Я видѣлъ, какъ у Нади блестѣли лучистые глаза и какъ краска прилила къ ея нѣжнымъ щекамъ. Мнѣ даже казалось, что у нея дрожали руки. Другіе также были не менѣе возбуждены, въ особенности Борисъ.

По мѣрѣ того, какъ подвигалось буква за буквой чтеніе отвѣтовъ, всеобщее возбужденіе, смѣшанное съ крайнимъ удивленіемъ, все росло и росло...

Минуть черезъ десять работа наша была окончена, и мы получили слѣдующіе отвѣты:

1) *Ей-Богу, Иванъ не читаетъ. Духъ Суворова.* 2) *Америку открылъ я, въ 1492 г. Духъ Колумба, и* 3) *Если вопросъ относится къ Ивану, то я знаю, что онъ предпочитаетъ меня другимъ. Духъ Сократа.*

Прочитавъ отвѣты, мы нѣсколько времени сидѣли молча, смотря другъ другу въ глаза, словно стараясь найти разгадку...

— Безъ сомнѣнія, читаетъ! — воскликнулъ вдругъ Саша, не стѣсняясь присутствіемъ Ивана Петровича. — Но мы его выведемъ на свѣжую воду — прибавилъ онъ мнѣ на-ухо.

Иванъ Петровичъ подошелъ къ намъ.

— Господа, — проговорилъ онъ, — если ваши вопросы не составляютъ секрета, то позвольте мнѣ узнать ихъ... также мои отвѣты-съ.. Работа скучная и не благодарная-съ: отвѣчаешь, не зная что и не зная на что...

— Какъ!? Такъ вы и отвѣта своего не читаете? — удивленно спросилъ кто-то.

— Помилуйте-съ, — сдѣлавъ удивленные глаза Иванъ Петровичъ, — вѣдь, отвѣтъ-же я даю вашей-же азбукой-съ, которая находится у васъ въ карманѣ-съ, и, слѣдовательно, мнѣ не извѣстна-съ...

Мы прочитали ему наши вопросы и его отвѣты. Иванъ Петровичъ поблагодарилъ. На лицѣ его выразилось сначала легкое любопытство, а затѣмъ какъ-бы сознаніе собственнаго достоинства. Онъ медленно отошелъ отъ стола и направился къ своей маменькѣ, сидѣвшей въ залѣ.

По его уходѣ, Саша притворилъ двери и, обращаясь къ намъ всѣмъ проговорилъ:

— Безспорно, господа, чиновникъ хитритъ и, просто, дурачить насъ. Быть не можетъ, чтобы онъ не читалъ... Но если читаетъ, то

какъ? Положимъ, что азбуки нашей онъ не зналъ. Но изъ этого ничего не слѣдуетъ: онъ могъ догадаться...

— Подожди. Ты увлекаешься, — перебила Надя. — Легко сказать — „догадаться“. Но ты подумай только о томъ, что десяти или пятнадцати минутъ, въ которыя онъ успѣлъ „догадаться“ и дать намъ осмысленные отвѣты, слишкомъ мало... Это труднѣе, по-моему, чѣмъ разобрать іероглифы...

Всѣ согласились съ замѣчаніемъ Нади, но Саша продолжалъ:

— Не будемъ спорить раньше времени. Я только высказалъ свое предположеніе. Но чтобы рѣшить, читаетъ или не читаетъ нашихъ вопросовъ милѣйшій Иванъ Петровичъ, я думаю сдѣлать такимъ образомъ: надо полагать, что умственный кругозоръ чиновника уѣздной полиціи, можетъ быть, едва окончившаго уѣздное училище, не великъ...

— Онъ знаетъ про Сократа и Колумба, если допустить, что „читаетъ“, — перебила снова Надя.

— Это пустяки. Такія крупныя имена всѣмъ извѣстны... Могъ слышать гдѣнибудь... Нако-

нець, и въ уѣздномъ училищѣ проходятъ, вѣроятно, исторію... Такъ надо полагать, говорю, что чиновникъ нашъ не очень свѣдуецъ. Поэтому я предлагаю, для провѣрки и убѣжденія, задать еще два вопроса. Первый вопросъ долженъ быть, по возможности, замысловатъ, содержать въ себѣ какъ можно меньше русскихъ словъ и вообще не подходить къ его пониманію. Во второй-же вопросъ мы помѣстимъ какое нибудь лицо, совершенно ему неизвѣстное, и потребуемъ назвать его по имени. Если онъ, сидя въ этой гостинной, дастъ намъ въ такой-же срокъ на эти два вопроса, какъ только-что далъ, правильные и осмысленные отвѣты, то можно будетъ съ увѣренностью сказать, что онъ не читаетъ, и тогда придется искать разгадку въ другомъ мѣстѣ. При этомъ я предлагаю составить новую азбуку, такъ какъ эту онъ уже изучилъ, если допустить, что онъ читаетъ, въ чемъ, къ слову сказать, я не сомнѣваюсь...

Предложеніе Саши было охотно принято. „Упрощенный спиритизмъ“ слишкомъ заинтересовалъ всѣхъ, хотя сразу присоединилъ многихъ къ скептицизму Саши.

Борисъ отправился въ залу и, подойдя къ Ивану Петровичу, передалъ ему коллективную просьбу отвѣтить сегодня еще на два вопроса.

Иванъ Петровичъ тотчасъ-же охотно согласился, но при этомъ посмотрѣлъ на часы и, замѣтивъ что уже двѣнадцатый часъ ночи, попросилъ писать вопросы скорѣе.

Такъ какъ писать два вопроса всеѣмъ разомъ было-бы довольно затруднительно, то составленіе ихъ было возложено на меня, Бориса и Сашу, и насъ оставили въ гостинной.

Мы составили новую азбуку и послѣ нѣкотораго обсужденія остановились на слѣдующихъ двухъ вопросахъ, которые у меня до сихъ поръ въ памяти, словно это было вчера, а не восемнадцать лѣтъ тому назадъ. Первый вопросъ: *Почему ассоціаціи, какъ-бы онѣ ни были компактно и компетентно скомбинированы, порождаютъ эру коммуникацій и афранируются ретроградами, какъ банальный анахронизмъ?* Второй вопросъ состоялъ въ томъ, что нашъ загадочный оракуль долженъ былъ отвѣтить, какъ зовутъ мою бабушку, мать отца. Причемъ, для сбивчивости, вопросъ былъ поставленъ въ настоящемъ времени, между тѣмъ

какъ бабушка эта давно уже умерла. Ни знать моей бабушки, ни слышать о ней раньше Иванъ Петровичъ, какъ казалось, никоимъ образомъ не могъ, такъ какъ мы никогда раньше не были знакомы, притомъ онъ не жилъ въ К***, и бабушка, при жизни, была лицомъ никого кромѣ родныхъ, не интересовавшимъ и никому не извѣстнымъ. Вопросъ этотъ былъ формулированъ такимъ образомъ: *Скажите, гдѣ находится бабушка, мать отца Николая Васильевича, пишущаго этотъ вопросъ, также сколько ей лѣтъ и какъ ее зовутъ?*

Боясь, чтобы кто-нибудь изъ нашей компаніи не выдалъ насъ Ивану Петровичу, мы рѣшили никому нашихъ вопросовъ, до отвѣтовъ на нихъ Иваномъ Петровичемъ, не открывать; азбуку-же съ написанными на томъ-же листѣ копіями вопросовъ я спряталъ въ карманъ.

Иванъ Петровичъ получилъ два листка съ написанными на нихъ цифрами и снова остался одинъ въ гостинной».

III

„Саша потираль руки, глядя какъ сосредоточенно смотрѣль Иванъ Петровичъ на лежавшіе передъ нимъ листки.— Шалишь... не разгадаешь, — говорилъ онъ мнѣ, подмигивая въ сторону гостинной и лукаво улыбаясь.

— А если разгадаетъ?—спрсиль я его.

— Ну, ужъ тогда чортъ его знаетъ! Останется предположить, что онъ дѣйствительно свель компанію съ Вельзевуломъ... Вотъ эти „формулы-съ“ еще, — снова скопироваль онъ Ивана Петровича.—И что это за формулы? При чемъ тутъ формулы? Да и знаетъ-ли онъ, что такое формулы вообще?... Я готовъ итти какое угодно пари, что никакихъ формулъ тутъ нѣтъ, что это, просто, отводъ глазъ... Но и хитеръ-же, бестія! — не унимался Саша.—Впрочемъ, посмотримъ, какъ онъ вывернется теперь...

Прошло минутъ десять или пятнадцать съ тѣхъ поръ, какъ Ивана Петровича оставили въ гостинной, но онъ все сосредоточенно глядѣль на листки, заглядывая въ свои „формулы“.

У меня возросло нетерпѣнье. Усѣвшись въ залѣ такъ, что мнѣ было отчетливо видно освѣщенное стоявшей на столѣ лампой его лицо съ нахмуреннымъ лбомъ, я наблюдалъ за нимъ. Вдругъ я увидѣлъ, какъ будто морщины на его лбу разгладились, лицо прояснилось и даже улыбка заиграла на его блѣдныхъ губахъ, а красная рука въ то-же время быстро забѣгала по бумагѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ Иванъ Петровичъ поднялся съ дивана и, держа въ рукахъ листки, направился въ залу. Мы встрѣтили его въ дверяхъ. Мнѣ казалось, что Иванъ Петровичъ выглядѣлъ очень блѣднымъ. Передавъ намъ листки, онъ вынулъ изъ кармана платокъ и, приложивъ его ко лбу, попросилъ у проходившей горничной стаканъ воды.

Намъ было не до него. Почти вырвавъ изъ его рукъ листки, мы бросились къ столу, толкая и перегоняя другъ друга и торопясь занять мѣста. Компанія потребовала сообщить ей, прежде всего, заданные Ивану Петровичу вопросы. Двери въ залъ притворили. Не безъ трепета достала я изъ кармана листокъ, на которомъ были записаны азбука и вопросы, и слегка

дрожавшимъ голосомъ прочелъ послѣдніе. Вопросы были одобрены, и мы приступили къ прочтенію отвѣтовъ. Когда было разобрано первое слово перваго отвѣта— „ассоціаціи“—я почувствовалъ, какъ у меня холодный потъ выступилъ на лбу и снова, но еще сильнѣе, чѣмъ въ первый разъ, подступило что-то къ горлу...

Я не стану, господа, злоупотреблять вашимъ вниманіемъ,—продолжалъ Николай Васильевичъ,—послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія, и передавать вамъ тѣ ощущенія, которыя я испытала въ то время, и то напряженное состояніе, въ которомъ находились всѣ присутствовавшіе въ гостинной.

Мнѣ стало, просто, жутко, когда Саша, блѣдный, прерывающимся голосомъ, прочиталъ отвѣтъ на нашъ первый вопросъ. Вотъ что стояло на листкѣ: *«Ассоціаціи не ретроградовъ ума дѣло; вопросъ-же вообще довольно нелѣпый. Духъ Лассалля»...*

Второй отвѣтъ былъ еще удивительнѣе, — продолжалъ Николай Васильевичъ.—Мы разобрали слѣдующее: *«Бабушка Николая, Анна Ивановна, умерла здѣсь, семь лѣтъ тому назадъ, семидесяти двухъ лѣтъ отъ роду»...*

Николай Васильевичъ умолкъ и обвелъ взоромъ слушателей. Затѣмъ снова продолжалъ:

«Послѣ прочтенія этихъ отвѣтовъ на насъ нашло словно отупѣніе какое-то. Даже Саша притихъ и какъ-то съежился. Борисъ былъ внѣ себя. У меня голова трещала; отвѣты неотступно стояли въ мозгу...

Насъ позвали ужинать. За ужиномъ только и разговора было, что объ «упрощенномъ» спиритизмѣ. Многіе не знали еще, въ чемъ дѣло, и пришлось рассказывать, пояснять. Явились новые скептики, увѣрявшіе, что мы недостаточно осторожно обращались съ азбукой. Иванъ Петровичъ сидѣлъ со мною vis-à-vis. Видъ у него, по-прежнему, былъ какой-то разстроенный; онъ почти ничего не ѣлъ и не охотно отвѣчалъ на сыпавшіеся къ нему вопросы.

Я тоже не могъ ѣсть: вопросы и отвѣты не улетали изъ головы. Придя домой (мы жили съ Борисомъ вмѣстѣ), я бросился на постель и весь остатокъ ночи проворочался съ боку на бокъ, ни на минуту не смыкая глазъ. Борисъ совсѣмъ не ложился до утра. Упрощенный спиритизмъ и таинственныя формулы словно прыгали передъ нами и дразнили насъ... Мы

перебирали всякія предположенія, но ничего не выходило... Подъ утро оба мы немного заснули, но сонъ былъ прерывистый, тревожный... Борисъ рассказывалъ мнѣ потомъ, что ему приснился Иванъ Петровичъ въ видѣ чорта, причѣмъ изъ за спины его выглядывали маленькіе чертенята и, дразня, высовывали длинные, красные языки; у каждаго изъ нихъ на лбу огненными буквами стояло: „формулы, формулы, формулы...“

Утромъ, Борисъ отъ чаю отказался.

— Куда ты? — спросилъ я его, видя, что онъ торопливо одѣвается.

— Къ Варварѣ Яковлевнѣ, — отвѣчалъ онъ. — Надо узнать что тамъ дѣлается послѣ вчерашняго вечера... И, знаешь, — прибавилъ онъ, — эту тайну я раскрою, во что-бы то ни стало и чего-бы это мнѣ ни стоило.

У Гавриленковыхъ уже отпили утренній чай, когда пришелъ Борисъ. Онъ прошелъ въ Сашину комнату.

— Ну, что, додумался? — встрѣтилъ его Сапа вопросомъ.

— Нѣтъ. А ты?

— Я тоже ничего другого не придумалъ, какъ упросить Ивана Петровича открыть его проклятую тайну...

— Ты уже видѣлся съ нимъ?

— Видѣлся...

— И что-же?

— Не хочеть ни за какіе коврижки.

— Чортъ возьми! Нельзя-ли его какъ нибудь уговорить?

— Какіе тутъ уговоры. Онъ даже Надѣ отказалъ и все ссылается на свою глупую клятву, данную имъ при смертномъ одрѣ умирающаго дяденьки.

Что было дѣлать? Тайна не давала покою.

Они усѣлись съ Сашей за столъ съ карандашами въ рукахъ и стали прикидывать всякія комбинаціи, но, по-прежнему, ничего путнаго не выходило.

Борисъ не вытерпѣлъ, бросилъ карандашъ и отправился къ Ивану Петровичу. Его встрѣтила маменька чиновника и объявила, что сынъ ея ушелъ куда-то по дѣлу, но скоро долженъ вернуться.

— А вы что, все насчетъ спиритизма?— спросила старушка.

Борисъ отвѣтилъ.

— Не откроеть, заупрямился. Сапа сегодня цѣлый часъ уже его упрашиваль, но ничего не вышло... Онъ и мнѣ не хочеть сказать...

— А правда, что онъ даль клятву умирающему дядюшкѣ?

— Богъ его знаетъ,—отвѣтила старушка,—говорить, что даль. Хотя, правду сказать, отъ покойнаго брата я что-то никогда не слышала про эту тайну...

Борисъ ушелъ, сказавъ, что придетъ снова, когда Иванъ Петровичъ вернется.

Проходя черезъ залу, Борисъ засталъ тамъ Надю и Карскаго. Карскій читаль ей вслухъ „Горе отъ ума“. Надя слушала съ большимъ вниманіемъ и замѣтила Бориса только тогда, когда онъ стояль уже передъ ними.

Они поздоровались.

— Что это у васъ такой утомленный видъ? —спросилъ Бориса Карскій.

— Должно быть, все думаль о тайнѣ Ивана Петровича,—отвѣтила за Бориса Надя.

— А васъ это интересуеть?—спросилъ Борисъ, обращаясь къ обоимъ.

— Меня это очень интересует, — отвѣтила Надя. — Вѣдь, вы знаете, какая я вѣрующая спиритка: я охотно вѣрю, что Иванъ Петровичъ имѣетъ общеніе съ духами, и потому это еще больше меня интересуетъ, — проговорила она серьезно. — Сегодня, за чаемъ, я почти умоляла Ивана Петровича раскрыть свою тайну, но мольбы не подѣйствовали: онъ вѣжливо уклонился...

— И все отговаривается своей клятвой?

— Да, — отвѣтила Надя.

— Ерунда! проговорилъ напыщеннымъ тономъ Карскій. — По-моему, — продолжалъ онъ, — не стоитъ и думать о такихъ пустякахъ.

— Однако-же, вы не знаете, какъ дѣлаются эти пустяки?

— И не желаю знать...

Борисъ видѣлъ, что Карскій умышленно, чтобы только порисоваться передъ Надей, напускаетъ на себя излишнюю важность... Еще наканунѣ, вечеромъ, онъ прекрасно замѣтилъ, что Карскій такъ-же интересовался тайной, какъ и другіе, и что его обыкновенно розовыя щеки были такъ-же блѣдны, какъ и у другихъ, во время чтенія отвѣтовъ.

Борису стало неловко. Карскій, видимо, старался поскорѣе его выпроводить и нѣсколько разъ подносилъ книгу въ глазамъ, словно показывая тѣмъ, что Борисъ прервалъ чтеніе и мѣшаетъ.

— А я всетаки узнаю, проговорилъ Борисъ.

— Пожалуйста, узнайте,— живо отвѣчала Надя.— И когда узнаете, сообщите мнѣ первой непременно.

— Сомнѣваюсь,— проворчалъ Карскій.

— Въ чемъ?— спросилъ его задорно Борисъ.

— Въ томъ, что *вы* узнаете тайну,— и онъ сдѣлалъ удареніе на *вы*.

— Неумѣстное сомнѣніе,— отвѣтилъ Борисъ, стараясь какъ можно строже смотрѣть Карскому въ глаза; затѣмъ повернулся и вышелъ.

У Ивана Петровича Борисъ потерпѣлъ неудачу. Несмотря ни на какія упрасиванія, онъ наотрѣзъ отказался сообщить свою тайну.

Прошло нѣсколько дней, прошла недѣля. Борисъ и я, по-прежнему, почти ежедневно бывали у Гавриленковыхъ и съ каждымъ днемъ намъ приходилось все больше и больше убѣждаться въ симпатіяхъ и влеченіи Нади къ Карскому. Они почти не разставались. Надя очень переменилась за эти дни. Чудные глаза ея по-

лучили какой-то особенный блескъ; явились мечтательность и задумчивость—обычные симптомы, характеризующіе влюбленное состояніе. Борисъ рвалъ на себѣ волосы. Притомъ Саша, въ концѣ недѣли тайно сообщилъ мнѣ, что Надя влюблена и что Карскій объяснился, о чемъ знаетъ уже весь домъ. Борисъ не умѣлъ себя сдерживать и у него уже было нѣсколько столкновений съ Карскимъ. Онъ старался придираться ко всякому случаю и даже мечталъ о серьезной ссорѣ и дуэли. Но Карскій всегда подавлялъ его своимъ хладнокровіемъ и только изрѣдка ехидно спрашивалъ, хитро поглядывая на Надю:

— А тайна ваша все такъ и остается тайной?

Борисъ закипалъ гнѣвомъ, но Надя какимъ-нибудь ласковымъ словомъ умѣряла его пыль.

Иванъ Петровичъ и его маменька, покончивъ тѣмъ временемъ съ дѣлами, собирались во-свояси. Нельзя было терять времени. Борису казалось тогда, что, исполнивъ свое обѣщаніе и открывъ „тайну“, онъ выростетъ въ глазахъ Нади и, можетъ быть, акціи Карскаго понизятся.

Но это была пустая надежда. Надя полюбила Карскаго первой дѣвической любовью, всей душой, со всѣмъ пыломъ юности. Хотя я, будучи вполнѣ на сторонѣ Бориса, къ сожалѣнію, въ то время думалъ не такъ и мнѣ самому казалось, что эта „тайна“ много поможетъ Борису.

А Иванъ Петровичъ чуть-ли не ежедневно подзадоривалъ любопытство, давая намъ удивительные отвѣты на самые замысловатые вопросы.

Испробавъ еще нѣсколько разъ тщету мольбы и упрашиванья, Борисъ рѣшился на послѣднее средство.

Взявъ вечеромъ, наканунѣ отъѣзда Ивана Петровича, тайкомъ у моего отца револьверъ, отъ отправился къ Гавриленковымъ. Проходя по черной лѣстницѣ, онъ взбилъ себѣ шевелюру и вообще принялъ самый отчаянный видъ. Никѣмъ не замѣченный, онъ проникъ въ корридоръ и направился къ комнатѣ, гдѣ помещался Иванъ Петровичъ съ своей маменькой. Комната эта была послѣднею въ корридорѣ, рядомъ съ комнатой Карскаго, который, по обыкновенію, у себя никогда не сидѣлъ и находился тамъ, гдѣ была Надя.

Держа въ рукѣ револьверъ, Борисъ, не по-
стучавшись, быстро раскрылъ дверь и вошелъ
въ комнату.»

IV.

«Иванъ Петровичъ покоился за перегородкой, въ послѣобѣденномъ снѣ. Старушка сидѣла въ креслѣ и при свѣтѣ ярко горѣвшей лампы вязала чулокъ.

При входѣ Бориса, она подняла голову и, взглянувъ на него, стоявшаго среди комнаты съ револьверомъ въ рукѣ, широко раскрыла глаза, выронила изъ рукъ чулокъ и словно обомлѣла. Она хотѣла что-то сказать, спросить, но голосъ ей не повиновался... И жалко и смѣшно было смотрѣть на смятеніе старушки.

— Гдѣ сынъ вашъ? спросилъ Борисъ, стараясь придать своему голосу какъ можно больше грознаго оттѣнка и вмѣстѣ съ тѣмъ отчаянья.

Старушка продолжала молчать съ такимъ видомъ, какъ-будто вотъ-вотъ сейчасъ съ нею сдѣлается ударъ.

Борисъ повторилъ вопросъ.

Старушка, сдѣлавъ надъ собою неимоверное усиліе, собралась съ духомъ и тихо спросила:

— Что вамъ угодно?

— Мнѣ нуженъ вашъ сынъ. Я пришелъ къ нему за „тайной“ и не уйду до тѣхъ поръ, пока онъ мнѣ ее не откроетъ. Если-же онъ мнѣ откажетъ, я его убью и застрѣлюсь самъ на вашихъ глазахъ, отвѣтилъ Борисъ заранее приготовленной тирадой и сверкнулъ никелированнымъ револьверомъ.

Старушка всплеснула руками и опрометью бросилась за перегородку.

Борисъ слышалъ, какъ она прерывающимся голосомъ будила своего сына.

— Ваня, Ваня! вставай!...

Ваня что-то бурчалъ спросонокъ.

— Родненькій вставай! И скорѣе выходи, да открой свою проклятую тайну...

Ваня разоспался и ничего не понималъ, но настойчивыя причитанья старушки заставили его подняться съ постели и выйти въ комнату, гдѣ Борисъ стоялъ все въ той-же позѣ съ револьверомъ въ вытянутой рукѣ.

Иванъ Петровичъ, увидѣвъ Бориса, разинулъ ротъ и остановился, какъ вкопанный. Безъ сюртука, заспанный, съ всклокоченными волосами, онъ глядѣлъ на Бориса, бессмысленно выпучивъ глаза.

Борисъ повторилъ ему то, что уже сказалъ старушкѣ, поддерживая тотъ-же грозный и отчаянный тонъ и встряхивая револьверомъ.

Старушка бросилась къ сыну на шею съ причитаньями и мольбой поскорѣе „открыть“...

— Позвольте-съ... по какому праву?— проговорилъ Иванъ Петровичъ.— Насиліе...

— Понимайте, какъ хотите—отвѣчалъ Борисъ.— Я уже сказалъ...

Старушка снова повисла на шеѣ у сына.

— Не могу-же я, маменька: это насиліе... Я позову людей...

— Ни шагу! воскликнулъ Борисъ, наводя дуло револьвера на Ивана Петровича и заграждая выходъ.

Иванъ Петровичъ нѣсколько секундъ помолчалъ, затѣмъ, отстранивъ руки старушки, проговорилъ съ покорнымъ видомъ:

Извольте-съ... Только спрячьте вотъ это-съ, и онъ указалъ на револьверъ.— Видно, вправду вамъ невоготу...

Борисъ опустилъ руку въ карманъ и спряталъ револьверъ въ рукавъ.

— Имѣйте въ виду, что я не шучу—проговорилъ онъ—и если это только уловка съ вашей стороны, то она ни къ чему не поведетъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, заторопилась старушка: если Ваня сказалъ, то исполнить...

Иванъ Петровичъ пригласилъ Бориса присѣсть къ столу. Борисъ занялъ мѣсто между нимъ и старушкой.

— Ужъ, видно, очень вамъ захотѣлось уразумѣть? спросилъ Иванъ Петровичъ Бориса, иронически улыбаясь.

Борисъ откровенно отвѣтилъ, что нѣсколько ночей не спалъ и лишился аппетита.

— Такъ-съ... Ну дѣлать нечего: открою.

И онъ сталъ объяснять Борису свою тайну, которую тотъ тотчасъ-же уразумѣлъ.

Само собою разумѣется, что ни о какихъ формулахъ не могло быть и рѣчи. Все дѣло заключалось въ томъ, что Иванъ Петровичъ вопросы наши преисправнѣйшимъ образомъ читалъ, при помощи соображенія, смѣтки и нѣкотораго навыка. Получивъ вопросы, онъ углублялся въ нихъ и старался разгадать прежде всего первое слово.

Вопросы начинаются, обыкновенно, словами: *какъ, отчего, почему, когда, скажите?* и пр. Предположивъ, по сочетанію гласныхъ и согласныхъ, что первое слово означаетъ, напримѣръ,

почему—у него являлось шесть *известныхъ* буквъ, подставляя которыя въ другихъ словахъ онъ разгадывалъ эти другія слова и постепенно доходилъ до полного прочтенія вопроса. Само-собою разумѣется, что навикъ и смѣтка играютъ тутъ большую роль и даютъ возможность разгадать самый замысловатый вопросъ въ четверть часа. Что касается отвѣта, то, прочитавъ вашъ вопросъ изъ десяти словъ и зная, слѣдовательно, больше половины буквъ вашей азбуки, дать на такой вопросъ отвѣтъ никакихъ затрудненій не представляется, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда васъ спрашиваютъ о предметахъ совершенно вамъ неизвѣстныхъ. Но и тогда много помогаетъ изворотливость отгадчика, а порою просто случай, какъ было, на примѣръ, съ вопросомъ о моей бабушкѣ.

Иванъ Петровичъ объяснилъ Борису, что за полчаса до этого вопроса онъ былъ совершенно случайно свидѣтелемъ разговора Варвары Яковлевны съ его матушкой. Варвара Яковлевна говорила по какому-то поводу обо мнѣ и, между прочимъ замѣтила, что я очень похожъ на мою бабушку, и затѣмъ сказала нѣсколько словъ о самой бабушкѣ. — Конечно,

добавиль, при этомъ Иванъ Петровичъ, это простой случай, и если-бы его не было, то и тогда я нашель-бы возможность вывернуться. Для этого имѣется два способа: —или дать, такъ называемый, неопредѣленный отвѣтъ (въ которомъ вы все-таки дадите вопрошающему понять, что отвѣчаете на вопросъ), или-же, подь какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ, отвѣтъ на вопросъ откладывается на нѣкоторое время, и этимъ временемъ вы стараетесь воспользоваться и почерпнуть требуемыя свѣдѣнія. Само по себѣ это разгадыванье, на первый взглядъ, такъ непонятно, что даже неопредѣленные отвѣты ни сколько не умаляютъ, такъ сказать, достоинствъ разгадчика. Напримѣръ, если-бы я, —говорилъ Иванъ Петровичъ, —отвѣтилъ-бы о бабушкѣ такъ: *«Спиритизмъ существуетъ для болѣе серьезнаго, чѣмъ разгадыванье именъ бабушекъ»*, то это было-бы совершенно достаточно, чтобы я не былъ свергнутъ съ пьедестала, хотя и не далъ прямого отвѣта...

Относительно замысловатаго вопроса съ иностранными словами Иванъ Петровичъ пояснилъ, что всѣ эти слова ему извѣстны, такъ какъ онъ былъ въ гимназїи и уволился изъ пятаго класса.

Когда объясненія были сдѣланы и Иванъ Петровичъ отвѣчалъ уже Борису на побочные вопросы, старушка замѣтила, что у Бориса блестнулъ изъ рукава револьверъ, и, покачавъ укоризненно головой, попросила спрятать револьверъ въ карманъ.

Борисъ поспѣшилъ успокоить старушку, исполнивъ ея желаніе.

Заручившись тайной, Борисъ сталъ просить маменьку и сына никому не говорить о только-что происшедшемъ. Пожуривъ Бориса за „шалость“, старушка отвѣчала, что никто знать не будетъ и что она, попрощавшись въ этотъ день вечеромъ съ Варварой Яковлен, на слѣдующій день, рано утромъ, уѣзжаетъ домой вмѣстѣ съ сыномъ. Иванъ Петровичъ также далъ своо держать это оригинальное свиданіе въ секретѣ.

Борисъ ушелъ домой счастливый и довольный и за цѣлую недѣлю первый разъ уснулъ крѣпко и покойно, не сказавъ мнѣ ничего о происшедшемъ.

Узналъ я все это гораздо позже.

На слѣдующее утро онъ отправился къ Гавриленковымъ.

Саша встрѣтилъ его вопросомъ — почему онъ не приходилъ вчера вечеромъ?

Борисъ сослался на головную боль.

— А ты знаешь, сказалъ Саша:—Иванъ Петровичъ — тю-тю, уѣхалъ и увезъ свою тайну...

Неужели? отвѣчалъ равнодушно Борисъ:—ну и Богъ съ нимъ. Онъ мнѣ теперь не нуженъ. Его тайна для меня уже перестала быть тайной...

— Какъ-такъ?

— Да, такъ. Открылъ я эту тайну—вотъ и все...

— Кто-же тебѣ помогъ?

— Кто? духи...

— Перестань глупить...

Я тебѣ серьезно говорю, что духи... Но, впрочемъ, будетъ объ этомъ. Достаточно тебѣ того, что тайна открыта: завѣса пала... Можешь мнѣ загадывать какія хочешь вопросы, и я буду отвѣчать не хуже Ивана Петровича, если не лучше.

— Ты что-же: читаешь?

— Нѣтъ... духи... и формулы...

— И мнѣ не скажешь?

— Нѣтъ, не могу...

— Тоже умирающему дяденькѣ клятву далъ?

— Не клятву, но не могу.

— Хорошъ другъ... И Саша отвернулся съ недовольнымъ видомъ.

Когда все у Гавриленковыхъ узнали, что Борисъ владѣеть тайной, это произвело, пѣлую сенсацію.

На все приставанья и просьбы открыть тайну— Борисъ отвѣчалъ „не могу“ и увѣрялъ, что ни вопросовъ, ни отвѣтовъ не читаетъ... Сбить всехъ съ толку на этой почвѣ было такъ легко...

Надя увлекалась больше всехъ. Сгоряча, она совершенно повѣрила выдуманной Борисомъ баснѣ, что онъ получилъ формулы и открылъ тайну самъ, сидя, ночью, въ трансѣ, за маленькимъ круглымъ столикомъ, и задавала ему десятки разнородныхъ вопросовъ, на которые онъ давалъ отвѣты съ полнымъ успѣхомъ.

Праздники подходили къ концу. На Крещеніе Гавриленковы были приглашены однимъ знакомымъ семействомъ на балъ. Борисъ и я также получили приглашеніе. До вечера, мы, по обыкновенію, были у Гавриленковыхъ и почти все послѣобѣденное время Борисъ едва успѣвалъ давать отвѣты на предлагаемые ему вопросы.

Я видѣль, какъ у Нади горѣли щеки и блестяли неестественнымъ блескомъ ея чудные глаза, когда она прочитывала даваемые Борисомъ отвѣты. Вдругъ она сдѣлалась серьезна и сосредоточена. Краска спала у ней съ лица. Я видѣль, что Борисъ, какъ безъ мѣры влюбленный, наблюдать за каждымъ ея шагомъ, движеньемъ, и малѣйшія измѣненія ея милаго лица не ускользали отъ его ревниваго вниманья.

Пройдясь какой-то нервной походкой по комнатѣ и ни на кого не глядя, Надя присѣла къ столу и стала писать новый вопросъ. Всѣ уже были одѣты и готовы ѣхать на балъ. Ждали только хозяйку, которая уѣхала куда-то по дѣламъ.»

V.

«Написавъ вопросъ, Надя передала его Борису. Взявъ еще нѣсколько вопросовъ, написанныхъ другими, Борисъ удалился въ отдѣльную комнату и прежде всего принялся за разгадыванье вопроса Нади. Онъ долго бился, какъ послѣ рассказывалъ мнѣ, надъ первымъ словомъ, но послѣ нѣкоторыхъ усилій вопросъ былъ прочитанъ. На бумажкѣ стояло: *«Хочу знать навѣрно, любитъ-ли меня Карскій такъ, какъ говоритъ?»*»

Еще раньше, глядя на разстроенное лицо Нади, я предположилъ, что вопросъ, заданный ею, долженъ быть непременно въ этомъ родѣ. Догадывался объ этомъ и Борисъ; тѣмъ не мѣнѣе, у него, по прочтеніи вопроса, помутилось въ глазахъ, кровь прилила въ голову и въ первую минуту онъ не могъ ничего соображать. Но затѣмъ, придя въ себя, онъ сталъ раздумывать о томъ, что ему слѣдуетъ отвѣтить.

Ревность, ненависть къ Карскому и нравственная порядочность долго боролись въ его душѣ.

Надя не любила Бориса; онъ самъ зналъ это хорошо. „Но, почемъ знать, можетъ быть, еще полюбить?“ — утѣшалъ онъ себя несбыточной надеждой. Тѣмъ болѣе, думалъ онъ, это возможно, что теперь, въ глазахъ Нади, онъ сталъ, можетъ быть, выше послѣ того, какъ завладѣлъ „тайной“. Ему даже казалось, что въ послѣдніе дни она относилась къ нему нѣсколько иначе. О будущемъ онъ не думалъ. Если бы его кто-нибудь спросилъ въ то время: „что же ты будешь дѣлать съ своею любовью?“ — онъ не зналъ-бы, что отвѣтить. Онъ просто былъ влюбленъ и думалъ только о настоящемъ, считая въ то-же время необходимымъ пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы умалить своего соперника въ глазахъ Нади. Но до сихъ поръ ему это не удавалось. Выходило какъ-то такъ, что Карскій, благодаря своему убійственному хладнокровію по отношенію къ Борису, всегда являлся въ лучшемъ свѣтѣ, чѣмъ Борисъ, и нерѣдко послѣдній оставался просто въ дуракахъ... Но, можетъ быть, господа, вы поймете его: ему было всего семнадцать лѣтъ и онъ бродилъ, бродилъ словно въ потемкахъ, ослѣпленный своей любовью, своей страстью... Онъ не

думаль. Онъ воображалъ, повторяю, что стоитъ ему только свергнуть противника съ пьедестала, какъ все симпатіи Нади обратятся на него.

„Хочу знать навѣрно—любить-ли меня Карскій?..“ повторялъ Борисъ, не сводя глазъ съ бумажки.

Бѣдная дѣвочка! Значить, у нея закралось уже сомнѣніе, если она, блѣднѣя, рѣшилась задать этотъ вопросъ мнимымъ духамъ..

Надя была очень скрытна по натурѣ. Очевидно, она глубоко вѣрила, что отвѣты даются безъ инициативы Бориса и что въ этомъ есть что-то другое, непонятное и таинственное. Впрочемъ, не только Надя, но и все другіе, послѣ нѣсколькихъ испытаній и затруднительныхъ вопросовъ, которые Борисъ разрѣшалъ самымъ удачнымъ образомъ, были увѣрены, что отвѣты даются духами и что Борисъ владѣеть только ключемъ общенія съ ними.

Прошло четверть часа съ тѣхъ поръ, какъ Борисъ удалился въ гостинную съ заданными ему вопросами. Онъ слышалъ, какъ подъѣхала Варвара Яковлевна, которую все ждали, чтобы отправиться на вечеръ. Онъ соображалъ, что она должна теперь одѣваться и скоро выйдетъ въ залу. Надо торопиться...

Борисъ продержалъ передъ собою еще секунду роковой вопросъ и быстро, почти не сознавая, что дѣлаетъ, набросалъ слѣдующій отвѣтъ: *«Карскій фатъ, не любитъ тебя, не стоитъ тебя; будь осторожна, берегись. Духъ покойнаго твоего отца».*

Написавъ еще нѣсколько отвѣтовъ на другіе вопросы, онъ вынесъ ихъ въ залу и передалъ ожидавшимъ его съ нетерпѣніемъ.

Надя почти выхватила отвѣтъ на свой вопросъ и, такая-же блѣдная, какъ въ то время, когда писала вопросъ, быстро, ни на кого не глядя, унесла его въ свою комнату.

Черезъ нѣсколько времени вышла въ залу Варвара Яковлевна и объявила, что она готова ѣхать.

Когда всѣ собрались къ выходу, то замѣтили, что нѣтъ Нади. Одна изъ сестеръ Нади отправилась къ ней и скоро возвратилась съ сообщеніемъ, что у Нади болитъ голова и что на балъ она ѣхать не можетъ...

Карскій, видимо, былъ очень опечаленъ нездоровьемъ Нади. Онъ надѣялся провести съ нею весь вечеръ вмѣстѣ. Для него теперь терялась цѣль поѣздки.

Никто не придавалъ особеннаго значенія отказу Нади ѣхать на вечеръ: у нея и прежде бывали головныя боли.

Вся компанія съ шумомъ спустилась съ лѣстницы и усѣлась въ нѣсколькихъ извоичьихъ саняхъ. Ѣхать надо было довольно далеко, но легкія сани быстро скользили по лоснившемуся снѣжному пути, и минутъ черезъ двадцать мы достигли цѣли нашего путешествія.

Радужные хозяева встрѣтили насъ съ распростертыми объятіями и были очень опечалены, когда замѣтили отсутствіе красавицы Нади.

Борисъ рассказывалъ мнѣ, что у него было скверно на душѣ въ то время. Его томило какое-то предчувствіе, предчувствіе чего-то тяжелаго, неожиданнаго, страшнаго. Онъ готовъ былъ вернуться еще съ полдороги, повидаться съ Надей и откровенно сознаться ей въ гнусномъ обманѣ. Порою, напротивъ, проступало въ немъ словно довольство какое-то и онъ начиналъ разсуждать самъ съ собою.

„Ничего, думалъ онъ: конечно, она опечалена. Она не ожидала такого отвѣта и ей просто непріятно было видѣть Карскаго, по крайней мѣрѣ сейчасъ, въ этотъ вечеръ. Почему

знать: можетъ быть, она не захочетъ видѣть его и завтра, и послѣ завтра?“...

Но это самоутѣшеніе быстро проходило и онъ чувствовалъ себя нехорошо.

Лишь только узнали у Покровскихъ, — такъ звали хозяевъ, къ которымъ мы пріѣхали въ гости, — что Борисъ владѣетъ тайной отвѣтовъ, какъ тотчасъ-же его усадили и забросали кучей вопросовъ.

Удалившись, по обыкновенію, въ отдѣльную комнату и принявшись за разгадыванье, онъ не могъ сосредоточиться надъ прочтеніемъ вопросовъ. Мысли у него путались и блуждали. Надя не выходила изъ головы.

— Что она дѣлаетъ теперь, бѣдная? думалось ему. — Какое право имѣлъ я причинить ей такое огорченье? И къ чему я это сдѣлалъ? Чего я хочу и чего я достигну?... Нѣтъ... Я долженъ оставить все это и ѣхать туда сію-же минуту... Я долженъ рассказать ей все, броситься къ ея ногамъ и вымолить прощенье... Она добрая: простить и никому не скажетъ о моемъ глупомъ и гнустномъ поступкѣ... Положимъ, продолжалъ онъ, я сейчасъ поѣду, но, вѣдь, надо-же найти предлогъ, надо-же объяснить чѣмъ-

нибудь правдоподобнымъ мой внезапный уходъ... Но, послѣ нѣсколькихъ минутъ раздумья, Борисъ ударилъ себя по лбу и воскликнулъ: эврика! Поводъ былъ найденъ. Ему даже на душѣ стало легче. Онъ захватилъ въ руку листки съ вопросами и вышелъ въ залу.

— Что? Неужели уже готово? посыпались на него вопросы.

— Господа, со мною произошелъ маленькій казусъ, отвѣчалъ Борисъ, стараясь принять веселый и развязный видъ.

Я видѣлъ, какъ Карскій иронически улыбался, думая, что Борисъ не въ состояннн разрѣшить заданные ему вопросы. Но Борисъ продолжалъ:

— Я забылъ мои формулы, или, вѣрнѣе, я просто выронилъ ихъ въ гостинной у Варвары Яковлевны, когда передъ отъѣздомъ сюда, я давалъ отвѣты... Впрочемъ, не беспокойтесь: пусть ваши вопросы полежатъ здѣсь (и онъ положилъ ихъ на рояль), а я мигомъ съѣзжу, найду формулы и черезъ полчаса буду обратно... Затѣмъ, словно опасаясь, чтобы его не задержали, онъ быстро направился въ переднюю, отыскавъ свое пальто, опрометью спустился съ лѣстницы и выскочилъ на улицу.

Усѣвшись въ первыя попавшіяся сани, Борисъ пообѣщаль извозчику на чай и приказаль ѣхать какъ можно скорѣе.

Подѣхавъ къ дому, онъ, не позвонивъ съ подѣзда, вошелъ прямо въ ворота и поднялся по черной лѣстницѣ.

Какъ только Борисъ вошелъ въ комнаты, его поразила какая-то совершенно необычная суета. Прислуга металась, какъ угорѣлая. Двери поминутно хлопали. Въ залѣ онъ увидѣлъ нѣсколько любопытныхъ и испуганныхъ незнакомыхъ лицъ, очевидно жильцовъ-сосѣдей. Почти насильно удержавъ одну изъ пробѣгавшихъ по залѣ горничныхъ, онъ, наконецъ, узналъ въ чемъ дѣло.

— Барышня умирають... отравились! почти крикнула горничная, тараша на него искаженные испугомъ глаза и стремглавъ куда-то убѣгая...

Борисъ бросился въ спальню Нади. Картина, представившаяся ему, произвела на него навсегда неизгладимое впечатленіе.

Разметавшись и тяжело дыша, лежала на постели Надя. Глаза ея были закрыты. Безжизненно-блѣдное лицо, обрамленное волной

распустившихся волосъ, было дивно-прекрасно. Лилейная рука спустилась почти къ полу. Въ комнатѣ слышенъ былъ запахъ сѣры. На полу валялись спички. Стаканъ съ съ недопитой жидкостью стоялъ рядомъ съ кроватью на столикѣ. Двѣ свѣчи тускло освѣщали эту печальную картину.

Борисъ, не помня себя, бросился предъ лежавшей безъ памяти Надей на колѣни, припалъ къ рукѣ несчастной и такъ и застылъ въ этой позѣ. Двѣ горничныя его оттащили. Въ комнату вошелъ докторъ.

Борисъ все время осмотра не сводилъ съ доктора глазъ и, когда услышалъ отъ него слова надежды—бросился къ нему на шею...

Докторъ былъ давнишній знакомый и даже другъ семейства Гавриленковыхъ и потому отнесся къ несчастью какъ родной...

Молодость взяла свое. Надя скоро оправилась. Какъ только она поднялась съ постели и въ первый разъ вышла въ залу, Борисъ ей сознался во всемъ и безъ труда вымолилъ прощенье...

На Красную горку отпраздновали свадьбу Нади съ Карскимъ. Борисъ и я были шаферами...

Да, — закончилъ свой разказъ Николай Васильевичъ, — по счастью, все обошлось благополучно, но „роковой отвѣтъ“ остался памятнымъ Борису на всю жизнь. Уже тогда произошла коренная перемѣна въ его характерѣ: онъ сталъ выглядѣть совсѣмъ взрослымъ человекомъ, а въ двадцать лѣтъ у него пробивалась сѣдина... Теперь вамъ понятно, господа, почему онъ такъ чуждается спиритизма».

ВІДЬМА.

РАЗКАЗЪ

(изъ малороссійскаго быта).

I

Я былъ тогда шестнадцатилѣтнимъ юношей, гимназистомъ шестого класса ***ской гимназіи.

Радъ, бывало, радешенекъ, когда наступаютъ каникулы!

Кто не былъ гимназистомъ и кто не испыталь извѣстныхъ ощущеній при наступленіи каникулъ?..

Экзамены, отнимавшіе все время и заставлявшіе проводить безсонныя ночи, — окончены. Кончились тяжелыя минуты душевнаго трепета передъ каждымъ экзаменомъ... Все обошлось благополучно... Учебники сложены въ шкафъ и пролежатъ тамъ два лѣтнихъ мѣсяца, ни-

вѣмъ не тронутые... Скорѣе въ деревню, въ лѣсъ!... Подальше отъ душнаго, пыльнаго города... Въ чемоданъ укладываются удочки, сѣти, силки, ружье и прочіе вспомогательные атрибуты, необходимые для довершенія удовольствій каникулярнаго времени.

Петя Горчаковъ, Ваня и Коля Воскресенскіе и Саша Костенецкій—мои товарищи—ѣдутъ вмѣстѣ со мною. Дорога, значитъ, будетъ веселая! Впрочемъ, путь нашъ не долгій: чрезъ двое сутокъ мы будемъ уже дома.

Въ семь часовъ утра слѣдующаго дня мы уже на пароходѣ. Вся палуба набита биткомъ. На чистой половинѣ все больше нашъ братъ—гимназистъ, вперемежку съ кадетами. Тамъ и сямъ размѣстились пейсатые представители племени Израиля и, по обыкновенію, галдятъ и толкуютъ про гешефты, потрясая бородами и пейсами. Нѣкоторые изъ нихъ уже облачились въ свои полосатые халаты, обмотали ремнями руки и привязали ко лбамъ коробочки, приготовляясь къ утренней молитвѣ. Двѣ-три дамы съ дѣтьми; нѣсколько офицеровъ; нѣ-

сколько характерныхъ малороссійскихъ физиономій папенокъ, везущихъ своихъ питомцевъ домой—на каникулы, и наконецъ полдюжины духовнаго персонала, ѣдущаго также со своими птенцами. Всѣ стараются размѣститься поудобнѣе, пользуясь каждымъ свободнымъ мѣстомъ. Надъ палубой проносится только гулъ отъ гортаннаго говора неугомонныхъ евреевъ, которые уже давно размѣстились, забравшись на парходъ спозаранку.

Прозвонилъ третій звонокъ. Матросы быстро сняли маленькій трапъ. На минуту насъ оглушилъ рѣзкій, пронзительный свистокъ пархода. Съ верхней площадки у рулевого колеса раздался въ рупоръ густой басъ высокаго, дороднаго капитана:

— Отчаливай, задній ходъ!..

И круто повернувъ отъ пристани, громахая и хлопая по водѣ колесами, парходъ нашъ вышелъ на средину широкой, раздольной рѣки и мѣрно поплылъ вверхъ по теченію.

Свѣтлое, радостное лѣтнее утро. Воздухъ чистъ и прохладенъ. Быстро несутся навстрѣчу высокіе, крутые берега, чуть-чуть по-

дернутые легкой, прозрачной, утренней дымкой, постепенно тающей под лучами утреннего солнца.

Справа, берега эти сплошь заняты городомъ съ массой выдѣляющихся колоколенъ церквей, а слѣва поросли ивой и лознякомъ.

Набережная съ цѣлымъ лѣсомъ мачтъ осталась позади. Вотъ уже и городъ кончился. Мы подъѣзжаемъ подъ колоссальный, перекинувшийся съ одного берега на другой, величавый желѣзный мостъ. На минуту шумъ колесъ парохода становится явственнѣе. Промелькнула надъ головой сѣть переплетенныхъ между собою желѣзныхъ балокъ съ рѣзко выдѣляющимися шляпками заклепокъ. Стая кобчиковъ, спугнутая шумомъ парохода, вылетѣла изъ-подъ моста и, оглашая воздухъ жалобнымъ пискомъ, кружится надъ нами. За мостомъ, справа, тянутся предмѣстья города и дачныя мѣста. Два-три загородныхъ монастыря высятся надъ окружающей ихъ со всѣхъ сторонъ роскошной зеленой листвой... Вотъ, мы проходимъ еще подъ однимъ мостомъ и тутъ ужъ картина мѣняется, принимая другой характеръ. Высокіе, крутые берега усту-

пають мѣсто низкимъ, отлогимъ, гористая и холмистая мѣстность переходитъ въ ровную необъятную ширь луговъ, полей, лѣсовъ. Нѣжить и ласкаетъ глазъ путника эта необъятная ширь и гладь, вся залитая золотыми лучами утренняго солнца!... Манить она въ прохладу своихъ лѣсовъ, манить къ журчанью ручейка, просить послушать ни съ чѣмъ несравнимый концертъ своихъ щебетуній пташекъ. Но гордый пароходъ величаво проносится мимо, оставляя за собою длинное облако густого черного дыма...

На палубѣ почти не слышно говора. Всѣ заняты прелестными, чарующими видами. Въ первые два часа пути мы дѣлаемъ пятьдесятъ верстъ и пароходъ нашъ, сверотивъ въ сторону, останавливается у импровизированной пристани мѣстечка Т***. Остановка продолжается всего нѣсколько минутъ; публика занимается въ это время бросаніемъ съ палубы мелкихъ денегъ цѣлой толпѣ нищихъ, между которыми выдѣляется слѣпой *кобзарь-бандуристъ*. Затѣмъ, высадивши нѣсколько человекъ пассажировъ, мы двигаемся дальше и

еще чрезъ два часа наше рѣчное путешествіе оканчивается у мѣстечка Р***.

— Ну, господа, — обращается къ намъ Петь Горчаковъ, — тотчасъ-же разсыщемся въ разныя стороны для розысковъ Лейбы, если только онъ будетъ у пристани.

Мы все изъясняемъ согласіе, потому что Лейба — старый знакомый нашъ возница и съ нимъ намъ выгоднѣе ѣздить. Во-первыхъ, Лейба беретъ съ насъ дешевле, такъ какъ онъ изъ нашихъ мѣстъ; во вторыхъ у него лошади и *«балукала»* лучше чѣмъ у другихъ евреевъ-возчиковъ и, въ-третьихъ, Лейба все знаетъ, что у насъ дѣлается *дома*.

Не успѣлъ я сдѣлать и тридцати шаговъ отъ пристани, какъ тотъ-часъ-же узналъ между десятками *балагулъ*, бричекъ, натычанокъ и повозокъ балагулу Лейбы. Помогъ мнѣ въ этомъ лѣвый коренной конь его, свѣтлобуланаго, почти канареечнаго, цвѣта; такую масть у лошади мнѣ не приходилось больше встрѣчать ни прежде, ни послѣ.

Изъ-за колымаги выглянула знакомая

характерная фізіяномія Лейбы. Большой кривоватый носъ, длинныя вьющіеся пейсы, большая голова, обрамленная заостренной книзу бородой рыжеватаго оттѣнка, сидящая на плотномъ, высокомъ туловищѣ. Быстрые, ястребиныя глаза его въ мигъ узнали меня; ротъ его искривился улыбкой и правая рука, опустивъ на землю ведро, изъ котораго онъ обливалъ колеса, приподняла ермолку.

— Здравствуй, Лейба.

— Здравствуйте, паньчу.

— Какъ поживаешь?

— Слава Богу, какъ вы?

— Ничего, хорошо. Рассказывай, скорѣе: видѣлъ-ли нашихъ, что у насъ дома—все-ли здоровы?

— Кажется, все слава Богу, благополучно. Позавчера видѣлъ вашего папеньку—пріѣзжалъ въ наше мѣстечко:—приказывалъ непременно васъ привезти.

— Ну вотъ и прекрасно. Теперь идемъ скорѣе къ пристани: тамъ все наши изъ К***; они тоже тебя розыскивають.

Черезъ четверть часа мы уже укладывали наши чемоданчики въ необъятную колымагу

Лейбы. Лейба помогаль намъ въ этомъ и не уставаль отвѣчать на наши безконечные распросы про домашнія дѣла. Кромѣ насъ пятерыхъ, онъ взялъ еще какого-то фармацевта и на козлы посадилъ неизбѣжнаго *мальчика зъ видъ насихъ*; конечно, *мальчикъ* былъ съ бородой и усами. Всѣхъ съ возницей оказалось насъ восемь человекъ, но это пустяки: мы и по десяти умѣщались въ лейбиной необъятной балагулѣ...

Наскоро закусивъ въ Р., чрезъ полчаса мы были уже за заставой и медленно поднимались по крутому глинистому подъему. Трѣйка, запряженная такъ, что пристяжная была только одна, дружно тянула въ гору грузную колымагу. Лейба только посвистываль да помахиваль тонкимъ веревочнымъ кнутомъ со множествомъ узелковъ. Послѣ вѣзда на гору, потянулись безпредѣльные, уже успѣвшія выгорѣть степи. Мы уютно размѣстились на ворохѣ сѣна, покрытомъ одѣялами, въ бренчащемъ и звенящемъ экипажѣ и, не взирая на полуденный палящій зной, веселый говоръ, смѣхъ и шутки не прекращались ни на минуту.

Веселью нашему много способствовалъ фармацевтъ, оказавшійся довольно веселымъ малымъ.

Солнце уже садилось къ вечеру, когда мы подѣзжали на ночлегъ къ мѣстечку К***.

Напившись чаю въ единственномъ заѣзжемъ домѣ мѣстечка, мы рѣшили отправиться погулять немного за село. Благо и вечеръ обѣщалъ быть прекраснымъ.

Посидѣвъ нѣсколько времени у ветхой мельницы, мы двинулись дальше.

— Какая благодать! — воскликнулъ Горчаковъ, когда мы вышли по большой дорогѣ въ поле. — Какъ хорошо здѣсь!

Полной грудью вдыхали мы благорастворенный воздухъ. Тишина кругомъ стояла мертвая; только лягушки, гдѣ-то въ дальнемъ болотѣ, нарушали ее, выкрикивая свой до-нельзя однообразный концертъ. Кое-гдѣ, на небѣ, стали проглядывать яркіе глазки звѣздъ, а изъ за горизонта, изъ за еле виднаго лѣса, выплывалъ чинно, величаво, большой огненный шаръ луны, постепенно поднимаясь все выше блѣднѣя и уменьшаясь. Съ полей несло ароматомъ. Зеленѣющія нивы чуть-чуть колыхались отъ

дуновенія вѣтерка. На обратномъ пути, въ ближнемъ лѣсѣ, защелкалъ ночной пѣвецъ— соловей, довершая своимъ чуднымъ пѣніемъ вечернюю благодать. Боже, какъ хорошо!..

— Что-же, господа, когда вы ко мнѣ—въ лѣсѣ?—прервалъ я долго длившееся молчаніе.

— Да, вотъ, проживемъ немножко дома, осмотримся, а тамъ и къ тебѣ. У тебя дѣйствительно, должно быть хорошо—ближе къ природѣ, пояснилъ Петя.

— Только исполнишь-ли ты то, что обѣщаль?—спросилъ Костенецкій, усаживаясь на пригоркѣ, съ котораго видно было бѣлѣвшее, залитое луннымъ свѣтомъ село, покоившееся мертвымъ сномъ.

Мы всѣ послѣдовали его примѣру.

— Что я обѣщаль?—старался я вспомнить.

— Неужели забылъ?

— Право, не помню что-то.

— А ловлю вѣдьмъ?

— Да! такъ ты все хочешь серьезно этимъ заняться? Сдѣлай одолженіе. Пріѣзжайте поскорѣе. Мы живо это устроимъ.

— Мнѣ кажется,—замѣтилъ старшій Воскресенскій, что у него мы можемъ и безъ *этого*

весело и приятно провести время. Не понимаю, право, какая надобность, связываться съ нечистой силой, — прибавилъ онъ не то серьезно, не то иронически.

— Какъ не понимаешь, — прервалъ я его, — развѣ ты не помнишь, ради чего мы уговорились заняться на каникулахъ ловлей вѣдмъ? Развѣ я не рассказывалъ всѣмъ вамъ, что терпятъ злосчастные крестьяне отъ этихъ проклятыхъ вѣдмъ? Поэтому прошу тебя не думать, что это будетъ дѣлаться только ради удовольствія. Конечно, удовольствіе тутъ будетъ играть въ своемъ родѣ роль: — помилуй, ну, какъ не удовольствіе поймать вѣдму? — Но главная цѣль тутъ — это избавить бѣднаго крестьянина отъ этого страшнаго зла, которое онъ терпитъ и которому онъ покоряется изъ суевѣрной боязни, благодаря своему невѣжеству.

— Можетъ быть ты и правъ, — возразилъ Ваня, — относительно искорененія зла, но воля твоя, я, рѣшительно, не вижу никакого удовольствія въ самомъ процессѣ ловли, — и онъ какъ-то не то брезгливо, не то стараясь скрыть боязнь, судорожно сжалъ губы и повелъ плечомъ.

— Э, что ты тамъ чушь порешь, Воскресенскій,—вмѣшался Горчаковъ.—Ну, какъ таки нѣтъ удовольствія хотя-бы и въ самомъ процессѣ, какъ ты называешь! Представь себѣ:—тихая, лунная, украинская ночь, вотъ какъ эта,—провель онъ рукою вокругъ себя.—Мы сидимъ, притаившись, въ томительномъ ожиданіи... въ какомъ нибудь сараѣ. Каждый шорохъ заставляеть насъ вздрагивать и прислушиваться. Сидимъ часъ, другой, третій, боясь обмѣняться словомъ, боясь пошевелиться, чтобы не выдать нашего присутствія... Вдругъ, съ душевнымъ трепетомъ, скорѣе чувствуемъ, чѣмъ слышимъ приближеніе... приближеніе настоящаго... Бѣлый призракъ переносится чрезъ ограду, быстро приближается къ коровѣ и начинаетъ доить... Выждавъ моментъ, мы стремительно бросаемся на этотъ призракъ, хватаемъ его и.... тутъ онъ запнулся и вопросительно посмотрѣлъ на меня.

— Договаривай, договаривай,—промолвилъ Костенецкій съ нетерпѣніемъ.

— Ты такъ рассказываешь, какъ будто уже не разъ съ тобой случалось подобное..

— Да все равно, чтобы тамъ ни было

дальше, достаточно и этого; результатъ мы увидимъ послѣ. Но и по самому началу это должно быть великолѣпно! Это чортъ знаетъ какъ будетъ интересно!—прибавилъ онъ само-довольно потирая руки.

Ваня отвернулся.

— Пусть будетъ хоть разынтересно, — обратился онъ къ намъ всѣмъ, — только я попрошу меня избавить отъ этого *интереснаго* удовольствія.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! — вмѣшался молчаливый до тѣхъ поръ Коля. — Ты очевидно трусишь, а это не годится и при томъ не потоварищески. Ты знаешь — цыганъ повѣсилъ за компанію; и я тебѣ, какъ старшій братъ, — прибавилъ онъ съ комической важностью — между тѣмъ, какъ былъ моложе Вани на полтора года, — прямо приказываю или рекомендую, какъ говоритъ нашъ директоръ, не отлынивать и непременно присоединиться къ нашей экскурсіи въ область нечистой силы. Для безопасности-же — подмигнулъ онъ намъ, — мы тебѣ вручимъ револьверъ...

Ночная тишина огласилась дружнымъ хохотомъ... Ваня боялся всякаго рода оружія и потому слова брата были явной насмѣшкой.

стомъ, скалить зубы и лаетъ отъ радости. Подъ горкой, насъ встрѣчаетъ уже цѣлая стая вѣрныхъ домашнихъ псовъ и съ веселымъ визгомъ и лаемъ прыгаетъ чуть не на шею лошадямъ... Но, вотъ, огонекъ, крыльцо, и не успѣлъ Харитонъ остановить лошадей, какъ я уже выскочилъ изъ брички и попалъ въ дружныя объятія дорогихъ и милыхъ лицъ.

Прошло недѣли полторы послѣ моего прїѣзда домой. Я даже собирался послать нарочнаго съ письмомъ въ К., что-бы напомнить прїятелямъ объ ихъ обѣщаніи прїѣхать ко мнѣ, какъ въ одно дѣйствительно прекрасное утро, когда я возвращался съ охоты, одновременно съ моимъ приходомъ, только съ противоположной стороны, подкатила къ нашему крыльцу простая крестьянская повозка, запряженная парой мохнатыхъ лошадокъ, и изъ нея, со смѣхомъ и веселыми восклицаніями, выскочилъ знакомый уже намъ квартетъ въ полномъ его составѣ.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій, я ввелъ прїятелей въ залу. Было часовъ 8 утра и наши

уже всё встали. Перезнакомивъ всёхъ, я предложилъ компании выкупаться передъ чаемъ. Предложеніе радостно было принято, и мы бѣгомъ направились подъ гору къ пруду, по тропинкѣ, ведущей чрезъ огородъ, между грядами гороха, капусты и прочихъ овощей. Къ намъ присоединились и домашніе въ лицѣ, конечно, непрекрасной половины. Отецъ, съ полотенцемъ чрезъ плечо, съ большой соломенной шляпой на головѣ, шелъ за нами мѣрнымъ шагомъ и кричалъ моему младшему брату, который на всемъ скаку уже раздѣвался, чтобы не смѣлъ бросаться въ воду, не остывши.

Вернувшись съ купанья и напившись чаю, мы сообща начертали программу дня. Прежде всего, рѣшено было, до завтрака, заняться рыбной ловлей. Затѣмъ, позавтракавъ, — отправиться до обѣда въ лѣсъ, по грибы и землянику, причемъ желающіе могутъ взять съ собою ружья, на всякій случай.

Послѣ обѣда небольшой отдыхъ и затѣмъ снова въ лѣсъ, на знакомую поляну, въ центрѣ которой старый дубъ развернулся гигантскимъ шатромъ. На полянѣ — жмурки, горѣлки, бѣгъ въ запуски и проч.

Программа была исполнена со всевозможной добросовѣстностью. Съ закатомъ солнца, немного усталые, вернулись мы домой къ вечернему чаю.

Петя уличилъ удобную минуту, когда всѣ занялись какимъ-то общимъ разговоромъ и знаками показалъ мнѣ на дверь, выходящую на дворъ. Я тотчасъ-же улизнулъ на крыльцо. Черезъ минуту явился и Петя.

— Ну, братъ, докладывай, проговорилъ онъ, усаживаясь на ступенькахъ крыльца и знакомъ приглашая меня послѣдовать его примѣру.

— О чемъ?

— Какъ о чемъ? Неужели опять забылъ? Само собою разумѣется о вѣдьмѣ. Вѣдь, это не обижайся, главная цѣль нашего пріѣзда къ тебѣ. Я думалъ мы сегодня-же отправимся въ экскурсію. До села недалеко, ты говорилъ?

— До села, положимъ, не больше двухъ верстъ. Но дѣло въ томъ, что не все еще подготовлено. Знай я, что вы пріѣдете сегодня, — можно было-бы все подготовить, а теперь дай немножко времени. Сейчасъ мы пойдемъ

съ тобой къ Харитону, въ конюшню, потолкуемъ съ нимъ, а завтра я отправлюсь въ село для осмотра позиціи и переговоровъ, и вечеромъ, какъ только улягутся всѣ спать, — маршъ въ экспедицію!...

— Кстати, отецъ твой знаетъ что-нибудь про *это*?

— Нѣтъ, я ему ничего не говорилъ. Не безпокойся, онъ ничего не будетъ имѣть противъ *этого*. Только, я, все-таки, думаю разсказать ему послѣ совершенія факта, а то — Богъ ихъ знаетъ стариковъ! Въ особенности, если *мутерхенъ* узнаетъ — тогда пиши пропало!.. Она сейчасъ увидитъ въ этомъ опасность, ей могутъ почудиться всевозможные ужасы .. и *дѣло* наше легко можетъ тогда не состояться.

— Ну, какъ знаешь.

— Да, затѣмъ, вотъ еще что, добавилъ я. — Мои младшіе братцы не должны быть причастны къ этому дѣлу: во первыхъ, они народъ слишкомъ ужъ юный и, во-вторыхъ, болтуны...

— Конечно, конечно, одобрилъ Петя, — я самъ объ этомъ еще раньше подумалъ. Надо

будеть только предупредить нашихъ, чтобы не проболтались имъ.

Мы отправились къ Харитону. Напоивъ лошадей и заложивъ имъ въ ясли корму, онъ уже укладывался въ своей конуркѣ, рядомъ съ лошадьми, приготовляясь ко сну.

— Ну, что, Харитонъ, — спросилъ я, — ты до сихъ поръ мнѣ ничего не передалъ — что узналъ на селѣ?

— Да, никола было... Вы гуляли цілый день...

— Такъ рассказывай теперь скорѣе. *Есть? Годъ? У кого?*

Та, у Степана-же. Все у него другой годъ вже. Тількі теперь друга. Перше була не ця.

— Почему-же онъ знаетъ, что не эта?

— По примѣтѣ.

— По какой примѣтѣ?

— Ота перша корову не портила и молоко выдаювала не усе, а ця одну корову зовсімъ спортыла, а другу — мабуть здорова *) — выдаювае дочиста...

— Ну, ладно... Скажи-ка лучше — Степанъ согласенъ?

*) Должна быть, сильна.

- Ни.
- Какъ нѣтъ, почему?
- Говорыть—боюсь...
- Чего?
- Та того, говорыть, що нічого, говорыть, не поможе, а тільки гірше буде...
- Почему-же гірше?
- А, Богъ его знае...
- Ну, это пустое. Завтра я самъ съ нимъ утромъ повидуаюсь и потолкую.
- Знаете що, панычу? Я и самъ такъ думаю,—проговорилъ Харитонъ, почесывая спину, що—лучше вамъ, панычу, не браться за оце діло. Нехай бісъ візьме ту прокляту відьму!..
- Пустяки. Ты, вотъ, лучше скажи сѣна принесть намъ въ залу?
- Принісь. Одарка вамъ вже и постлала...
- Ну, спокойной ночи.
- Прощайте.
- Завтра, смотри, пораньше разбуди.
- Добре.

Дома уже всѣ разошлись по своимъ комнатамъ и мы послѣдовали общему примѣру. Утромъ, на слѣдующій день, чуть только

забрежилъ свѣтъ, въ окно залы тихо посту-
чался Харитонъ. Я всталъ, одѣлся, сбѣгалъ
къ пруду выкупаться, вышилъ стаканъ пар-
ного молока и отправился на село, къ Степа-
ну. Дорога до самаго села шла лѣсомъ. Изба
Степана была недалеко отъ окраины, но по-
пасть къ нему можно было съ двухъ сторонъ.
Со стороны главной улицы и задворками.
Послѣднюю дорогу непременно надо было изу-
чить для предполагавшейся вечерней экспе-
диціи.

Степана я зналъ уже раньше. Онъ возилъ
намъ дрова и вмѣстѣ съ тѣмъ два въ
годъ чистилъ въ лѣсничествѣ трубы. Это былъ
добрый, трудящійся мужикъ, съ обыкновен-
ной малорусской физиономіей. Семья у него
была большая. Жена, шестеро дѣтей и у него
жила еще вдова, сестра жены, съ тремя мало-
лѣтними ребятишками.

Нечего и говорить какую важную роль иг-
раетъ въ крестьянской семьѣ, съ кучей мало-
лѣтнихъ дѣтей, кормилица-корова и потому
нѣтъ надобности пояснять то бѣдственное по-
ложеніе, въ которомъ находилась семья Сте-
пана, благодаря проклятой вѣдьмѣ.

Перелѣзая чрезъ загороди и плетни, пробираясь *ливадами* и трюнками между грядъ со всякой огородной овещью и прикрытый рядами высокихъ подсолнчниковъ и кукурузы, я проникъ во дворъ Степана, ни кѣмъ не замѣченный. Степанъ возился подъ навѣсомъ съ какимъ-то колесомъ и, казалось, вовсе не удивился моему приходу. Онъ степенно отвѣтилъ на мое привѣтствіе и оставилъ работу.

Я присѣлъ на опрокинутыя сани, сложенные на лѣто подъ навѣсомъ и пригласилъ его сдѣлать то-же. Онъ помѣстился напротивъ меня на какомъ-то деревянномъ обрубѣ.

Навѣсъ, подъ которымъ мы сидѣли, находился въ такъ называемомъ *загонѣ*, то есть въ огороженной части крестьянскаго двора, куда загоняется на ночь скоть. Посрединѣ загона помѣщаются, обыкновенно, ясли, устроенныя въ видѣ большой низкой корзины. Въ ненастную погоды коровы и прочій домашній скоть имѣютъ возможность спрятаться подъ навѣсъ, если тамъ остается для нихъ мѣсто. Навѣсъ кроется, обыкновенно, соломой и служитъ складочнымъ мѣстомъ для сельско-хозяйственныхъ орудій, соломы, сѣна и нехит-

рыхъ экипажей, употребляемыхъ въ крестьянскомъ быту.

Предчувствуя, что наше ночное представлєніе будетъ происходить именно въ этомъ мѣстѣ, я окинулъ бдительнымъ окомъ театральную арену и кулисы и нашель, что навѣсь, съ наложеномъ подъ нимъ хламомъ, будетъ служить намъ прекраснымъ мѣстомъ для укрытія отъ постороннихъ глазъ, въ ожиданіи появленія вѣдьмы.

— Ну-съ, потолкуемъ,—обратился я къ Степану. — Харитонъ мнѣ передалъ, что ты будьто не хочешь, что-бы мы избавили тебя отъ вѣдьмы. Расскажи, пожалуйста,—почему?

Степанъ нѣсколько помялся и отвѣчалъ не съ разу.

— Эхъ, панычу—началь онъ.—На що ві оце задумалі зъ тою відьмою? Наиперше того, я знаю, що нічого не pomoже и ві її не зловіте. Хиба це першій разъ? Опанась Гладкій вже ловівъ її въ запрошломъ року и що-жъ?—нічого не вйшло. Відьма окрутну-нулась, наиперше усего колесомъ, потімъ кіш-кою, потімъ собакою, потімъ галкою, та и сгинула, а на другій вечіръ знову прійшла и

выдоила корову, та ще и спортіла. Опанась продавъ корову на ярміці. Такъ и зо мною буде. Якъ ві станете ловить її—усе одно не піймаєте: вона ще гірше озлітєся и спортить и другу корову и потімъ мушу продать обыдві...

Я хотѣлъ перебить Степана, но онъ продолжалъ, привставъ съ обрубка и какъ бы съ мольбой въ голосъ:

— А оставить її у покои буде лучше. Вона подоить ще одно літо, та и перейде къ другому. Ці відьмы усе такъ: два года подоить, потімъ переходить у другу хату.

— Нѣтъ, Степанъ, ты не правъ,—сталь я доказывать ему.—Во-первыхъ, Опанась, видно, испугалєся вѣдьмы, когда она очутилась у него въ рукахъ и, благодаря разговорамъ вашимъ, которыхъ онъ наслушалєся сизмальства, ему просто почудилось, что она оборотилась и въ то, и другое, и въ третье. Вѣдьма—это ничего больше, какъ простая, переодѣтая женщина, по большей части старуха, которая васъ дурачить, обманываетъ и безсовѣстно обкрадываетъ...

— Простая не спортить корову, — перебилъ онъ меня...

— Подожди, Степанъ, дай мнѣ кончить.
— Спортить корову не трудно: есть такое лѣкарство, которое останавливаетъ молоко... Затѣмъ, неужели ты будешь доволенъ, если вѣдьма оставитъ въ покоѣ тебя и перейдетъ къ твоему сосѣду? Черезъ два года, какъ ты самъ говоришь, она можетъ снова навѣщать тебя. Между тѣмъ, я даю тебѣ слово, что если только вѣдьма сегодня придетъ и попадетъ въ наши руки — а насъ пятеро — то, будь покоенъ, она не только оставитъ тебя, но и къ другому больше не пойдетъ. Подумай только, что у тебя съ завтрашняго дня станутъ опять двѣ здоровыя коровы, отъ которыхъ у тебя будетъ вдоволь молока для дѣтей. А дѣтямъ плохо безъ молока?

— Ще якъ! отвѣтилъ онъ со вздохомъ.

— Ну, вотъ, видишь? Кромѣ того, ты можешь продавать масло, сыръ и самое главное то, что ты ничего не теряешь. Положимъ, намъ не удастся. Все-таки вѣдьма будетъ напугана и навѣрно нескоро къ тебѣ заглянетъ, а коровы все равно никакой пользы тебѣ не приносятъ. Притомъ, Степанъ, намъ не въ первый разъ ловить вѣдьму — я тутъ

рѣшился прилгнуть для большаго убѣжденія:
 —подъ Кіевомъ, продолжалъ я, мы уже пой-
 мали такую.

— И що-жь?—перебилъ Степанъ, съ за-
 мѣтнымъ интересомъ.

— Ну, поймали, и отдали подъ стражу.

— Якъ? відьму підъ стражу?—сдѣлалъ онъ
 удивленные глаза.

— Конечно. Что-же тебя удивляетъ?

— И вона не перевернулась *)?

— Да, брось ты эти переворачиванья. Я
 же свазалъ уже тебѣ, что это простая пере-
 одѣтая баба.

— А потімъ що?

— То есть съ бабой что сдѣлали?

— Эге.

— Ну, изъ подъ стражи отправили ее въ
 судъ; тамъ разобрали дѣло и посадили ее въ
 тюрьму.

— А потімъ що? Не вылетѣла на по-
 мелі**) у трубу?

*) Т. е. не оборотилась-ли въ другое существо.

**) Помело—палка съ навязаной на концѣ тряпкой
 для обметанія золы предъ посадкой хлѣба въ печь.

— Не безпокойся, не вылетѣла. Отсидѣла два года въ тюрьмѣ и когда вышла оттуда, то больше никогда вѣдьмой не была...

Степанъ стоялъ въ нерѣшительности. Видимо, въ немъ происходила внутренняя борьба. Съ одной стороны, рисовалось заманчивая перспектива избавленія отъ вѣдьмы, съ другой—недовѣріе къ юному избавителю и боязнь за дальнѣйшія послѣдствія.

— Что-же ты молчишь, Степанъ?

Степанъ еще съ минуту стоялъ молча.

— Робить, якъ знаете, махнулъ онъ рукой.

— Ну, ладно. Теперь надо хорошенько осмотрѣться,—гдѣ намъ лучше спрятаться.

И мы произвели тщательный осмотръ мѣстности. Я рѣшилъ размѣстить товарищей по угламъ, подъ навѣсомъ. Кого за сѣно, кого за груды старыхъ саней, кого— на дно телѣги. Самъ я рѣшилъ помѣститься подъ крышей навѣса для лучшаго наблюденія за внутренностью *загона*. Для этого надо было продѣлать въ крышѣ навѣса отверстіе, вродѣ окна,—что было легко исполнить, такъ какъ крыша была соломенная и Степанъ тотчасъ-же выдернулъ

одинъ снопъ съ наружной стороны и предложилъ мнѣ влѣзть по его спинѣ на балку.

Я, конечно, отклонилъ предложеніе. Подпрыгнувъ и уцѣпившись за балку, я притянулся на мускулахъ рукъ и въ одно мгновеніе сидѣлъ уже на ней верхомъ. Степанъ глядѣлъ не безъ удивленія. Импрозированное окно оказалось вполнѣ отвѣчающимъ своему назначенію наблюдательнаго поста и, потому, вопросъ объ осмотрѣ мѣстности можно было считать оконченнымъ.

— Не хочешь-ли и ты съ нами, Степанъ заѣхать тутъ сегодня вечеромъ?

— Э, ни, панычу. Я и не выгляну изъ хаты... Робить самі, якъ знаете,—повторилъ онъ свою фразу и опять махнулъ съ какимъ-то отчаніемъ рукой.

Мы съ нимъ разстались и, я поспѣшилъ домой тѣмъ-же путемъ.

Дома уже всѣ встали и, по обыкновенію, собирались къ утреннему купанью. Я издали замѣтилъ отца, стоявшаго на крыльцѣ.

— Ты куда исчезъ такъ рано?

Пришлось лгать.

— Вчера я поставилъ силки на соловья и пошелъ провѣдать—не попался-ли?

— Что-же такъ долго?

Представьте себѣ, забылъ мѣсто, въ которомъ оставилъ силки и только послѣ долгихъ розысковъ удалось найти, — отвѣчалъ я, стараясь показать, что все вниманіе мое обращено на кружившагося надъ крышей большого ястреба, завидѣвъ котораго голуби поспѣшили спрятаться въ свои гнѣзда.

Весь квартетъ высыпалъ въ это время на крыльцо и щекотливый разговоръ прекратился.

По дорогѣ къ пруду, Петя успѣлъ распросить меня о рекогносцировкѣ. Я передалъ ему вкратцѣ разговоръ со Степаномъ и сообщилъ результатъ осмотра арены дѣйствія.

Въ теченіе дня, мы, конечно, успѣли собраться все вмѣстѣ и столковаться о планѣ дѣйствій до отправления въ нашу ночную экскурсію.

Рѣшено было отправиться въ село тотчасъ послѣ того, какъ все улягутся спать. Ложились у насъ, лѣтомъ, по большей части рано. Спальной, какъ извѣстно уже читателю, служила намъ зала съ общою постелью, изъ свѣжаго душистаго сѣна. Овна залы выходили прямо къ спуску въ лѣсъ, такъ что въ

ночное время можно было совершенно свободно выйти через окно, не будучи замѣченнымъ.

Цѣлый день мы находились въ ажитаціи, не то въ волненіи, не то въ тревогѣ. Къ счастью, некому было слѣдить за нами: мать занялась по хозяйству, а отецъ уѣхалъ по дѣламъ въ главную контору, находившуюся въ К****.

Часовъ въ восемь вечера, отецъ вернулся домой усталый и, послѣ чаю, мы разошлись по своимъ спальнямъ.

— Раздѣваться не будемъ проговорилъ шопотомъ Коля.

— Конечно, конечно, отвѣтилъ я. Намъ надо какъ можно пораньше занять позицію.

Какъ только въ домѣ воцарилась тишина, мы всѣ, какъ мнѣ казалось—пятеро, тихо, безъ малѣйшаго шума, точно воры какіе, вылезли въ окно и черезъ минуту скрылись въ лѣсной дорожкѣ, ведущей къ селу.

Отойдя на приличное отъ дому разстояніе, я рѣшилъ остановить свою команду на первой понавшейся на пути полянкѣ для передачи окончательныхъ инструкцій нашей экспедиціи.

Когда мы вышли на освѣщенную луной полянку, я съ удивленіемъ замѣтилъ, что насъ только четверо... Оказалось, что Ваня измѣнилъ и остался дома.

— И, Богъ съ нимъ, замѣтилъ Петя. Пожалуй, съ его трусостью, онъ намъ испортилъ-бы только все дѣло. Лишь-бы только онъ легъ спать и не вздумалъ-бы открыть нашей экспедиціи домашнимъ... А то, еще лучше, что онъ остался...

Ваня вступился за брата.

— Нѣтъ, господа, что трусовать мой милый братецъ—этого скрыть нельзя. Но онъ не способенъ на фискальство. Навѣрно, онъ уже спитъ сномъ праведника...

Мы всѣ успокоились на этомъ и я приступилъ къ дѣлу:

— Господа, началъ я съ приличной случаю торжественностей:—дѣло, предстоящее намъ, очень важно, и важно по многимъ уже извѣстнымъ вамъ причинамъ...

Всѣ согласились.

— Единодушіе—главная гарантія успѣха.

— Вѣрно! Подхватили Петя и Саша въ одинъ голосъ.

— Поэтому, будемъ надѣяться, господа, что за отсутствіемъ сомнѣнія въ послѣднемъ обстоятельствѣ, — дѣло наше должно увѣнчаться полнымъ успѣхомъ...

— Непремѣнно! Всенепремѣнно! Подхватило тріо.

— Теперь, весь вопросъ въ томъ—продолжалъ я—чтобы намъ какъ можно незамѣтнѣе проникнуть въ *загонъ* и тамъ тотчасъ-же укрыться, не подавая о присутствіи нашемъ ни малѣйшаго намека никакой вѣдьмѣ. Затѣмъ, по данному сигналу, выскочить всѣмъ отрядомъ изъ засады и разомъ учинить натискъ на врага... Сигналь—свистокъ, и я вынулъ изъ кармана маленькій свистокъ для охотничьей собаки. Еще одно:—не заснуть, иначе—все дѣло пропало. Очень можетъ быть, что намъ придется провести въ молчаніи скучнѣйшихъ два-три часа, но нужно ихъ терпѣливо выдержать для успѣха задуманнаго предпріятія.

Снова, всѣ согласились, а Саша, отъ избытка чувствъ, даже пожалъ мнѣ руку.

— А теперь, господа, скорѣе въ путь...

И мы, скорымъ шагомъ, отправились дальше.

Скоро мы достигли опушки лѣса и передъ нами открылось освѣщенное луною село.

Перелезши чрезъ небольшой плетень, вдоль котораго тянулся рядъ большихъ плакучихъ ивъ, мы очутились въ *ливадь*, пройдя которую отправились дальше, проникли еще черезъ нѣсколько загородей и, наконецъ, добрались до стѣпановскаго *загона*.

Чрезъ отраду, внутри загона, удобреннаго слоемъ накониешагося намета, ясно вырисовывались двѣ маролосляя коровы, жевавшія въ ясляхъ соломѣ и довольно тощая, присосѣдившаяся къ нимъ, лошаденка.

— Ну, господа, долго разглядывать нечего, прощенталь я:—разъ, два три! Тихо, Бога ради, безъ шума и тотчасъ—подъ навѣсъ...

Петя усѣлся, по моему указанію, за сломанными санями, Ваня и Саша помѣстились за борохомъ соломы, а я занялъ опредѣленную утромъ позицію, подтвердивъ товарищамъ, предварительно, соблюденіе полной тишины и бдѣнія.

Наконецъ, мы всѣ по своимъ мѣстамъ. Засада устроена во всемъ, согласно предварительнымъ утреннимъ соображеніямъ и дислокаціи...

Настало томительное ожиданіе. Былъ часъ десятый въ началѣ. Съ перваго-же момента, время стало тянуться неимовѣрно долго... Минута каждая казалась часомъ...

Кто-то сдержано чихнулъ за ворохомъ соломы.

— Боже, что же это такое! воскликнулъ я про себя.

За санями, немного спустя, послышался довольно явственный зѣвокъ.

— Еще этого не доставало! снова подумалъ я.

Хотя я зналъ, что еще далеко не время, но, для очистки совѣсти, выглянулъ въ свое импровизированное окно.

Въ загонѣ все тихо и спойно. Одна изъ коровъ, лежа около ясель, флегматично пережевываетъ жвачку. Лошаденка прикурнула, стоя у плетня... Луна ярко свѣтитъ и озаряетъ погрузившееся въ мирный сонъ село... Изрѣдка только слышится лай собаки...

Мнѣ казалось, прошло больше двухъ часовъ съ того времени, какъ мы засѣли.

— Что если вдругъ, думалось мнѣ, команда моя заснула и, по приходѣ вѣдьмы, я

свистну и одинъ брошусь на нее и не справлюсь?.. Какъ-то, все-таки, страшно одному... Дай, попробую, навести маленькій контроль.

— Саца? едва слышно прошепталъ я.

— Что ты? Пора? слышался вопросительный нетерпѣливый шопотъ внизу, изъ за соломы.

— А, значить не спать?... Ничего, сиди... скоро... прошепталъ я въ отвѣтъ.

И снова томительное ожиданіе... Ноги затекли и какъ деревянные стали. Я перемѣнилъ положеніе и чуть не упалъ, потерявъ равновѣсіе.

Я началъ чувствовать, что меня одолеваетъ дремота. Я ущипнулъ себя за ухо и снова выглянулъ въ свое окно.

Въ загонѣ та-же тишина. Вторая корова также легла по сосѣдству съ первой... Лошаденка опустила голову низко, низко... Въ сосѣднемъ вишнякѣ щелкнулъ соловей и пересталъ, словно боясь нарушить торжественную тишину ночи...

— Господи, когда-же *это*? Неужели еще долго? Или можетъ быть мы играемъ глупую комедію и сидимъ тутъ напрасно...

Но, вотъ, съ другого конца деревни донесся крикъ пѣтуха...

— Ну, теперь скоро, съ облегченнымъ сердцемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не безъ душевнаго трепета подумалъ я, и, ощутивъ въ карманѣ свистокъ, взялъ его въ руку.

Опять я выглянулъ въ окно и оглядѣлъ ограду. Ничего не видно. Пѣтухи, чередуясь, переливаются по селу...

Теперь надо слѣдить зорко... Я чувствовалъ бѣненіе собственнаго сердца...

Но, вотъ, я различаю какую-то тѣнь на углу загона и, затѣмъ, по ту сторону ограды, ясно вырисовывается *что-то* въ бѣломъ, большаго, казалось, выше человѣческаго роста... Я различаю даже длинную волну волосъ за плечами привидѣнія... Лицо закрыто бѣлымъ покрываломъ съ отверстиями только для глазъ... Черезъ свои прорѣзы *оно*, казалось, внимательно осматривало внутренность загона... Признаюсь, у меня мурашки забѣгали и распространилась дрожь по всему тѣлу.

— Батюшки, какая большая! подумалъ я... Должно быть сильная... Какъ мы справимся съ нею?..

Мнѣ казалось, я не въ состояніи буду свистнуть...

— Фу, стыдись! ободрялъ я себя.— Вотъ и струсилъ... Что-же удивительнаго въ томъ, что темный, суевѣрный Степанъ боится вѣдьмы?... Не ты-ли самъ читалъ ему утромъ такое вразумительное нравоученіе?...

Самоподбадриваніе и мои размышленія лишили меня возможности видѣть какимъ образомъ привидѣніе перескочило чрезъ ограду... Я только видѣлъ теперь ясно, что разстояніе между мною и вѣдьмой сокращается и что она уже приблизилась къ одной изъ коровъ.

Обѣ коровы быстро поднялись на ноги и сначала нѣсколько шарахнулись, было, въ сторону, но, видно, узнавъ въ привидѣніи старую знакомую, онѣ успокоились и одна изъ нихъ преспокойно позволила себя доить.

Далѣе задумываться было нечего. Время настало... Я судорожно прижалъ свистокъ къ губамъ, легкій свистъ огласилъ ночную тишину и я кубаремъ скатился съ балки внизъ...

Но я былъ не одинъ. Пріятели не выдали. Они выскочили изъ своихъ засадъ и мы всѣ

разомъ бросились на вѣдьму. Я и Петя, какъ болѣе сильные, схватили ее за руки, Саша и Коля ухватились за косу, которая тутъ же и осталась у нихъ въ рукахъ. Это обстоятельство, сначала, ихъ сильно озадачило, но ободряемые нами, они бросили косу прочь и ухватились за что попало...

Никогда не забуду этой картины! Казалось, это не дѣйствительность, а просто комическая сцена, выхваченная изъ какой-нибудь фееріи...

Но намъ было не до смѣха, не до комизма...

Луна, словно, иронически глядѣла на насъ съ неба, накладывая таинственный отпечатокъ на наши и безъ того блѣдныя лица...

Въ первый моментъ, вѣдьма, казалось, была сильно поражена нашимъ внезапнымъ нападеніемъ. Изъ прорѣзовъ полотна удивленно и испуганно блестѣли ея черныя глаза. Она какъ-бы замерла отъ неожиданности и страха... Потомъ, вдругъ, рванулась съ неимоверной силой, стараясь освободиться и силясь приподняться на ноги. Но восемь молодыхъ рукъ держали ее крѣпко и опрокинули навзничь...

Покрывало мигомъ было сорвано и удив-

леннымъ взорамъ нашимъ представилась прелестная женщина...

Черные, блестящіе какъ горящій уголь, съ длинными загнутыми рѣсницами глаза глядѣли съ мольбой о прощеніи... Черная, теперь уже настоящая, коса разсыпалась по круглымъ плечамъ... Упругая грудь высоко поднималась подъ тонкой маллорусской сорочкой и усиленно дышала. Она вся трепетала въ нашихъ рукахъ, какъ подстрѣленная птица...

Мы, юноши, раскрыли рты отъ восхищенія и невольно дали ей возможность приподнять голову съ земли и принять сидячее положеніе. Всѣ четверо мы размѣстились вокругъ нея на колѣняхъ и продолжали крѣпко держать ее за руки...

— Пуст...и...и...ть! — тихо молвила она, стараясь уже безъ прежняго усилія высвободить руки.

Мы молчали. Мысли у каждаго изъ насъ путались въ головѣ и языкъ не поворачивался. Ея собственное смятеніе не давало ей возможности видѣть нашу нерѣшительность и волненіе.

Пустить, нащо я вамъ? — снова проговорила разоблаченная вѣдьма.

Опять молчаніе.

— Що хотите — визмить, тильки пустить мене... Ой, бідная моя головонька!..—начала она причитать.

— Нѣтъ голубушка, пробормоталь я,—попалась... теперь не пустимъ!...

Но надо было чѣмъ нибудь-кончить. Нельзя-же было вѣчно держать за руки это дивное существо и глядѣть въ его чудные очи..

Я нервый пришелъ въ себя и рѣшилъ предпринять что-нибудь. Послѣ перваго испытаннаго волненія и удивленія, сознаніе дѣйствительности начало проникать мало-по-малу въ мой мозгъ, а вмѣстѣ съ нимъ—сознаніе *долга*, цѣли нашей ловли и все прочее... Заранѣе обдуманнаго плана дальнѣйшихъ дѣйствій не было, тѣмъ болѣе, что вовсе не предполагалось подъ непригляднымъ покровомъ „видьмы“ найти такую очаровательную красавицу.

По моему знаку, мы приподняли ее на ноги, причемъ на землѣ остались высокія подставки для ногъ, такъ называемыя *ходули*, отчего она казалась раньше такъ высока,—и, продолжая держать ее за руки, провели подъ навѣсъ и заставили присѣсть на обрубокъ, на

которомъ, утромъ, разговаривая со мной, сидѣлъ Степанъ...

„О, если-бы онъ зналъ,—подумалось мнѣ,—что вѣдьма сидитъ на его обрубкѣ“!..

— Ты кто такая?—обратился я къ ней.

— Дівка...

— Какъ зовуть?—тономъ строгаго судьи, продолжалъ я.

— Нащо вамъ?...

— Не твое дѣло! Говори, какъ зовуть?

— Хри...и...стя...

— А дальше?

— Нащо вамъ?..

— Говори!...

— Батька Ивановъ звалі...

— А, по прозвищу?

— Ко...о...овтуненко...

— Зачѣмъ принимала видъ вѣдьмы и обижала добрыхъ людей?

— Що?

— Зачѣмъ стала вѣдьмою?

— Не знаю...

— Какъ не знаешь? говори!

— Маті була вѣдьмою и я стала ію...

— И тебѣ не грѣшно, не стыдно?

- Не буду...
- Что?
- Больше не буду... Пустить мене...
- Нѣтъ, подожди. Зачѣмъ корову испортила?
- Я не портѣла?
- Кто-же ее испортилъ?
- Не знаю.
- А ты можешь ее поправить?
- Кого?
- Корову.
- Можу. Зо мной есть зѣлля.
- Давай...

Я взялъ ее повыше локтя и освободилъ кисть руки. Она полѣзла за пазуху и вмѣстѣ съ подсолнечными сѣмечками достала какой-то узелокъ.

— Визмѣть, — протянула она руку: — теперь пустить мене.

— Постой, какъ-же надо давать?

— Пораньці, зъ пойломъ...

— Хорошо... Теперь скажи, — ты знаешь, что тебѣ будетъ?

— Що?

— Сейчасъ отдадимъ сотскому, а завтра повезутъ тебя въ городъ, въ судъ.

— Не робыць цёго, панычы, на што вамъ губіць душу?

— А, ты не губила? Ты думаешъ мало зла принесла людямъ?...

— Не буду...

— Я знаю, что теперь не будешь. — Какъ посидишь пять лѣтъ въ тюрмѣ — поневолѣ исправишься...

— Я и такъ не буду...

По деревнѣ пронесся крикъ вторыхъ пѣтуховъ. На востокъ, начала бѣлѣть полоса, предвѣстница утра. Луна, на минуту, скрылась за облаками. Звѣздочки глянули съ неба.

Поручивъ Сашѣ и Колѣ держать крѣпко нашу жертву, мы съ Петей отошли нѣсколько въ сторону для составленія приговора. Совѣщаніе было непродолжительно. Безъ сомнѣнія, слѣдовало отпустить красавицу, взявъ съ нея предварительно клятву въ томъ, что она прекратитъ свое милое ремесло и поведетъ, новую трудовую жизнь.

— Освободите ей руки!...

Стража разжала пальцы. Христя радостно вздохнула и тутъ-же, кокетливо улыбаясь,

стала приводить въ порядокъ свой неприхотливый туалетъ. Толстая, непослушная коса никакъ не хотѣла умѣститься на головѣ и все разсыпалась по плечамъ. Луна снова освѣтила картину.

— Вотъ что, Христя,— обратился я къ ней,— мы тебя отпускаемъ.

— Спасибо, панычи...

— Подожди... Но отпускаемъ съ тѣмъ, что ты поклянешься намъ, что больше вѣдьмою не будешь, что ты бросишь мерзкое дѣло и станешь хорошею работающею *дивчиной*, какъ другія.

— Нехай мене Богъ убье! Нехай я сгину, щобъ очі мои світа божьяго не бачілі, коли я буду більше вѣдьмою. Тількі, панычи, будьте милостіви не кажіть нікому про це...

— Мы будемъ молчать. Но знай, что мы будемъ за тобою слѣдить и—чуть что—ты пропала...

— Добре. Я поклялася... Бывайте здоровеньки, прощайте... У неділю *), прійду по оріхі **),—ласково глянула она на насъ и въ мгновение ока была за оградой...

*) Въ воскресенье.

**) По воскреснымъ днямъ, сельскія дѣвчата, обыкновенно, являлись въ лѣбничество для полученія ярлычковъ, на право сбора о; їховъ изъ половинной части.

— *Finita la comedia!*—воскликнуль Петя.—
Только, послушай дружище! Какъ же такъ?
Неужели мы больше ее не увидимъ?...

— Почему нѣтъ? Ты, вѣдь, слышалъ: въ
воскресенье придетъ за ярлычкомъ—*no orixi*.

— Счастливецъ ты!—отвѣтилъ онъ,—ты
ее увидишь, будешь разговаривать съ нею,
а мы не можемъ такъ долго оставаться у тебя:
сегодня понедѣльникъ—до воскресенья еще
шесть дней.

— Почему же не остаться?—любезно пред-
лагалъ я, втайнѣ радуясь, что соперниковъ не
будеть...

На разсвѣтѣ, мы вернулись домой и влезли
въ окно. Ваня спалъ. Очевидно отсутствія на-
шего никто не замѣтилъ. На слѣдующій день
пріятели укатили во-свои.

Христя сдержала свое слово и пришла въ
воскресенье, въ числѣ другихъ дѣвчатъ. Пріятная
обязанность раздачи дѣвчатамъ ярлычковъ была
возложена на меня.

Какъ хороша была Христя въ своемъ
праздничномъ нарядѣ, съ вѣнкомъ полевыхъ

цвѣтовъ на роскошныхъ волосахъ! Мы съ нею свидѣлись въ этотъ день въ лѣсу... Въ понедѣльникъ, она пришла снова въ лѣсничество и нанялась полоть гряды. Своимъ проворствомъ и расторопностью Христа очень понравилась моей *матерхенъ* и была нанята въ горничныя къ моей старшей сестрѣ....

МАСКАРАДЪ.

РАЗСКАЗЪ.

Иванъ Степановичъ Дурдинъ былъ женатъ на Марьѣ Петровнѣ уже десять лѣтъ. Сергѣй Петровичъ Кротовъ имѣлъ своей прекрасной половиной Юлію Ивановну въ теченіе почти такого-же срока. Оба они съ своими женами принадлежали къ тифлисскому *гигъ-лифу*. Какъ тотъ, такъ и другой были довольно высоки по службѣ, стояли на хорошемъ счету у высшаго начальства, имѣли много знаковъ отличій и т. д... А семейная ихъ жизнь, ихъ взаимное согласіе въ тяжеломъ бремені супружества вошли въ поговорку, стали „притчей въ языцѣхъ“...

Впрочемъ, они были еще такъ молоды: мужчинамъ было всего лѣтъ подъ сорокъ, а

дамамъ (обѣ дамы были очень хороши собой)—
никакъ не болѣе тридцати лѣтъ, каждой по-
рознь, разумѣется. Юлія Ивановна считала
себѣ двадцать семь, а Марья Петровна съ
трудомъ соглашалась, что ей двадцать шестой.

Все шло какъ нельзя лучше.

Въ одинъ прекрасный вечеръ,—была пят-
ница,—Сергѣй Петровичъ съ Юліей Ивановной
пріѣхали къ Дурдинымъ въ гости. Поговорили
о томъ, о семъ, напились чаю и перешли изъ
столовой въ гостинную съ мягкой модной ме-
белью, роскошными мервскими и текинскими
коврами и лампой подъ голубымъ абажуромъ,
бросавшей на всю окружающую обстановку
мягкій, таинственный полусвѣтъ, такъ рас-
полагающій къ нѣгѣ.

— Гдѣ вы завтра вечеромъ?—спросилъ
Сергѣй Петровичъ Ивана Осиповича, удобно
разсаживаясь въ мягкомъ креслѣ и незамѣтно
ухмыляясь.

— Гдѣ, бишь, я завтра?—потирая лобъ
ладонью, задалъ себѣ вопросъ Иванъ Степа-
нычъ.— Да, кажется, дома, какъ всегда,—

продолжалъ онъ, какъ-то искоса глядя на Сергѣя Петровича.—Ахъ, впрочемъ, нѣтъ, вспомнилъ: завтра суббота, и я долженъ буду, представьте себѣ, провести вечеръ въ „кружковскомъ“ маскарадѣ. Мнѣ надо повидать тамъ одного человѣчка.

Марья Петровна сдѣлала большіе глаза и вопросительно повернулась къ мужу.

— Не удивляйся, душечка:—этого господина только и можно поймать въ „кружкѣ“; отъ этого зависитъ исходъ весьма важнаго для меня дѣла,—проговорилъ Иванъ Степанычъ и зачѣмъ-то раскрылъ альбомъ и какъ-то неловко передвинулъ пепельницу, задѣвъ рукавомъ бронзовый колокольчикъ.

— Примите и меня въ компанію,—предложилъ Сергѣй Петровичъ, выводя друга изъ неловкаго положенія.

— Извольте, извольте, я очень радъ...

— А, вы, mesdames?—обратился Кротовъ къ дамамъ.

— Нѣтъ merci,—отвѣтили дамы въ одинъ голосъ, —Fi done! какъ можно въ „кружковскій“ маскарадъ! Кто тамъ только не бываетъ подъ маской! Помните эту исторію, Julie, когда,

лѣтъ пять тому назадъ, Анна Андреевна узнала на маскарадѣ, въ одной изъ масокъ, свою кухарку, надѣвшую ея новое бархатное платье?..

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!! Дамы наотрѣзъ отказались.

— Вы, лучше, пріѣзжайте, Julie, ко мнѣ на весь вечеръ завтра: мы займемся Листомъ, Шопеномъ, что-нибудь почитаемъ и не будемъ скучать, пока наши благовѣрные будутъ наслаждаться маскарадной интригой, подъ предлогомъ необходимости видѣть нужныхъ людей...

Черезъ нѣсколько минутъ, Кротовы стали прощаться.

А я къ вамъ, Marie, завтра, кромѣ вечера, заѣду, непременно, и до обѣда—посоветоваться насчетъ новаго пальто,—проговорила Кротова, цѣлуя Марію Петровну.

— Пожалуйста, ma chère, я васъ буду ждать. И затѣмъ, видя что мужа зачѣмъ-то снова вошли въ гостинную, она стремительно увлекла Юлію Ивановну въ глубь передней и стала ей что-то быстро нашептывать. Юлія Ивановна кивала утвердительно своей изящной головкой, и когда мужа показали на порогъ, еще разъ крѣпко поцѣловала Марію Петровну и громко подтвердила:

— Такъ помните, дорогая, розно въ часъ...
Гости уѣхали.

Часовая стрѣлка подвигалась къ полночи. „Кружковскій“ маскарадъ былъ въ полномъ разгарѣ. Пестрая толпа домино, фраговъ, мундировъ, масокъ и полумасокъ шумно сновала назадъ и впередъ въ просторныхъ залахъ измировскаго „Кружка“, напоминая собою шмелиный рой. Изъ танцевальной залы неслись томные звуки страусовскаго вальса. Маленькій, толстенный, шустрый дирижеръ танцевъ суетливо метался по залѣ, кого-то разыскивая, кому-то крича, неистово размахивая руками и утирая платкомъ катившійся градомъ съ лица потъ, быстро составляя *grand* и снова такъ-же быстро его размыкая и бѣсясь что его никто не слушаетъ, и каждый дѣлаетъ по своему...

По парадной лѣстницѣ, чинно, не торопясь, рука объ руку, плавно ступая по ковру, поднимались два статскихъ, благообразныхъ генерала, бережно расправляя усы и шевелюру.

Генералы минули главный входъ и, войдя въ театральнй залъ, остановились у стѣнки

и стали отыскивать кого-то глазами. Незачѣмъ говорить читателю, что генералы были уже знакомые ему Дурдинъ и Кротовъ.

Домино, маски и полумаски мелькали передъ ними безконечной пестрой вереницей, бросая, на нихъ порой, сверкающіе изъ-подъ масокъ взоры.

Посмотрите, Сергѣй Петровичъ, эти, кажется, къ намъ направляются.

Изъ маскарадной толпы отдѣлились два домино, почти одного роста—одно, оранжевое, другое голубое; оранжевое домино взяло подъ руку Ивана Степановича, а голубое—Сергѣя Петровича, и, прежде, чѣмъ генералы успѣли опомниться, они были увлечены въ разные стороны.

Сергѣй Петровичъ пришелъ въ себя отъ внезапности, пройдя рука объ руку съ маской уже третью гостинную. Не безъ удовольствія онъ почувствовалъ въ своей рукѣ маленькую, тепленькую ручку, плотно обтянутую въ черную шведскую перчатку.

Сергѣй Петровичъ покосился на свою даму и нашель, что домино, подъ широкими складками, неукоснительно должно скрывать молодя женскія формы.

Походка маски была нервна, порывиста. По всему было замѣтно, что маска была въ волненіи. Сергѣю Петровичу даже показалось, что маленькая ручка дрожала.

Маска молчала.

— Куда мы идемъ, прекрасная маска? — напуская на себя храбрость, спросилъ генералъ.

Маска обвела глазами маленькую полуосвѣщенную гостинную съ большой на стѣнѣ картиной, изображавшей „лезгинку“, и, замѣтя только-что освободившееся мѣстечко, тихо проговорила:

— Сядемъ...

Сергѣй Петровичъ повиновался.

— А, голосъ какъ-будто, знакомый, — подумалъ онъ.

— Зачѣмъ ты здѣсь? — спросила маска, когда они усѣлись.

— Вотъ, странный вопросъ, маска! — полувопросительно отвѣтилъ Сергѣй Петровичъ.

— Нисколько не странный: я вижу тебя первый разъ въ маскарадѣ.

Это была правда: съ тѣхъ поръ, какъ Сергѣй Петровичъ женился, онъ ни разу не былъ въ маскарадѣ.

— Ну, что-же ты молчишь, какъ юный школьникъ, мой милый кавалеръ?

— Да что мнѣ отвѣчать, прелестная маска? Мнѣ, просто, нужно было повидать здѣсь одного человѣка.

— Ты его уже видѣлъ?

— Нѣтъ, не успѣлъ. Я только-что пришелъ, хотѣлъ его розыскать, но ты подошла.... и вотъ мы здѣсь, въ укромномъ уголкѣ.

Маска помолчала.

— Тебѣ нравятся маскарады?—спросила, наконецъ, она, пытливо взглянувъ на своего кавалера.

Сергѣй Петровичъ нѣсколько подумалъ и далъ отрицательный отвѣтъ.

— Почему-же?

Генераль, какъ-будто, ждалъ этого вопроса. Онъ заговорилъ, сначала, издалека. Генераль вообще любилъ говорить и былъ краснорѣчивъ; но тутъ—близость-ли молодой и прекрасной незнакомки (Сергѣй Петровичъ не могъ допустить, чтобы она не была молода и прекрасна, съ такой ручкой, такой стройностью стана, такой легкой походкой и маленькой ножкой, которую онъ замѣтилъ еще съ пер-

ваго момента приближенія маски), — минутное-ли настроеніе, желаніе-ли блеснуть — онъ превзошелъ самого себя. Чего тутъ не было, Господи Боже мой! И постепенное паденіе рода человѣческаго и его (т. е. рода человѣческаго) всепоглащающія страсти, и распаденіе семьи, и даже потрясеніе основъ, и проч., и проч., — и чуть-ли не всему этому виной былъ бѣдный маскарадъ.

Незнакомка слушала со вниманіемъ. Она, казалось, боялась проронить слово.

Она была увлечена его рѣчью настолько, что — былъ моментъ — маленькая ручка ея непроизвольно потянулась къ его рукѣ, но она во-время удержалась. Генералъ говорилъ долго и хорошо. Безчисленное множество паръ прошло предъ ними. Наконецъ, онъ кончилъ.

Оба молчали.

— Который часъ? — какъ-бы вспомнивъ что-то, спросила маска.

Сергѣй Петровичъ досталъ свой хронометръ и съ ужасомъ вскочилъ съ дивана.

— Боже, что подумаетъ жена! — невольно вырвалось у него: — безъ четверти два!..

— Скажите, какъ уже поздно, произнесла

маска, повидимому, довольно спокойно, и потомъ прибавила:

— Мнѣ страшно хочется ѣсть...

Что было дѣлать бѣдному Сергѣю Петровичу? Онъ придумывалъ, подыскивалъ какойнибудь предлогъ для вѣжливаго отказа, какъ вдругъ въ дверяхъ библіотеки появился Иванъ Степановичъ, подъ руку съ оранжевымъ домино.

— А мы васъ ищемъ, ищемъ!—васкликнуло оранжевое домино.—Какъ это мы васъ не замѣтили, столько разъ пройдя мимо?

— Послушайте, Сергѣй Петровичъ,—обратился Иванъ Степановичъ,—моя маска хочетъ ужинать...

— И моя тоже,—отвѣтилъ Сергѣй Петровичъ съ сдержаннымъ вздохомъ.

— Ну, вотъ, тѣмъ лучше! Allons!

Сергѣй Петровичъ хотѣлъ-было что-то возразить, но голубое домино взяло снова его подъ руку, и обѣ пары направились въ столовую.

Услужливый, немного глухой, Федоръ отодвинулъ четыре стула вокругъ небольшого стола и съ быстротою молніи досталъ изъ

боковаго кармана карточку. Иванъ Степановичъ предложилъ ее дамамъ. Дамы выбрали кушанья и при этомъ маска Сергѣя Петровича заявила, что она пьетъ только редереръ.

— Боже милосердный! — думалъ Сергѣй Петровичъ. — Бѣдная жена! Что я ей скажу? Маски, ужинъ, шампанское, возвращеніе домой въ четыре часа утра... И все это послѣ десятилѣтняго примѣрнаго супружества. Правду говорятъ женщины, что всѣ мужья... скоты...

Тѣмъ временемъ, Федоръ успѣлъ уже принести майонезъ и шампанское. Компанія приступила къ ужину. Сергѣй Петровичу не лезъ кусокъ въ горло.

— Что вы такой задумчивый? — приставала маска.

— Нѣтъ, ничего... *Votre santée*, — любезно обращался онъ къ дамъ, протягивая бокаль и чокаясь.

Ужинъ наконецъ кончился.

— Будемъ надѣяться, господа, что вы, какъ любезные кавалеры, — обратилась маска Сергѣя Петровича, — доставите насъ благополучно домой. Мы однѣ здѣсь, безъ мужей, — добавила она.

Сергѣй Петровичъ готовился сказать что-то въ родѣ того, что онъ до сихъ поръ не успѣлъ увидѣть нужнаго ему человѣчка, но Иванъ Степановичъ не далъ ему договорить и любезно поспѣшилъ отвѣтить:

— Безъ сомнѣнія, *beaux masques*, мы къ вашимъ услугамъ...

Предложивъ дамамъ руки, она спустилась въ вестибюль.

— *Adieu, ma chère*,—обратилась маска въ голубомъ, выходя на крыльцо, къ маскѣ въ оранжевомъ домино,—мы въ разныя стороны.

— *Bonne nuit, ma belle. Merci pour la compagnie...*

Кавалеры усадили дамъ въ фаетоны и поѣхали.

— Или я одурѣлъ совсѣмъ!—укорялъ себя мысленно Сергѣй Петровичъ.—Что я дѣлаю, сумасшедшій?...

— На Эриванскую площадь!—обратилась маска къ извозчику, когда они спустились на Головинскій проспектъ.

— Слава Богу, хоть близко отъ дому,—подумалъ Сергѣй Петровичъ.

— Случались съ вами уже такія приключенія?

ченія, вѣрный мужъ?—обратилась къ нему маска.

— Признаюсь, нѣтъ.

— Какъ-же вы рѣшились это такъ надуть вашу жену? Или вы ее не любите?

— Напротивъ, очень люблю. — Дьяволъ попуталъ!—хотѣлъ было онъ прибавить.

Выѣхали на Эриванскую площадь.

— На Гановскую! скомандовала маска извозчику.

— Совсѣмъ близко, чортъ возьми!—снова подумалъ Сергѣй Петровичъ.

— Налѣво, у подъѣзда!

Батюшки, да это мой подъѣздъ! Ужъ не къ женѣ-ли она меня везетъ?—пронеслась страшная мысль въ головѣ Сергѣя Петровича. Фаэтонъ остановился.

Маска ловко выскочила и придавила пуговку звонка у подъѣзда.

Сергѣй Петровичъ хотѣлъ-было воскликнуть: — что вы дѣлаете? Но она быстрымъ движеніемъ отбросила кашюшонъ, и сорвавъ маску, иронически проговорила:

— Пожалуйте, милый муженекъ...

Сергѣй Петровичъ остался съ раскрытымъ

ртомъ: передъ нимъ, освѣщенная луной, стояла его жена, съ саркастической улыбкой на хорошенькомъ лицѣ...

Съ Иванъ Степановичемъ была продѣлана та-же шутка, по той-же программѣ.

Ни тотъ, ни другой больше не ѣздили въ маскарады...

Г И Г О.

Очеркъ съ натуры.

— Хотите, чтобы я рассказалъ вамъ про Гиго? Извольте.

Владимірь Петровичъ усѣлся поудобнѣе въ кресло, закурилъ сигару, повернулъ дроващипцами въ горѣвшемъ каминѣ и началъ:

„Гиго обладалъ нечеловѣческой физической силой. Изъ всей тифлисской корпораціи мушей онъ былъ самый сильный. Средняго роста, коренастый, съ необычайно развитыми мышцами ногъ и рукъ, съ толстой, какъ у вола, шеей, съ широкой, мохнатой грудью, открытой и зимой, и лѣтомъ. Ему было не больше тридцати двухъ лѣтъ въ то время. Онъ былъ недурень собой, насколько можетъ быть недурень человѣкъ, принявшій отъ загара темно-

бронзовый цвѣтъ лица и загрубѣвшій отъ усиленной физической работы. Только верхняя половина большого, умнаго лба показывала, что Гито могъ-бы имѣть цвѣтъ лица значительно бѣлѣе. Бороду свою онъ не брилъ никогда, но постоянно постригалъ, не давая ей отрости, такъ что она напоминала щетку. Подъ красиво очерченнымъ носомъ свѣсились внизъ два длинныхъ и толстыхъ уса à la Тарась Шевченко. Встрѣтившись съ Гито гдѣ-нибудь въ темномъ углу, ночью, легко можно было-бы испугаться: таюй внушительной казалась его фигура и такимъ свирѣпымъ его обросшее лицо. Но это только ночью. Днемъ его никто-бы не испугался, даже ребенокъ, — потому-что стоило только заглянуть подъ его густыя нависшія брови, въ его небольшіе сѣрые глаза, чтобъ убѣдиться, что этотъ человекъ зла никому не сдѣлаетъ: глаза блестѣли умомъ, выражали добродушіе и, какъ-будто, вѣчно улыбались.

На свою мощную, нѣсколько сутуловатую спину Гито зачастую клалъ несравненно больше, чѣмъ навьючиваютъ на верблюда, и несъ съ такою-же легкостью, какъ крѣпкій солдатъ

несетъ свой ранецъ. Каждый уличный мальчикъ зналъ Гиго. Да и какъ, было, не знать его? Развѣ васъ это не заинтересуетъ, когда вы увидѣте на улицѣ человѣка, несущаго на свой спинѣ цѣлое піанино, которое обыкновенно съ трудомъ поднимаютъ три-четыре человѣка? Развѣ вы не остановитесь предъ этимъ богатыремъ, разиня ротъ? Развѣ вы не пожелаете узнать имя этого геркулеса?...

За свою нообычайную силу Гиго былъ прозванъ своими товарищами „желѣзной дорогой“. Онъ любилъ это прозвище и гордился имъ.

Не смотря на свою мощь, Гиго не злоупотреблялъ ею. Однажды только случился съ нимъ грѣхъ, но и то противъ его воли. Какъ-то разъ—Гиго былъ тогда двадцатидвухлѣтнимъ парнемъ,—собраты его по ремеслу чего-то не подѣлили между собою и повздорили. Дѣло дошло до драки. Сильный Нико хватилъ объземлю менѣе сильнаго Сосико и сталъ наносить ему удары, куда попало. Толпа обступила дерущихся и ободряла поверженнаго Сосико. Гиго вступился за Сосико и сталъ увѣщевать Нико пріостановить жестокіе побои. Нико не послу-

шался: тогда Гиго не вытерпѣлъ, — положилъ свою ручку на плечо Нико и оторвалъ его отъ Сосико. Нико со стономъ упалъ на землю и не въ силахъ былъ подняться. Оказалось, что Гиго наложилъ свое физическое veto слишкомъ неосторожно: у Нико лопнула ключица, и его отнесли въ больницу. Ключица потомъ срослась, и Нико примирился съ Гиго, но Гиго далъ съ тѣхъ поръ зарокъ никогда не притрогиваться своими руками къ чужимъ плечамъ. И никогда зарокъ не исполнялся такъ добросовѣстно.

Когда я впервые увидѣлъ Гиго, онъ меня очень заинтересовалъ. Мнѣ захотѣлось узнать этого человѣка покороче. Біографическія свѣдѣнія оказались далеко не сложны. Съ восьми до семнадцати лѣтъ Гиго былъ въ услуженіи у какого-то купца-армянина, а затѣмъ, по примѣру отца, вступилъ въ корпорацію мушей, и въ то время, когда я его узналъ, онъ тянулъ тяжелую лямку носильщика уже около пятнадцати лѣтъ. Жилъ онъ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ, семидесятилѣтнимъ старикомъ Ваню. Старикъ, не смотря на такіа преклонныя лѣта, былъ тоже мушей. Сынъ походилъ на отца

развѣ только сложеніемъ; впрочемъ, старикъ былъ на цѣлую голову выше сына. Черты лица у старика были совершенно другія: физіономія его напоминала одну изъ тѣхъ, которыя являются на полотнѣ художниковъ, въ изображеніяхъ библейскихъ стариковъ. Ваню былъ еще бодръ и крѣпокъ, но восьмой десятокъ давалъ себя чувствовать. Другихъ членовъ семьи у нихъ не было. Ваню чрезвычайно любилъ своего старика, хотя разговаривали они другъ съ другомъ очень мало.

Утромъ, первымъ, обыкновенно, просыпался Ваню и будилъ сына.

Послѣ скуднаго завтрака, они выходили на Эриванскую площадь и ожидали нанимателей.

Вечеромъ старикъ возвращался всегда раньше сына и встрѣчалъ его обыкновенно вопросами о томъ, сколько онъ заработалъ и что переносилъ, и, получивъ эти свѣдѣнія, замѣчалъ обыкновенно:

— Слава Богу, я тоже съ половину этого выручилъ.

Зачастую отецъ журилъ сына, что они слишкомъ много на себя навѣшываетъ, но

Гиго только ухмылялся и отвѣчалъ, что Богъ далъ ему много здоровья и что это не повредить....

— Смотри, Гиго, берегись. Вонъ, Илико умеръ въ прошломъ году отъ натуги; Артемъ тоже надорвался въ позапрошломъ....

— Такъ, вѣдь, у нихъ, отецъ силы-то было меньше моего....

— Да не по тридцати-же пудовъ накладывали они на себя.... Сегодня слѣпой Калуста мнѣ говорилъ, что ты опять къ Карашвили принеся отъ Мадатова ящикъ съ желѣзомъ пудовъ въ двадцать пять слишкомъ....

Гиго старался глядѣть въ уголь и отвѣчалъ что-нибудь вродѣ того, что не взвѣшивалъ ящика, что тяжести никакой не чувствовалъ....

Никакая тяжесть, казалось, не могла сломить мощь нашего Самсона, и, чтобъ обезсилить его—нужна была новая Далила.“

„Новая Далила нашлась—хотя и безъ коварныхъ качествъ библейской героини.“

Жили, видите-ли, они на Армянскомъ ба-

зарѣ, на задворкахъ у мелкоторговца Дададзе. У Дададзе была дочь—черноглазая, черноволосая Кетевана. Сначала она дичилась суроваго съ виду Гиго, но потомъ попривыкла къ нему и даже полюбила его, не знаю за что, —можетъ быть, за доброту его, которая съ перваго-же раза бросалась въ глаза каждому, а, можетъ быть, и за необыкновенную физическую силу, которой такъ естественно поклоняется въ мужчинѣ слабый и нѣжный полъ. Гиго давно-бы уже женился на Кетеванѣ, но отецъ ея не соглашался отдать свою дочь за него до тѣхъ поръ, пока послѣдній не соберетъ извѣстной суммы, которая дала-бы ему возможность бросить тяжелый и неблагодарный трудъ муши и приняться за торговлю. Дададзе, просто, чванился и не хотѣлъ, чтобы дочь его была женой простого муши. Но онъ любилъ этого мушу и былъ увѣренъ, что дочь его будетъ вполнѣ счастлива, выйдя замужъ за Гиго.

Гиго видался съ Кетеваной только два раза въ день. Утромъ, когда онъ, привязавъ къ поясу широкій и длинный ремень съ желѣзнымъ кольцомъ на концѣ и надѣвъ на

спину призматическую подкладку, отпраплялся на работу, какъ-бы рано ни было, Кетевана, провожала его глазами изъ окна.

Въ городѣ Гиго всегда старался работать вмѣстѣ съ отцомъ, потому-что зачастую отецъ нуждался въ помощи сына.

Если старикъ Ваню получалъ какую нибудь ношу, а сыну не попадала работа, то Гиго издали старался слѣдить за отцомъ, и въ критическую минуту онъ, будто нечаянно, выросалъ передъ старикомъ, какъ изъ-подъ земли, и принималъ ношу отца на свою мощную спину.

Возвратившись вечеромъ домой и передавъ старику дневной заработокъ, Гиго умывался, снималъ старую рабочую чоху, надѣвалъ, вмѣсто нея, новую, изъ чернаго осетинскаго сукна, и шелъ къ Кетеванѣ. Кетевана ждала его.

Цѣлый часъ они проводили вдвоемъ. Гиго сообщалъ Кетеванѣ городскія новости. Кетевана передавала ему свои планы на будущее...

Гиго бралъ ручку Кетеваны и нѣжно держалъ ее по-долгу въ своей закорузлой желѣзной рукѣ.

Сосико, жившій на аднымъ съ ними задворкѣ и бывшій уже давно явно неравнодушнымъ къ Кетеванѣ, тѣмъ не менѣе, пользовался постояннымъ покровительствомъ Гито.

— Отчего ты никогда не заговоришь съ нимъ, Кетевана?—спрашивалъ иногда Гито, чуждый какого-либо чувства ревности.

— Не могу, Гито. Если-бы это былъ кто-нибудь другой, я могла-бы съ нимъ разговаривать, а съ Сосико я не силахъ заставить себя сдѣлать это. Я его не боюсь, но боюсь, что это укрѣпитъ въ немъ надежду... Мнѣ только жаль его, Гито...

Разговоръ переходилъ на другіе предметы и затѣмъ Гито шелъ къ себѣ и ложился на жесткой, покрытой рогожей, тахтѣ и засыпалъ богатырскимъ сномъ съ тѣмъ, чтобы съ разсвѣтомъ подняться на ноги и начать слѣдующій день тѣмъ-же порядкомъ“.

Владиміръ Петровичъ подвинулся ближе къ камину, закурилъ потухшую сигару и продолжалъ.

„Пришлось мнѣ однажды разстаться съ

старой квартирой и перебраться на новую. Я вышелъ на улицу и на первомъ-же перекресткѣ увидѣлъ мушу. Муша былъ Сосико.

— Я хочу перебраться на другую квартиру, — обратился я съ Сосико.

Сосико вскинулъ на меня свои умные, черные глаза и отвѣчалъ:

— Понимаю. Надо перенести вещи. Когда вы хотите?

— Завтра, утромъ. Чѣмъ раньше, тѣмъ лучше.

— Хорошо, завтра приду съ товарищами. Я далъ ему свой адресъ.

На слѣдующій день, въ пять часовъ утра, Сосико привелъ четырехъ товарищей, въ числѣ которыхъ былъ и Гито.

Гито выдвинулся впередъ и вступилъ со мной въ переговоры о цѣнѣ, о мѣстѣ, куда надо отнести вещи, и т. д.

Гито обстоятельно осмотрѣлъ всѣ комнаты и кухню и сказалъ свою цѣну. Мы поторговались немного и порѣшили. Товарищамъ, ожидавшимъ на дворѣ, онъ сообщилъ только конечный результатъ, и я сразу замѣтилъ, что никто ему не противорѣчилъ.

Началась выноска вещей изъ комнатъ во дворъ. Гито дѣятельно распоряжался и раскладывалъ мебель и разныя вещи по группамъ, слѣдуя моимъ указаніямъ, что надо перенести раньше и что позже.

Гито отбиралъ себѣ самыя тяжелыя вещи; для старика-же Ваню откладывалъ то, что полегче.

— Скажи, Гито, — обратился я къ нему, на твою долю придется сегодня больше заработка, чѣмъ другимъ?

— Почему? — спросилъ онъ удивленно.

— Да, вѣдь, ты отбираешь себѣ самыя тяжелыя вещи, между-тѣмъ, какъ другимъ остаются легкія.

— Это все равно, баринъ, — отвѣчалъ онъ простодушно. — Богъ мнѣ далъ больше силы, чѣмъ другимъ, я и кладу на себя больше тяжести...

Муши пришли въ старую квартиру за послѣдними вещами. Между послѣдними оставался тяжелый шкафъ съ книгами, который, по обыкновенію, Гито взялъ на свою долю. Старика Ваню взвалили на спину какой-то сундукъ.

Наступаль вечерь. Когда муши ушли съ послѣдними вещами, я позвалъ хозяина, сдалъ ему квартиру и поѣхалъ, по дѣлу, въ городъ. Пробывъ въ городѣ околу часу, я отправился на новую квартиру. Не доѣзжая шаговъ ста до квартиры, извозщикъ вынужденъ былъ остановиться. На улицѣ было темно. Дорогу загородила какая-то сѣрая масса.

— Что тамъ такое?—спросилъ я извозчика.

— Муши разбили чьи-то вещи—отвѣчалъ онъ.

Я выскочилъ изъ экипажа, и когда подошелъ поближе, глазамъ моимъ представилось слѣдующее зрѣлище: поперекъ узкой улицы лежалъ мой шкафъ, разбитый вдребезги; книги разлетѣлись въ стороны; вокругъ толпились муши. Между ними я замѣтилъ блюстителя порядка и общественной тишины.

Я протолчился въ кругъ и увидѣлъ распростертаго на мостовой Гиго безъ всякихъ признаковъ жизни. Надъ нимъ, припавъ на колѣни, голосилъ какія-то причитанія старикъ Ваню.

Гигантъ надорвался. Проработавъ усиленно

цѣлый день, онъ и напоследокъ взялъ себѣ самую тяжелую вещь, да, кромѣ того, на полдорогѣ, замѣтивъ, что старикъ Ваню отстаетъ, онъ увѣрилъ его, что не чувствуетъ совѣмъ своей ноши и заставилъ положить свой сундукъ поверхъ шкафа...

Его отвезли тотчасъ-же въ больницу, на томъ самомъ извозчикѣ, на которомъ я пріѣхалъ. Въ больницу Гигу пришелъ въ сознание, но не надолго. На другой день его не стало. Передъ смертью онъ обнялъ старика Ваню и прижалъ къ своей, нѣкогда мощной, груди неутѣшную Кетевану.

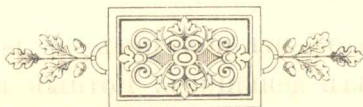
Такъ, господа, погибъ бѣдный Гигу, по прозванію „желѣзная дорога“, — закончилъ Владиміръ Петровичъ свой небольшой рассказъ и смолкъ, съ грустью поникнувъ головою.

— А что случилось съ старикомъ Ваню и Кетеваной? спросилъ кто-то изъ насъ.

— Старикъ Ваню не надолго пережилъ сына. Умирая, онъ завѣщалъ свой трудовой капиталецъ Кетеванѣ. Кетевана цѣлый годъ оплакивала смерть возлюбленнаго, а затѣмъ вышла за-мужъ за своего безмолвнаго обожав-

теля, Сосико. Они и теперь живутъ на Армянскомъ базарѣ. Сосико открылъ на деньги Кетеваны лавочку и благополучно торгуетъ вишмишемъ, лаблабой, чучхелой, миндалемъ и прочими прелестями...

У нихъ уже есть два черноглазныхъ сынка...“

ДУХИ.

Разказъ деньщика.

„Шли, это, мы походомъ. У ротнаго нашего заболѣлъ деньщикъ. Ротный взялъ меня у вѣстовые, пока тотъ поправится, а тотъ взялъ да и померъ, и ротный зачислилъ меня у деньщики... Стало мнѣ житье лучше... Ротный нашъ, капитанъ, былъ дюже добрый человекъ и изъ себя красивый: высокій такой, глаза такъ и стрѣляютъ. Тай здоровый-же былъ!.. Бувало, возьметъ это пальцами ружже за штыкъ, тай подниметъ сторчмя... Барыни и барышни, бувало, такъ коло его и танцуютъ.... Тогда, это онъ еще молодой былъ, неженатый.. Шли, это, мы и пришли у Холландію. Сказано было стать по деревьямъ и ждать приказа... Нашей ротѣ прійшлось стать

у Лисовкѣ *** скаго уѣзда. Прійшли, это, мы къ вечеру.

Солдаты размѣстили по хатамъ, а моему барину была приготовлена квартира у помѣщика.

Помѣщикъ и дочь его, барышня, ждали насъ на крыльцѣ. Дѣло господское—звѣстно: сичасъ, это, познакомились. Ротный сказалъ барышнѣ должно быть, што-нибудь смѣшное, потому она сичасъ серебромъ такъ и разсыпалась. А барышня, правду надо сказать, была славная, какъ есть краля. Сама бѣлая да румяная, высокая и пышная. Коса, это, толстая до земли висить и голосъ у ей таково сладкій и звонкой...

Оглядѣлъ я домъ. Домъ, какъ есть, дворець въ два этажа. Кругомъ садъ пребольшущій. Передъ домомъ цвѣтовъ насѣяно много. Невдалекѣ, такъ, хвлигель стоялъ особнякомъ, изъ саду выглядуваль.

Зажили мы съ бариномъ у помѣщика день, зажили два. Прощла и недѣля цѣлая. Утромъ, это, капитанъ пойдетъ на ученіе, помуштруетъ, это, солдатиковъ и сичасъ, это, домой. Велитъ дать умыться, почистится, и маршь

съ барышней въ садъ гулять. То цвѣты рвутъ, то такъ помежъ грядками бѣгають... Цѣлый день забавляются... Вечеромъ это, на хвортеплясахъ играютъ, поють таково согласно... Вижу, барышня души не чаеть въ моемъ ротномъ: смотритъ на него все такъ весело и щебечеть, словно пташка. Ротному тоже, видно, зазнобушка причинилась... Такъ прожили мы еще немного.

Сидятъ, это, разъ господа на крыльцѣ, и разговарюють, чай пьютъ. Дѣло, такъ, уже къ вечеру было. Ротный, это, посмотрѣлъ въ садъ и спрашиваетъ помѣщика:

— Што это у васъ за хвлигель такой: окна, говоритъ, позакалачуваны всѣ: ниhto у ёмъ не живетъ?...

Помѣщикъ, это, быдто поморщился, помолчалъ немного, потомъ отвѣчаетъ:

— Хвлигель этотъ, говоритъ, заколдованный; въ ёмъ, говоритъ, нечистая сила, духи какіе-то, говоритъ, являются и ниhto, говоритъ, въ ёмъ и одной ночи прожить не можетъ. Оттого, говоритъ, я и окна заколотилъ... Пускай его стоитъ пустой...

Ротный, это, слушаетъ, а самъ, это, смѣется.

— А вы, говорить, пробували?

— Самъ, говорить помѣщикъ, я не пробувалъ, а пробували это, говорить, другихъ трое...

— И что-же?

— Померли, говорить...

— Какъ померли?

— А такъ, говорить, пошли это съ вечеру спать, на утро приходимъ—мертвые...

— Какъ, всѣ трое сразу?

— Нѣтъ, говорить, но одному, у разное время...

— Отчего-же, спрашиваетъ капитанъ, они померли?

— А, Богъ знаетъ! Такъ, знаковъ, говорить, никакихъ не было...

— Пустое, говорить, я этому не вѣрю. Тутъ, говорить, што-нибудь не такъ. Хочу, говорить, безпремѣнно, самъ переночувать у вашемъ хвлигели!...

— Што вы! Што вы!—разомъ это закричали и помѣщикъ, и дочка: какъ можно? Што вамъ жисть надоѣла? Ни за што, говорятъ, не позволимъ!

А капитанъ стоитъ на своемъ:

— Переночую, говорить, да и все тутъ... Я, говорить, никакого чорта не боюсь; мнѣ, говорить, нечистая сила нипочемъ; я, говорить, съ нею справлюсь по-свойски...

Уговаривали, уговаривали—нѣтъ, не помогаетъ: затвердила сорока Якова — одно про всякаго...

Я тоже, было, попробувань:

— Ваше бродіе, говорю, не извольте, говорю, беспокоиться въ етою нечистою силою... Лучше, говорю, прикажите, ваше бродіе, всею ротою этотъ хвлигель разнести, штобъ его и духу не было...

— Пошолъ вонъ, говорить, дуракъ! Не твое, говорить, дѣло разсуждать!... И смотри, говорить, когда пойду у хвлигель—не подглядывать! А то берегись...

Помѣщикъ, это, взялъ капитана подъ руку, повель у садъ и говорить:

— Ну, говорить, когда уже вы такъ хотите, Олександра Павловичъ, то быть по вашему: ночуйте. Только, говорить, и я свое слово долженъ сказать... Этотъ хвлигель, говорить, мнѣ, при моемъ достаткѣ, словно бѣльмо въ глазу... Эти три души, што загубились въ

ёмъ, мнѣ, говоритъ, спать не даютъ... Коли, говоритъ, правда, што вы съ тою нечистою силою совладаете, то и я, говоритъ, въ долгу передъ вами не останусь... Я знаю, говоритъ, што Настя вамъ по душѣ пришлась; вижу, што и вы Настѣ приглянулись... Такъ, вотъ, говоритъ, если вамъ Богъ пошлетъ живымъ остаться на утро, то Настя, говоритъ, ваша и половина всего, што есть у меня, ваше, а умру—и все ваше будетъ... А теперь, говоритъ, можете распорядиться.

Капитанъ, это, сичасъ кликнулъ меня и говоритъ:

— Возьми, говоритъ, Осипа (лакей помѣщицкій), пускай тебя проводитъ у хвлигель, тамъ постелю мнѣ приготовишь... Ружже говоритъ, и пистолеты, какъ слѣдъ, осмотри, штобъ все справно было, и повѣсь, говоритъ, все надъ постелью вмѣстѣ съ пашкой. Да свѣчей говоритъ, зажги побольше...

— Слушаю, говорю, вашебродіе.

Пойшли, это, мы съ Осипомъ—боязно таково, одначе ничего, пришли, отперли. Хвлигель зовсѣмъ небольшой былъ: такъ, комната одна большая, да сѣнцы. Постелили капитану

постелю... Ружже, тамъ, и пистолеты у меня всегда были справны, какъ есть, въ порядкѣ... Зарядилъ я, это, ихъ и, какъ приказувалъ капитанъ, повѣсилъ на гвоздихахъ, надъ постелью...

Гляжу — и капитанъ идетъ, книжку въ рукахъ несетъ. Какъ былъ, это, одѣмшись — бухъ на постель и книжку раскрылъ.

— Ступай, говоритъ, Степанъ, ты мнѣ больше не нуженъ. Я пошелъ себѣ на кухню у большой домъ къ дивчатамъ, а дивчатъ много было у пана, та все дебелыя такія, та здоровыя: нашего брата солдата, правду сказать, очень любили...

Только, это, такъ, погода немного, приходитъ у кухню Осипъ и говоритъ: — Мой баринъ, говоритъ, твоего барина велѣлъ, говорить, ужинать просить. — Ступай, говорю, проси; только, говорю, врядъ-ли пойдетъ теперь.

Осипъ пошелъ. Гляжу — и баринъ изъ саду идетъ: ничего, веселый такой, посвистываетъ.

Сѣли ужинать. Барышня не вышла къ ужину. — А что-же Настасья Ивановна — спрашиваетъ капитанъ. — Она не совѣмъ здорова: къ ужину не выйдетъ, — говоритъ помѣщикъ, а самъ въ уголь смотритъ...

Поужинали скоро. Капитанъ попрощался и пошелъ у хвлигель. Ще рано было, такъ, часъ десятый...

Сижу на кухнѣ. Прийшла Одарка, што въ горничныхъ у барышни была.—Лежить, говоритъ, барышня и плачетъ.

Защемило у меня на сердцѣ... Пошелъ я у конюшню, легъ, а спать не могу: такъ меня и тянетъ къ тому хвлигелю проклятому.—Что тамъ съ бариномъ дѣется? Ворочался, ворочался, это, я на сѣнѣ—нѣтъ, думаю, хочъ и не велѣлъ подглядывать—пойду...

Вышелъ я въ садъ... Въ большомъ домѣ уже всѣ спали, кругомъ темно, та и ночь такая була—хочъ глазъ выколи... А соловьи у саду такъ и заливаются... Прошелъ, это, я вишнякомъ до хвлигеля... Глядь—свѣтъ черезъ ставню пробивается... Оглянулъ я кругомъ—никого, тихо и соловьи затихли... Приткнулся я до ставни, гляжу у комнату... Четыре свѣчки горять, баринъ лежитъ на кровати и книжку читаетъ, и думки ему мало... Дай, думаю, Господи Боже, штобы усю ночь онъ такъ книжку прочиталъ... И краля була-бы наша, и свадьбу справили-бы и усе було-бы добре...

Только што это подумалъ, какъ причинилось тутъ такое, што и сказать невозможно... Какъ вспомню, такъ и теперь ще—когда это было —страшно становится!... Гляжу черезъ скважину у ставню и самъ себѣ не вѣрю: чи сплю я, чи и въ правду вижу... А сердце стучить таково здорово...

Штой-той треснуло подъ поломъ у комнаты и удругъ вразу кусокъ полу на низъ пошелъ... Смотрю на барина... Баринъ книжку оставилъ, пистолеть у руку взялъ и смотреть, што будетъ дальше... А дальше—гляжу: изъ полу поднимается гробъ, какъ есть гробъ, што мертвецовъ кладутъ... По бокамъ четыре духа его поднимають и поставили у сторону...

Духи эти, —всѣ, какъ есть, у бѣломъ заворочены, —стали, это, надъ гробомъ и руки попротягивали уверхъ... Крышка откинулась сама собою и, гляжу, —хочъ вѣрьте, хочъ не вѣрьте, —у гробу томъ покойникъ лежитъ... Потомъ, это, покойникъ этотъ поднялся и сѣлъ у гробѣ... Духи, это, взяли его подъ руки и поставили на ноги... и всѣ пятеро, какъ есть, руки попротягивали и идутъ до капитана... Капитанъ, какъ кривнетъ:—стой!

ни съ мѣста, а то убью!!.. А они потихоньку все ближе... Баринъ поднялъ, это, пистолеть и прямо намѣтилъ на того, што покойникомъ былъ... Баць! курокъ, это, щелкнулъ, а выстрѣлу нѣтъ... Гляжу—покойникъ, это, засмѣялся и зубы показалъ... Дальше не помню...

Очнувся я—уже свѣтъ былъ... Оглядѣлся—лежу въ крапивѣ подь самымъ хвигелемъ... Окно и ставня выбиты и валяются на травѣ... Всталъ, —руки и морда такъ и горять отъ крапивы... Вспомнилъ я, што ночью было, та скорѣе въ окно поглядѣлъ...

Баринъ, какъ былъ въ сюртукѣ, лежитъ на кровати, у рукахъ шашка, ноги раскинулъ... А кругомъ, Боже милостивый, крови, крови таково много, што и сказать нельзя!!.. А въ крови духи безъ головъ лежать, такъ одинъ на другого навалены... всѣ пятеро... Приглядѣлся я къ барину: такъ отъ огна кровать недалечко была... Дышетъ, какъ есть дышетъ!!... Я перекрестился, та бѣгомъ скорѣе до дому и давай голосить... Всѣхъ побудилъ... Сбѣжались люди, помѣщикъ и барышня выскочили, и всѣ до хвигеля... Какъ увидала барышня... такъ и впала на руки къ

помѣщику, словно мертвая... Баринъ проснулся и видно було, у первую минуту не могъ понять, што такое дѣется... Вскочилъ, поглядѣлъ кругомъ... должно, вспомнилъ, засмѣялся таково тихо и помѣщику руку протянулъ... Барышня очнулась и прямо къ нему на шею...

Капитану моему не прошло это даромъ: въ одну ночь, какъ есть, сѣдой сталъ и характеромъ будто перемѣнился... Тихій такой сдѣлался, въ кои вѣки, бывало, засмѣется...

Какъ сталъ капитанъ розсказывать што было, такъ у всѣхъ волосъ такъ дыбомъ и становится...

— Когда далъ, говорить, осѣчку пистолеть—жутко стало... Я, говорить, схватилъ другой—и тотъ не выстрѣлилъ... Я за ружжѣ —и ружжѣ не палить... Вотъ когда, думаю, пропалъ, а они, проклятые, все ближе та ближе и вижу всѣ, какъ есть, пятеро, зубы показываютъ... Я, говорить, вспомнилъ тогда про пашку... Схватилъ, говорить, и давай крошить куда попало... дальше и самъ, говорить, не помню“...

МИХАЙЛО.

Очеркъ съ натуры.

О, женщины!...

Шекспиръ.

Когда Михайла спрашивали какой онъ національности—онъ, обыкновенно, отвѣчалъ:

— Не знаю, должно русской...

— Да ты гдѣ родился?

— А, Богъ его святой знаетъ...

— Фамилія у тебя польская: Манчинскій?

— Можетъ и польская. Правду сказать, не знаю...

— Скажи, Михайло, гдѣ-ты жилъ раньше, нежели попалъ въ типографію?

— По разнымъ мѣстамъ пришлось... Известно жисть солдатская: куда пошлютъ—туда и идешь...

— А, ты, значить, и въ солдатахъ былъ?

— Извѣстно, былъ. А, то, вы думали, нѣтъ?

— И долго?

— Нѣтъ, недолго: годовъ съ тридцать...

— Ну, а потомъ?

— Потомъ на хутори былъ; оттуда меня и взялъ Олександра Иванычъ у типографвию...

Михайло былъ движущей силой типографіи: онъ игралъ роль газомотора или паровива, вертя колесомъ типографской машины. Впрочемъ, вертѣлъ онъ не одинъ: сотрудникомъ былъ у него горбатый Ваню. Михайло не одобрялъ сотрудника.

— Что, Михайло, тяжело вертѣть? Спросишь, бывало, ого.

— Не дюже... Только ежели большой *заводъ*, — сичасъ это, горбатая шельма хвальшивить: ёнъ будто и крутить, а выходитъ, что нѣтъ... Я спробувавъ вже не разъ... Потому вижу: я въ одной сорочкѣ, а потъ такъ и льѣтъ, ажъ глаза заливаешь, а ёнъ — у трехъ сорочкахъ, а поту — какъ есть — ни-ни...

— Можетъ быть у него натура такая не потливая?

— Гдѣ тамъ не потливая? Одно слово, хвальшивить: такъ, на вѣтеръ крутить...

На вопросъ о лѣтахъ, Михайлово говорилъ, что ему шестой десятокъ подходитъ къ концу. Но на видъ ему можно было дать гораздо меньше. Михайло былъ толстъ, приземистъ и широкъ въ плечахъ и груди. Физиономія у него была хохлацкая. Полуздая шевелюра всегда всклокочена, борода небрита. Ходилъ Михайло въ какихъ-то отрешьяхъ, въ опоркахъ на босу ногу, и вообще, имѣлъ видъ крайне неряшливый.

— Почему ты не одѣнешься, Михайло, какъ слѣдуетъ?

— Эхъ, — махнетъ онъ рукой, — все однохочь одѣнься, хочь не одѣнься, коло машины всегда чортомъ будешь, потому краска, да масло...

— А все-таки, рубаху перемѣнить не мѣшало-бы: ты уже, поди, ее недѣли три носишь, замѣтить, бывало, факторъ типографіи, Александръ Иванычъ.

— Вотъ, уже у ту субботу; а то усё одно такая-же будетъ...

Разговоривая съ Михайлой, дѣйствительно, можно было сказать:—Богъ его знаетъ, какой онъ національности! Въ говорѣ его, порою, слышался и малорусскій, и польскій, и великорусскій, а, подѣ конецъ, и туземный акцентъ.

По воскресеньямъ, Михайло любилъ ходить на Солдатскій базарь. Такъ какъ вмѣстѣ съ обязанностью вертѣльщика Михайло былъ и сторожемъ при типографіи,—за что имѣлъ даровую квартиру,—то, отлучаясь,—долженъ былъ прежде получить разрѣшеніе.

Сидишь, бывало, въ воскресенье въ конторѣ, целкаешь на счетахъ, провѣряешь итоги. Дверь въ контору отворяется и на порогѣ появляется Михайло.

— Что тебѣ?

— Дозвольте на базарь...

— Зачѣмъ?

— Обуться... Ишь,—показываетъ онъ на свои опорки,—зовсѣмъ, какъ есть, распустились...

— Ступай.

Побродивъ по базару, Михайло возвра- щается домой со сверткомъ подъ мышкой.

— Ну, что: купилъ? Покажи.

Михайло бережно разворачиваетъ грязную тряпицу. Изъ тряпицы, сначала, появляется новая, кожаная, офицерская галоша, а за нею загрязненная, истоптанная, резиновая.

— Что-же это ты? Куда-же это годится?

— По ногѣ въ аккуратъ, ухмыляется онъ.

— Да, вѣдь, не парныя...

— Пускай себѣ, мнѣ все одно...

— Что-же ты даль за эту дрянъ?

— Даль-то не то штобъ дорого, но и не очень дешево: одинадцать копѣекъ...

Михайло былъ не взыскателенъ и эконо- менъ. Зарабатывая пятнадцать рублей въ мѣ- сяцъ, не считая неурочныхъ работъ, онъ расходовалъ на жизнь мало и собиралъ ко- пѣйку. Къ сожалѣнію, какъ увидитъ чита- тель ниже, *копѣйка* эта, благодаря его про- стотѣ, не шла въ прокъ.

— Михайло, куда ты деньги дѣваешь? спросишь, бывало его. — Вѣдь, тебѣ мало надо на пищу?

— Какое мало? Какъ покрутишь колесомъ, такъ собаку зъѣлъ-бы.

— Всетаки, копѣекъ пятнадцать въ день тебѣ довольно?

— Когда пятнадцать, а когда и семнадцать.

— Ну, а остальные деньги? Въ банкъ прячешь?

— Богъ и зъ нимъ и зъ банкомъ! Когда есть копѣйка—я лучше скотину куплю или бждѣль.

— Что-же ты дѣлаешь съ этой скотиной и пчелами?

— По людямъ даю...

— Какъ, по людямъ—даромъ? удивляюсь я.

— Зачѣмъ, даромъ: такъ, на прокормъ.

— Ну, а польза какая-же?

— А такая полза, што,—у кого корова,—той мнѣ въ годъ долженъ три хвунта масла дать; у кого лошадь—два рубля,—прокормъ ёго, поясняетъ онъ. А, бджѣлы — тѣ мало: когда есть время,—пойду и наѣмся мѣду, сколько вгодно, только и всего...

— Ну, братъ, это немного...

— Какое немного? Когда только хочъ это

было-бы справно. А то—въ томъ году—далъ коняку извощику: коняка добрая—семнадцать рублей заплатилъ цыгану. Што-жь? поѣздилъ это онъ съ мѣсяць. Приходитъ, говоритъ: „Михайло, а твоя коняка издохла.“ „Какъ, говорю, издохла?“ „А такъ, говоритъ, бѣжала, бѣжала, потомъ ушала, та и здохла. Съ тебя, говоритъ, магарычъ.“ — „За што?“ — „Я далъ, говоритъ мушамъ, штобъ падалъ убрали“...

— Что-же ты сдѣлалъ? Интересуюсь я.

— Што-жь? Пошли въ духанъ: поставилъ ему пива...

— Ну а съ коровами?

— Съ коровами тоже... Отдалъ я на село двѣ коровы. У первый годъ принесъ это мнѣ грузинъ шесть хвунтовъ масла. Масло дюже хорошее: продалъ, по двадцать семь копѣекъ хвунтъ. Потомъ, на другой годъ грузинъ нейдетъ. А мнѣ некогда—сами знаете—занять... Только, разъ, приходитъ это грузинъ. Пришелъ, сталъ, такъ недалечко коло машины, и молчить. „Здравствуй, говорю, Сандро.“ „Гамарджоба“, отвѣчаетъ, а самъ въ глаза не смотритъ.— Ну, думаю, плохо. „Што скажешь Сандро, ракинда?“ А ёнь, это, сдѣлалъ мнѣ рога и

показываетъ на землю. „Здохла?“ говорю... „Го! Го!“ отвѣчаетъ. „Эрти, ори?“ показую ему на пальцахъ. „Эрти“, говорить. — Ну, думаю, слава Богу, што хочъ *эрти*... Сандро ушелъ, а про масло я такъ и забылъ спросить, потому сейчасъ хворму, это, спустили на машину и надо было крутить. Потомъ, это, скоро, два праздника урядъ прійшлись. Дай, думаю, пойду посмотрю, што съ другой коровою... Заодно и бждѣль провѣдаю, мѣду поѣмъ...

— А, далеко?

— Нѣтъ, недалечко: верстовъ пятьдесятъ буде... Пойшелъ это зранку, прійшелъ—зовсѣмъ ночь была... Пѣтухи на селѣ спѣвали. Постучался. Сандро отворилъ и впустилъ у хату. Признаться, устамши былъ: сичасъ на лавку та и заснулъ. На утро всталъ, это, гляжу, Сандро угощеніе приготовилъ. Поѣли, это, лепешки какія-то съ курдюкомъ, вина выпили... „Ну говорю, Сандро, покажи-ка другую корову.“ Ёнъ, это, круть-верть, молчить. Я знову спросилъ. — „Арарисъ“, говорить. — „Какъ, говорю, арарисъ?“ А ёнъ это опять рога сдѣлалъ и на землю показалъ... Я думалъ ёнъ про первую говорить—показы-

ваю ему палець: — „эрти?“ „Ара“, говорить, „ори“...

Михайло замолкъ.

— Что-же ты сдѣлалъ потомъ? Можетъ быть онъ тебя надувалъ или вралъ, просто?

— Какое вралъ! Пойшли, это, мы и зѣимъ гдѣ она издохла. Привелъ, это, ёнъ меня къ оврагу, возлѣ лѣсу, показалъ кости. Правда, узнать не могъ, потому лежатъ кости, а бѣсъ знаетъ чьи онѣ: можетъ баранъ, либо свинья издохла... Поглядѣлъ, поглядѣлъ, плюнулъ та и пошолъ опять до дому...

— Ну, а медъ?

— И мѣду поѣсти тогда не прійшло. Зашелъ къ Андро, у котораго улья мои. Говорить: „бждѣлы разлетѣлись...“ Поглядѣлъ — правда: улья, какъ есть, пустыя...

Типографія перешла въ другія руки. Пріѣхалъ новый хозяинъ, петербургскій баринъ, изъ нѣмцевъ. Чопорный, щепетильный, франтоватый и до страсти любящій чистоту и опрятность. Михайло его страшно поразилъ своимъ неопрятнымъ видомъ и всей своей непригляд-

ной фигурой, не смотря на то, что къ пріѣзду новаго хозяина онъ, ко всеобщему удивленію, отправился въ баню, побрился и постригся. Я сталъ уговаривать не прогонять Михайлу, ставя на первый планъ его безусловную честность и не сребролюбіе... Хозяинъ согласился, но, зачѣмъ-то, уволилъ его отъ колеса и сдѣлалъ сторожемъ и разсылнымъ. Правда, Михайло зналъ уже хорошо весь Тифлисъ, да и прежде бывалъ на посылкахъ.

— Что, Михайло, теперь тебѣ легче стало?

— Какое легче... Одной пыли сколько стираешь, стираешь...

— Зато колесомъ не крутишь больше...

— Што-жъ мнѣ колесо? Открутилъ да и баста. Вонъ, горбатый покрутилъ, тай пошелъ къ своей нѣмкѣ, а я-сиди. Небось, десятый часъ уже...

— Да, вѣдь, у тебя нѣмки нѣтъ?

— Што-жъ, што нѣтъ; все куда нибудь-бы пошелъ...

Михайло былъ не доволенъ переменой и, вообще, новыми порядками, которые завелъ новый хозяинъ...

Сижу, какъ-то, работаю въ конторѣ, при открытомъ огнѣ. Жаркій лѣтній вечеръ. Наборщики вынесли на дворъ нѣсколько кассъ и занялись, подѣ окномъ, разборомъ *сыти*. Нѣсколько ручныхъ лампочекъ горять у нихъ на кассахъ. Пламя, за отсутствіемъ вѣтра, не колышется и слабо освѣщаетъ ихъ наклоненныя головы и покрытыя свинцовой пылью потныя, молодыя лица. Они тихо разговариваютъ о *затѣльныхъ*, о вчерашней попойкѣ, о новомъ хозяинѣ... Михайло сидитъ у стѣны, по-отдаль, на опрокинутомъ ящикѣ и усердно жуеетъ чорный солдатскій хлѣбъ, попивая воду изъ глиняной бружки.

— Михайло,—обратился къ нему всегда угрюмый и молчаливый наборщикъ Коля:— задалъ тебѣ фернапиксу новый хозяинъ? Будетъ тебѣ лежать на боку?...

— Какого тамъ хвернапиксу?... Известно, приѣхалъ изъ Питирбурха, ну, и мудритъ... И все по своему... всё, это, не по немъ... И машина не на мѣстѣ, и кассы не на мѣстѣ и то, и другое не такъ... И все ёму пыль, пыль да пыль... Только што, это, приготовился кусокъ хлѣба зѣвести, соли посыпалъ...

Слышу—звонить: „Михайло, иди сюда!“ — „Чего извольте?“ говорю. „Я-же тебя просилъ, Михайло, штобы ты пыль стираль“... Говорить, а самъ вынулъ изъ кармана хустку тонкую—амбре такъ и пошло по комнатѣ—и хлопаетъ ёю по книжкѣ. „Та я-жъ стираль, говорю, Карль Иванычъ, два раза вже“... „А, вотъ тутъ, подъ книжкою, говоритъ, стираль?“ „Не, подъ книжкою, правда, не стираль.“ „А, подъ счетами стираль?“ „И подъ счетами, говорю, не стираль“... „Не хорошо, говоритъ, Михайло. Я, говоритъ, люблю, штобъ чистота была. Сотри“, говоритъ. Принесъ я тряпку, знову истеръ усе... Пойшелъ, опять за хлѣбъ сѣлъ... На ишакѣ гарбузы у дворъ привезли... Я купилъ за шауръ гарбуза. Одрѣзалъ—красный какъ жаръ горить, а сокъ зъ ёго такъ и текеть... Только што, это, у ротъ хотѣлъ—слышу—звонить: „Михайло, иди сюда!“—„Чего извольте?“ „Отчего-ты, говоритъ, Михайло, не подметаль, сегодня?“—„Какъ, говорю, Карль Иванычъ, не подметаль: шей не разъ“... „А, это, говоритъ, што такое за дверью?“ „Извѣстно, говорю: за дверью у всегда соръ“. „Значить ты, гово-

рить, плохо подметаешь: за дверью, говорить сору не должно быть... Взялъ щетку, подмёлъ. Пойшелъ, опяты за хлѣбъ... Глядь, — отъ гарбуза только корки лежать... Должно, или изъ вашей братіи хто, или Ваню горбатый: больше некому... Ну, думаю, хочъ хлѣба поѣмъ... Только это къ роту — опяты звонить, опяты пыль найшелъ... И, чудной, какой, право! Часы купилъ, въ конторѣ повѣсилъ... Дорожекъ накупилъ, коробочекъ-моробочекъ настроилъ разныхъ... Допрежь, это, полицмейстеру афишу нести: скомкалъ, въ карманъ и понесъ... Теперь, стой: сичасъ, это кумвертъ: — „его превосходительству“, пишетъ... Должно, не сироста: должно, ревизія буде...

Наборщики размѣялись. Слыша всю это рѣчь, я самъ едва удерживался отъ смѣха.

Михайло никогда не пилъ и не любилъ пьющихъ. По воскресеньямъ, вечеромъ, онъ, зачастую, велъ войну съ подвыпившими наборщиками. Последніе, какъ извѣстно, любятъ навѣдываться воскресными вечерами въ типографію, безъ всякаго дѣла.

— Ужъ лёгъ, — рассказываетъ Михайло,

слышу—стучить. Я молчу. Знаю, что это кто
нибудь изъ нашихъ молодцовъ... Знову сту-
чить... Я молчу: думаю, постучить, постучить
тай уйдетъ... Нѣтъ, опять стучить, та такъ
здорово стучить, што и ручка, того гляди,
отскочить... У типографіи пусто—такъ гуль
и идетъ... Всталъ, это, подхожу къ двери...
Смотрю—такъ и есть, наши: Арсенка и Про-
копъ... „Што вамъ?“ „—„Пусти!“ „Чего, тамъ,
говорю, пусти—никого нѣтъ, ступайте!...“—
„Пусти, говоритъ, старый хрѣнь, а то двери
выломаю...“ Арсенка, это, какъ напьется—такъ
якъ чортъ, одно слово... Прокопъ—той больше
все головою мотаеть... Не пустилъ... Стучали,
стучали, городской услышалъ, прогналъ... Не
люблю я этихъ пьяныхъ. Пьяный все одно,
што скотина... Ты ему одно, а ёнь свое...
Што заработалъ за недѣлю,—сичасъ у воскре-
сенье пропилъ... Въ понедѣльникъ опять пох-
мѣлье... Бувало у насъ ихъ, этихъ набор-
щиковъ, человекъ зъ двадцать за разъ наби-
рали... Въ субботу получка—какъ одинъ всѣ
на лицо... Въ понедѣльникъ, — гляди, пьять
только и зъ тѣхъ два послѣ обѣдъ не прий-
дутъ...

Въ описываемый моментъ, Михайло уже лѣтъ восемь былъ при типографіи. Онъ полюбилъ её, сроднился съ нею. Въ особенности былъ онъ привязанъ къ Александру Ивановичу, фактору типографіи, который, во время своихъ охотничьихъ походовъ, нашелъ его на какомъ-то *хуторъ*, какъ называлъ Михайло молочную ферму какого-то армянина, гдѣ онъ былъ сторожемъ. Казалось, Михайло ни за что-бы не разстался съ типографіей... Одна смерть могла-бы удалить его изъ нея...

До пріѣзда новаго хозяина, Михайло не имѣлъ опредѣленнаго угла. Спалъ онъ гдѣ попало: сегодня подъ реаломъ, завтра подъ столомъ у машины, а тамъ, смотришь, въ кладовую бумаги перебрался. Лѣтомъ-же, Михайло устраивалъ себѣ ложе на дворѣ, подъ окномъ конторы. Имущества у него почти не было никакого, если не считать какой-то, замусленной, обтрепанной мутаки, двухъ-трехъ сорочекъ и портовъ, затѣмъ знакомыхъ уже читателю непарныхъ галошъ да стараго полушубка.

Въ числѣ другихъ перемѣнъ и нововведеній въ типографіи, хозяинъ нашелъ, что

Михайлѣ надо помѣщеніе. Нашелся какой-то чуланъ, занятый прежде всякимъ хламомъ. Приказано было чуланъ очистить, побѣлить, покрыть полъ асфальтомъ и поставить тамъ длинный деревянный ящикъ, на которомъ Михайло могъ-бы ночью спать, а днемъ прятать въ него свои пожитки. Михайло слѣдилъ за приготовленіями и ухмылялся. Когда все было готово, онъ, по прежнему, сталъ спать на дворѣ, прямо на мостовой, подъ окномъ конторы, пока было тепло.

Хозяинъ долго не могъ привыкнуть къ неопрятности Михайла, но, наконецъ, примирился съ этимъ и полюбилъ его. Видя въ немъ, порою, словоохотливаго чудака, онъ сталъ, тоже иногда заговаривать съ нимъ.

Не разъ, бывало, и я, и Александръ Ивановичъ спрашивали Михайлу въ шутку — почему онъ не женится?

Михайло, въ такихъ случаяхъ, махнеть только рукой и отвѣтитъ, какъ-бъ нехотя:

— На што мнѣ жениться?... Я уже старикъ зовсѣмъ... Скоро въ могилу, а они — жениться...

— Что ты, что ты, Михайло, какой-же ты старикъ? Ты, вонъ, Ваню недавно какъ скрутилъ?...

— Ваню-то, положимъ, еще скручу—самодовольно улыбнется онъ и поставитъ какъ бы въ скобкахъ:—лукавая собака!—тольки, все-таки, уже старикъ я сталъ... Не до женитьбы...

Но, разъ, Михайло насъ поразилъ, сверхъ ожиданія, необычайно.

Уже былъ часъ десятый, одиннадцатый ночи. Сидѣли мы въ конторѣ типографіи: Карлъ Иванычъ, я и Александръ Иванычъ. Машина приготавлилась къ печатанію газеты. Вошелъ въ контору Михайло опорожнить пепельницы, что было вмѣнено ему хозяиномъ въ непремѣнную обязанность.

Карлъ Иванычъ, противъ обыкновенія, былъ въ благодушномъ настроеніи.

— Постой, Михайло! задержалъ онъ его, стоявшаго съ наполненными окурками пепельницами въ рукахъ.

— Чего извольте?

— Скажи пожалуйста, почему ты никогда не женился?

Надо замѣтить, что какъ-то, при случаѣ, я сообщилъ уже хозяину, что Михайло неженатый бобыль и, вообще, его взглядъ на женитьбу.

Михайло, какъ-то неловко, помялся на мѣстѣ, глянулъ искоса на меня и Александра Иваныча и потомъ, съ какимъ-то отчаяніемъ, промолвилъ:

— Та я женатъ!...

— Какъ, женатъ?... Разинули мы рты отъ удивленія.

— Женатъ, да и всё тутъ!...

— Почему-же—если ты женатъ—не живешь съ женою? допытывался Яковъ Ильичъ.

— Такъ, не живу...

— Почему-же такъ? Ты скажи...

— Михайло помолчалъ, сначала, потомъ тихо отвѣтилъ:

— Она уйшла одъ меня...

— Отчего-же ушла?

— Такъ, взяла да и уйшла...

— Гм! Это странно. Не могла-же она такъ вдругъ уйти, безъ всякой причины?

— Уйшла, потому я зъ ею спать не хотѣлъ... Она говоритъ — „когда ты зо мною

спать не хотишь, то я уйду“... Взяла тай уйшла...

Проговоривъ это, Михайло направился къ двери.

— Подожди, Михайло. Задержалъ его Карлъ Ивановичъ. — Расскажи намъ — почему-же ты не захотѣлъ съ нею спать?

— Не захотѣлъ да и все тутъ... На што мнѣ зъ ею спать?...

— Да, вѣдь, ты женился?

— Такъ што, што женился?... женился, это, положимъ, вѣрно... Только спать и зъ ею не хотѣлъ, а вона уйшла...

— Когда-же это было?

— Та годовъ восемь буде... Оккурать, какъ Олександра Ивановичъ взялъ меня изъ хутора у типограхвію.

— Гдѣ же она теперь?

— Хто?

— Да, жена?

— Тамъ! Махнулъ онъ пепельницей по направленію къ окну и всѣ окурки пасыпались на полъ и на сапоги хозяина. Хозяинъ поморщился.

— Гдѣ тамъ? на хуторѣ?

— Не, у Пріюти.

— Это что за пріють? спросилъ Карлъ Иванычъ.

— Такъ, вродѣ села, значить, пояснилъ Михайло,—поселеніе такое.. Все больше русскіе тамъ живутъ...

— Пстой, Михайло, ты что то скрываешь. Расскажи по правдѣ: какъ это было? Зачѣмъ же ты женился, если, даже, и спать съ женою не хотѣлъ?

— Та што тутъ рассказывать, отвѣтилъ онъ, подбирая разсыпанные окурки, и не замѣчая что изъ другой пепельницы окурки такъ-же исправно высыпались на полъ.—Женился, потому люди наговорили, продолжалъ онъ, сидя на корточкахъ.

— Какіе люди?

— Кумъ да кума... Все кума больше. Если бы не ёна—я бы и досель женать не былъ... Прежде, это, кумъ присталь: „женись да женись“. „Зачѣмъ, говорю, жениться: мнѣ и такъ хорошо.“—„Все-жъ, говоритъ, лучше жена-тому...“—Потомъ, это, кума такъ лисой и подѣхала: „И старикъ, ты, говоритъ, скоро, и некому тебѣ будетъ борща зварить, и со-

рочку вымыць, и то, и другое... Пока силы, говоритъ, есть, собери копѣйку, потомъ будешь лежать на печи, а жена тебѣ, говоритъ, все сдѣлаетъ“...

Подобравъ окурки, Михайло поднялся съ полу и продолжалъ:

— Молола, это она молола, какъ сорока, словно. И втемяшилось у голову: эхъ, думаю, послухаю, женюсь... Узялъ тай женился... Михайло опять направился къ двери. Хозяинъ снова задержалъ его...

— Ты ничего, Михайло, не сказалъ, кто такая была прежде твоя жена, зналъ-ли ты её раньше, понравилась-ли она тебѣ?... Расскажи, пожалуйста...

— Кто такая була? А, Богъ еі знае... Сказували удова, солдатка... Баба такъ себѣ, зъ виду, ничего... Одно слово, баба, какъ баба... А раньше еі видѣтъ неприходилось мнѣ што-то... Можетъ и видѣлъ—не знаю...—Не зовсѣмъ молодая вже...

— А какъ?

— Годовъ сорокъ пять або шесть... Только, это, какъ окрутилъ насъ попъ, на другой день, это, она сичасъ пилить стала:

„И зачѣмъ въ баню не ходишь, и у тебя, говорить вшей много, и отъ тебя, говорить, духъ не хорошій идетъ“... цѣлый день, какъ есть грызеть, тай грызеть... Ну, думаю, влопался... И на што я женился, думаю. Лучше-бъ жилъ бобылемъ—бобылемъ-бы и умерь!... Жили мы зъ ею недолго... Такъ, зъ мѣсяць, не больше... Потомъ, это, какъ спать зъ ею не хотѣлъ—взяла тай уйшла...

— И ты радъ, Михайло, что она ушла?

— Звѣстно радъ: на што мнѣ и зъ бабою вожжаться?...

— А, вдругъ, она возьметъ да и придетъ къ тебѣ опять?... Что ты будешь дѣлать?

Михайло, казалось, былъ пораженъ этимъ вопросомъ. Очевидно, ему и въ голову никогда не приходила мысль о возможности возвращенія жены.

— И, не дай Богъ! воскликнулъ онъ... Не хѣчу!... Хай себѣ живетъ, якъ знаетъ у своемъ Пріюти... Мнѣ до ей дѣла больше нѣтъ...

Сдѣлавъ неосторожный жестъ, онъ чуть, было снова не разсыпалъ окурковъ и вышелъ изъ конторы, никѣмъ неудерживаемый.

Прошло нѣкоторое время послѣ описаннаго разговора. Въ свободные часы или такъ, при случаѣ, Михайло, по прежнему, потѣшалъ насъ своими выходками и разсказами и исправно выполнялъ должность сторожа и разсылнаго.

Былъ конецъ лѣта. По обыкновенію, я сидѣлъ въ конторѣ, у открытаго окна, занятый какой-то корректурой. На дворѣ моросилъ дождь. Заслышавъ чьи-то шаги по мостовой двора, я машинально приподнялъ голову и увидѣлъ пожилую женщину съ платкомъ на головѣ, съ обыкновеннымъ русскимъ лицомъ, просто-народнаго типа. Дойдя до середины двора, она, какъ видно, въ нерѣшительности остановилась, не зная куда ей направиться. Въ это время, вышелъ изъ типографіи горбатый Ваню. Женщина остановила его и начала о чемъ-то спрашивать. Ваню, досталъ табакерку, понюхалъ и сталъ что-то объяснять ей, жестикулируя съ ужимками обезьяны, по направленію къ типографіи. Женщина отрицательно кивала головой. Тогда Ваню указалъ ей рукою подъ навѣсъ, а самъ направился въ типографію.

Какъ молнія—блеснула у меня мысль:—не жена-ли это Михайлы? Я вскочилъ съ мѣста и поскорѣе направился въ кладовую бумаги, изъ которой чрезъ пробитое въ стѣнѣ окно была видна вся внутренность типографіи. Михайло заправлялъ лампы къ наступающему вечеру. Ваню, подпрыгивая козломъ, приблизился къ нему и что-то проговорилъ. За шумомъ машины я слышать не могъ. Михайло вздрогнулъ и, какъ былъ съ ламповымъ стекломъ въ одной рукѣ и со щеткой въ другой, моментально преобразился въ статую, раскрывъ ротъ и страшно вытараща глаза... Ваню струсилъ, было, и хотѣлъ улизнуть, но видя, что Михайло бить его не собирается, снова что-то проговорилъ ему, указывая на дворъ. Михайло бережно положилъ стекло на столъ, и, понуря голову, поплелся къ выходу. Я, снова, поспѣшилъ въ контору, къ окну...

Михайло подошелъ къ женѣ. Она поклонилась ему,—онъ не отвѣтилъ. Между ними завязался разговоръ. Разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ окна, не позволяло мнѣ слышать. До меня долетали только отрывочные возгласы

Михайла: — „Не хочу... какъ знаешь... Пріютъ... ступай“... Разговоръ длился довольно долго. Наконецъ, женщина ушла.

Я остановилъ проходившаго мимо окна
Михаила:

— Кто это, не жена-ли?

— Вона самая и есть!... проговорилъ онъ съ какимъ-то отчаяніемъ и съ невыразимою грустью въ голосѣ и, не глядя на меня, пошелъ въ типографію...

Спустя часъ или полтора, мнѣ понадобился, зачѣмъ-то, Михайло. На мой звонокъ никто не явился. Я позвонилъ вторично. Вошелъ Ваню и заявилъ, что Михайло куда-то ушелъ.

— Не посылали-ли вы его куда-нибудь?
обратился я къ Александру Ивановичу.

— Нѣтъ, не посылалъ...

— Ну, значитъ онъ къ женѣ отправился, рѣшилъ я.

— Не думаю, возразилъ Александръ Ивановичъ: — онъ-бы спросился...

До поздней ночи былъ я въ типографіи, но Михайла не дождался. На слѣдующее утро

опять пришла въ типографію жена. Узнавъ, что Михайло ушелъ еще вчера, по ея уходѣ, и не возвращался, она, казалось, была крайне удивлена... На второй и на третій день она аккуратно заходила въ типографію и справлялась о своемъ мужѣ. Михайло не возвращался...

Михайло не возвратился больше и по настоящее время. Куда онъ исчезъ—осталось покрыто мракомъ неизвѣстности, какъ говорятъ романисты...

Пожитки Михайла — мутака и непарныя калоши (полушубокъ онъ взялъ съ собою), вмѣстѣ съ причитавшимся ему жалованьемъ, — переслали, черезъ полицію, въ Пріютъ, его женѣ...

Тквибульскія каменно-угольныя копи.

Изъ запиской книжки туриста.

I.

Новая дорога.—Первые виды.—Долина рѣчки Красной.—Моцапетскій монастырь.—Станція Гелати.—Гелатскій монастырь.—Станція Сѣрныя воды.—Источники.—Сацеры.—Видъ на Накераль.—Станція Тквибули.—Особенности Рачинскаго уѣзда.—Форелл.—Пещера со льдомъ въ лѣтнее время.—Гостинница «Лондонъ».—Гостеприимный хозяинъ.—Объѣдъ.—Bremberg.—Копи.—Обратный путь.

Новая, такъ долго ожидаемая, желѣзная дорога, именуемая каменно-угольной Тквибульской вѣтвью Закавказской желѣзной дороги, наконецъ, открыта, не только для товарнаго, но и пассажирскаго движенія.*) Я съ нетерпѣньемъ ждалъ этого извѣстiя и, при

*) Апрель мѣсяць 1888 года.

первой возможности, покатишь въ Кутаисъ съ цѣлой компаніей такихъ-же, какъ и я, любителей путевыхъ впечатлѣній, желавшихъ поскорѣе увидѣть какъ самую вѣтвь, такъ и каменно-угольные копи.

Пріѣхали мы въ Кутаисъ въ воскресенье. Изъ разспросовъ оказалось, что новые поѣзда ходятъ только разъ въ недѣлю, а именно: по понедѣльникамъ изъ Кутаиса въ Тквибули и по субботамъ—обратно. Значитъ, мы явились какъ разъ въ-время. Переночевавъ въ Кутаисѣ, мы пораньше пріѣхали на вокзалъ, нацпились чаю, взяли билеты и усѣлись въ вагонѣ третьяго класса (другихъ классовъ, пока, нѣтъ). Ровно въ 9 часовъ раздался третій звонокъ, за нимъ свистокъ оберъ-кондуктора, и поѣздъ нашъ, состоявшій изъ двухъ пассажирскихъ и четырехъ товарныхъ вагоновъ, тронулся. Скоро промелькнули станціонныя постройки, запасные пути съ рядами вагоновъ, дискъ, будка стрѣлочника и передъ нами начали открываться такъ называемые виды. Начиная съ самаго Кутаиса желѣзнодорожный путь имѣетъ довольно замѣтный подъемъ.

Первымъ обращающимъ на себя вниманіе

видомъ на нашемъ пути является живописная долина съ протекающей по ней рѣчкой Красной, которая, словно серебрястая змѣйка, извивается, блещетъ тамъ, гдѣ-то внизу, отражая въ себѣ причудливыя измѣненія горъ, то появляясь, то исчезая за поворотами въ своихъ низкихъ берегахъ, порою голыхъ, порою покрытыхъ мелкимъ кустарникомъ. Поѣздъ нашъ, постепенно поднимаясь выше, подвигается по косоугру и дѣлаетъ постоянные повороты и извивы.

Мало-по-малу, долина рѣчки все суживается, и передъ нами, словно въ панорамѣ, попеременно предстаютъ чарующіе виды, одинъ лучше другого. Мы приникли къ окнамъ вагона и не можетъ отъ нихъ оторваться. Тотъ, кто побывалъ на Сурамскомъ перевалѣ, можетъ составить себѣ только приблизительное представление о здѣшней красотѣ природы, объ этой волшебной причудливости очертаній, перемѣнѣ красокъ и колорита... Вотъ куда надо ѣхать нашимъ художникамъ! Вотъ гдѣ кисть и палитра могутъ сослужить дѣйствительную службу!.. Тутъ ничего не въ состояніи сдѣлать перо скромнаго туриста: надо быть здѣсь и видѣть самому все воочию...

Не доѣзжая двухъ верстѣ до Гелати, въ сторонѣ отъ нашего пути, на высокой и крутой, почти отвѣсной, скалѣ величаво и картинно разбросился Моцаметскій монастырь. Мы заѣзжали какъ туда, такъ и въ Гелатскій монастырь на обратномъ пути, который былъ совершенъ нами верхами на лошадяхъ...

Бѣлыя кельи монастыря не то торжественно, не то грустно глядятъ на обрѣзающую ихъ чудную природу своими, словно бойницами, узенькими окнами изъ-за окружающихъ ихъ стройныхъ кипарисовъ и другихъ деревъ.

Моцаметскій монастырь получилъ свое названіе отъ слова *моцамети*, что означаетъ *мощи*. На томъ мѣстѣ, гдѣ построены теперь монастырь, найдены были въ царствованіе Баграта Великаго, подъ землею, въ особомъ склепѣ, мощи святыхъ мучениковъ Давида и Константина, которые въ VIII вѣкѣ предводительствовали имеретинскимъ войскомъ противъ Мурвана Глухого и были плѣнены послѣднимъ. За отказъ принять магометанскую вѣру Мурванъ предалъ ихъ въ Кутаисѣ мученической смерти. По открытіи мощей, Багратъ Великій (1072—1117 гг.) основалъ тутъ монастырь

въ честь этихъ святыхъ мучениковъ, память которыхъ празднуется 2-го октября а еженедѣльно, по субботамъ, сюда стекаются богомольцы на поклоненіе святымъ мощамъ. Мощи святыхъ мучениковъ теперь покоятся въ особой ракъ.

Цкаль-цителли (Красная рѣчка) омываетъ подножіе скалы, на которой высится монастырь, съ трехъ сторонъ, что придаетъ картинѣ еще болѣе привлекательный видъ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы на станціи Гелати. По ту сторону рѣчки, какъ-разъ напротивъ станціи, по крутой горѣ, на три четверти высоты ея, расположенъ Гелатскій монастырь, замѣчательный своими древними святынями и гробницами правителей. Разстояніе отъ станціи до Гелатскаго монастыря не больше версты. Вся гора, на которой построенъ монастырь, покрыта роскошной растительностью. Тамъ и сямъ, въ небольшомъ разстояніи отъ монастыря югятся разбросанныя постройки. Къ сожалѣнію, мы нѣсколько рано отправились въ наше путешествіе и потому по всему пути нашему лежалъ не уснѣвшій еще стаять снѣгъ.

Гелатскій монастырь, также какъ и Моца-метскій, мы посѣтили на обратномъ пути. Услужливый монахъ открылъ намъ двери святого древняго храма и показалъ всѣ достопримѣчательности, между которыми особаго вниманія заслуживаютъ: мозаическій образъ Божіей Матери на сводѣ, надъ алтаремъ, подаренный Давиду Возобновителю (1089—1125), основавшему этотъ монастырь, греческимъ императоромъ Алексіемъ Комненомъ; затѣмъ, еще четыре иконы Божіей Матери: гелатская, хохульская (изъ турецкой Грузіи), адхурская (изъ сел. Адхури) и бичвинская (изъ Пицунды); кромѣ того, два пергаментныхъ евангелія, богатая ризница и многое другое. Главный храмъ освященъ во имя Рождества пресвятой Богородицы, а два малыхъ—во имя св. Георгія и св. Николая. Въ XVI вѣкѣ монастырь этотъ былъ обращенъ въ кафедру епископа. Въ монастырѣ этомъ изъ царственныхъ особъ покоятся: Давидъ Возобновитель, Георгій, Тамара, Лаша, Русудана и другіе...

Не зная, какъ насъ примутъ Тквибули, мы запаслись провизіей изъ Кутаиса и, несмотря на раннее время принялись за закуски,

не выходя изъ вагона. Простоявъ минутъ десять въ Гелати, поѣздъ нашъ двигается дальше.

Вторая станція на нашемъ пути—Сѣрныя воды. Названіе свое станція получила отъ сѣрныхъ ключей, находящихся невдалекѣ отъ станціи. Ключами этими, какъ намъ передавали, пользуются мѣстные жители, главнымъ образомъ, лѣтомъ. Ключи проведены въ устроенную тутъ-же восточную баню съ ваннами, высѣченными изъ камня.

Отъ сѣрныхъ водъ подъемъ становится ощутительнѣе и тянется, нигдѣ не понижаясь, до самаго перевала Сациры, находящагося на высотѣ свыше 2000 футовъ надъ уровнемъ Чернаго моря. Весь подъемъ покрытъ роскошной растительностью, между которой преобладаетъ горный дубъ. Рельсовый путь, поднимаясь по кривой и ломанной линіи, дѣлаетъ всевозможные завороты, зигзаги и извивы, повременамъ пересѣкая балки, овраги, ущелья и проч... Паровозъ Ферли (другихъ паровозовъ на Тквибульской вѣтви не полагается), пыхтя, отдуваясь и выпуская клубы пара, медленно тянется въ гору. Но вотъ и высшая точка—

Садиры. Завизжали тормоза и начался спускъ. Путь въ этомъ мѣстѣ напомнилъ мнѣ нѣсколько Военно-Грузинскую дорогу, когда вы спускаетесь изъ Гудаура въ Млеты. Такъ и тутъ: вы съ ужасомъ замѣчаете, что продолженіе тѣхъ рельсовъ, по которымъ вы двигаетесь, находится совершенно подъ вами, внизу, на разстояніи около ста саженой. Идя съ верхнимъ путемъ мѣстами параллельно, этотъ нижній путь даетъ нѣкоторое понятіе о тѣхъ трудностяхъ, которыя надо было побороть при постройкѣ линіи.

Чрезъ нѣсколько минутъ, мы, сдѣлавъ пять-шесть поворотовъ, находимся уже на этомъ нижнемъ пути и предъ нами открывается величественные видъ на горный хребетъ Накераль, находящійся отъ этого мѣста верстахъ въ десяти. На свѣтло-голубомъ фонѣ неба отчетливо вырисовывается рѣзко очерченная линія его профиля, покрытаго разнообразной растительностью. Въ прогалинахъ, между деревьями, въ оврагахъ и балкахъ выступаетъ бѣлыми пятнами еще не усиѣвшій стоять снѣгъ. Но ему, этому снѣгу, осталось не долго лежать тутъ въ этихъ прогалинахъ

и оврагахъ. Солнце начало уже пригрѣвать совсѣмъ по-весеннему. Легко можетъ статься, что въ то время, когда будутъ напечатаны эти замѣтки, тамъ уже шумятъ и бурлятъ горные потоки, спускаясь по ущельямъ въ мелководную, хотя и бурливую Тквибульву.

За Накераломъ начинается Рачинскій уѣздъ. Не могу не упомянуть для свѣдѣнія тѣхъ, кому придется побывать въ этихъ мѣстахъ, въ особенности лѣтомъ, когда все здѣсь цвѣтетъ и дышетъ ароматами, что у самаго подножья Накерала, по ту сторону, т. е. уже въ Рачинскомъ уѣздѣ, расположилось небольшое озеро, изобилующее прекрасными форелями; а невдалекѣ отъ этого озера находится пещера, замѣчательная тѣмъ, что въ самую сильную лѣтнюю жару вы найдете въ ней не только прохладу, но даже *ледъ*, образующійся изъ самой чистой ключевой воды. Въ эту нашу поѣздку мы туда не попали; но одинъ изъ спутниковъ моихъ, г. Л., былъ тамъ въ прошломъ году и не можетъ нахвалиться какъ вкусными форелями, такъ и рѣдкими свойствами пещеры...

Къ двѣнадцати часамъ дня мы прибыли

на станцію Тквибули. Станція вполнѣ готова, но ни пассажирскаго зала, ни буфета, на который мы такъ надѣялись, не оказалось... Станція Тквибули находится на высотѣ 1800 футовъ надъ уровнемъ моря... Зданіе станціи небольшое, двухъ-этажное обыкновеннаго желѣзнодорожнаго типа... Невдалекѣ расположено два-три жилыхъ домика для служебнаго персонала да небольшое депо съ тремя паровозами Ферли. Растительности искусственнаго насажденія вокругъ станціи нѣтъ, но за-то природной растительности сколько угодно, куда ни глянешь.. Лѣтомъ тутъ, должно быть, очень хорошо...

Невдалекѣ отъ станціи, на берегу рѣчки Тквибульки, разбросилась небольшая деревенька того-же имени. Среди небольшихъ досчатыхъ, крытыхъ дранью, домиковъ, мѣстами, выдѣляются два-три дома мѣстныхъ промышленниковъ каменноугольныхъ копей; но и эти дома небольшіе и тоже деревянные. Съ открытіемъ линіи, какъ грибы, выросли тутъ духаны и лавки и—о, счастье!—для насъ, туристов—оказалась тутъ и гостинница, и какая гостинница? Настоящая: съ номерами, съ бу-

фетомъ, биллиардомъ, съ вывѣской „Лондонъ“ и при всемъ этомъ—безъ клоповъ. Послѣдніе, впрочемъ, не успѣли еще завестись...

Разыгравшійся за дорогу аппетитъ давалъ себя чувствовать. Вся провизія наша была съѣдена еще въ Гелати, и потому, какъ-только мы узнали объ отсутствіи на станціи буфета и о существованіи гостинницы, тотчасъ направились подъ гостепріимный кровъ послѣдней.

Гостинница оказалась небольшимъ, чистенькимъ, двухъ-этажнымъ, деревяннымъ домомъ съ вышесказанной традиціонной вывѣской. Въ нижнемъ этажѣ—общая столовая съ буфетомъ и биллиардомъ, наверху—нѣсколько номеровъ. Все оказалось ново, чисто и прилично. Что касается биллиарда, то онъ мнѣ показался лучше многихъ изъ числа имѣющихся въ тифлисскихъ гостинницахъ и ресторанахъ.

Придя въ гостинницу, мы, конечно, первымъ дѣломъ спросили поѣсть. Услужливый хозяинъ, нѣмецъ, г. Р., накормилъ насъ порядочнымъ обѣдомъ съ порядочнымъ мѣстнымъ виномъ, за сравнительно недорогую плату.

Отдохнувъ немного наверху, въ отведенныхъ намъ комнатахъ, мы рѣшили отпра-виться тотчасъ-же на копи, расположенныя въ половинѣ высоты Накерала. До копей отъ Тквибули еще верстъ пять съ небольшимъ. Рельсовый путь проложенъ версты на четыре, но поѣзда для частныхъ пассажировъ не ходятъ. Намъ отыскали проводника и, нанявъ лошадей, мы отправились въ копи верхами, по узкой тропинкѣ, протоптанной въ снѣгу и идущей параллельно съ рельсами. По обѣимъ сторонамъ нашего пути я примѣтилъ, въ числѣ прочей растительности, обиліе рододендроновъ... Рѣчка Тквибулька, гдѣ-то за изгибомъ долины, исчезаетъ и смѣняется своимъ при-токомъ, такимъ-же бурнымъ, какъ и она, названіе котораго не могу припомнить.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончается четырех-верстный рельсовый путь, начинается, такъ называемая, наклонная плоскость (*Bremsberg*), которая соединитъ копи съ этимъ путемъ. Земляныя работы для этой наклонной плоскости уже произведены и, какъ-только стаеъ снѣгъ, приступятъ къ укладкѣ рельсоваго пути. Длина наклонной плоскости около полуторы

версты и подъемъ очень крутъ; судя по глазомѣру, онъ, навѣрно, достигнетъ до двадцати пяти сотыхъ сажени.

По этой наклонной плоскости будетъ проложено два рельсовыхъ пути: по одному изъ нихъ будутъ спускаться нагруженные каменнымъ углемъ вагоны, а по другому, въ то-же время, будутъ, подниматься порожніе, причемъ подъемъ порожнихъ вагоновъ будетъ производиться тяжестью нагруженныхъ, посредствомъ особыхъ цѣпей, на блокахъ. Движеніе вагоновъ будетъ регулироваться особымъ тормазнымъ аппаратомъ при блокахъ... Черезъ мѣсяцъ надѣются совсѣмъ окончить эту наклонную плоскость и тогда начнется г. Новосельскимъ поставка каменнаго угля для Закавказской желѣзной дороги и для другихъ потребителей, каковыми явятся, вѣроятно, морское министерство и тѣ города Закавказскаго края, гдѣ дрова слишкомъ дороги. Въ послѣднемъ случаѣ, каменный уголь произведетъ, по всей вѣроятности, громадный переворотъ въ матеріалѣ для топлива...

Подвигаясь все въ гору, по наклонной плоскости, мы достигли, наконецъ, и самыхъ

копей. Прежде всего, насъ удивила изумительная толщина каменно-угольного пласта. Толщина эта простирается съ пропласткою не менѣе какъ на десять сажень въ ширину, и пласть стоитъ почти вертикально... Въ копяхъ идетъ подготовительная работа и по окрестнымъ горамъ проносится эхо отъ ударовъ кирокъ углекоповъ. Уже продѣлано нѣсколько штоленъ. Устройства шахтъ тутъ, по всей вѣроятности, вовсе не потребуется, такъ-какъ нѣтъ надобности залезать внизъ копей: пласть такъ удачно расположился, что, работая посредствомъ однѣхъ штоленъ, можно добывать угля сколько угодно, лишь-бы сбытъ нашелся... Подготовительныя работы ведутся въ размѣрѣ, потребномъ для годовой добычи угля въ количествѣ до десяти милліоновъ пудовъ! Куда будетъ сбываться такая масса каменнаго угля — это, конечно, дѣло г. Новосельскаго. Но, на примѣръ, повидимому, главный потребитель, Закавказская желѣзная дорога, которая уже заключила контрактъ съ г. Новосельскимъ, не будетъ въ состояніи, какъ я узналъ изъ разспросовъ людей, близко знакомыхъ съ этимъ дѣломъ, израсходовать, въ теченіе года, болѣе

одного миллиона пудовъ, такъ-какъ каменно-угольное отопленіе паровозовъ можетъ производиться только на участкѣ отъ станціи Квирилы до Батума, а участокъ отъ Баку до Квириль не можетъ разстаться съ отопленіемъ паровозовъ нефтяными остатками и замѣнить не толькомъ углемъ, но какимъ-бы то ни было топливомъ, потому-что никакой другой матеріаль для отопленія не въ состояніи выдержать конкуренціи съ первымъ, благодаря ихъ исключительной дешевизнѣ (около 1 коп. пудъ въ Баку). *) Затѣмъ, морскому министерству можетъ потребоваться, приблизительно, такое-же количество каменнаго угля, какъ и желѣзной дорогѣ... Что же касается снабженія каменнымъ углемъ городовъ Закавказскаго края, то вопросъ этотъ, пока, не выясненъ и врядъ-ли можно сказать что-нибудь опредѣленное...

Теперь, когда въ копяхъ нѣтъ еще настоящей работы, онѣ не могутъ представить налюдателю или туристу того интереса, какъ тогда, когда работа закипитъ и по наклонной плоскости покатятся груженные и порожніе вагоны. Теперь вы не замѣчаете ни лихора-

*) Въ 1888 году.

дочной дѣятельности, являющейся на всякомъ промыслѣ, ни особаго интереса въ самомъ процессѣ добычи каменнаго угля... Весною, лѣтомъ, повторяю, надо сюда пріѣхать и полюбоваться и роскошной природой, и картинно расположившимися среди нея копиями...

Постоявъ у штолень, пощупавъ кусокъ каменнаго угля, который оказался совершенно чернаго цвѣта и очень блестящимъ, пройдясь нѣсколько разъ вдоль копей, мы рѣшили, что пора и во-свояси, тѣмъ болѣе, что и солнце уже близилось къ закату. Тѣмъ-же путемъ спустились мы въ Тквибули, напились чаю, сыграли нѣсколько партій на билліардѣ, затѣмъ поужинали и разошлись по своимъ комнатамъ до слѣдующаго утра. Нечего и говорить о томъ, какъ сладко спалось послѣ такой прогулки.

На слѣдующій день, во вторникъ, мы отправились обратно въ Кутаисъ верхами на лошадяхъ, такъ-какъ невозможно было ждать обратнаго поѣзда до субботы.

Обратный путь, благодаря плохимъ сѣдламъ, надо сознаться, былъ тяжелъ.

По пути мы заѣзжали въ монастыри,

бѣглый очеркъ которыхъ я помѣстилъ уже раньше, заглянули въ сѣрныя бани, на станціи Сѣрныя воды, переночевали въ Гелати, такъ-какъ осмотръ монастырей насъ задержалъ, и въ среду, утромъ вернулись въ Кутаисъ, совершенно довольные нашей поѣздой...

Тквибульскія каменно-угольныя копи.

Изъ запиской книжки туриста.

II.

Совѣтъ туристамъ.—Поезда отъ Кутаиса до Тквибули.—Пріютъ туриста въ Тквибули.—Естественный тоннель.—Чѣмъ богата Тквибулька.—Дороговизна земли.—Тквибульскія россинанты.—Амазонка.—Нагрузочная станція.—Импровизированный чичероне.—Бремсбергъ.—Узкоколейная дорога.—Мосты съ естественными устоями.—Оригинальныя арбы.—Временная укладка пути.—Конно-железная дорога.—Копи.—Водопадъ.—Нововведенія и усовершенствованія.—Обратный путь.

~~~~~

Прошло уже около двухъ мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ пришлось побывать въ въ первый разъ въ Тквибульскихъ каменноугольныхъ копияхъ г. Новосельскаго, и тогда посѣщеніе мое этихъ копей, въ концѣ зимы, не могло представлять собою того интереса,

который оно представляет теперь, когда наступила лучшая пора года—цвѣтущій май, когда все зазеленѣло, расцвѣло, заблагоухало и когда все окружающее этотъ поистинѣ поэтическій уголокъ представляется совершенно въ иномъ видѣ, въ иномъ освѣщеніи, тѣмъ болѣе, что тогда только начавшаяся еще разработка копей теперь много подвинулась впередъ и представляетъ собою одно изъ интереснѣйшихъ и грандіознѣйшихъ сооружений, благодаря той обстановкѣ, въ которую поставила ее окружающая природа, заставившая человѣческій умъ побороть массу естественныхъ преградъ и препятствій.

Холодное время и краткій срокъ, который я могъ удѣлить въ то время на осмотръ копей и всѣхъ вспомогательныхъ для эксплуатаціи угля сооружений, лишили меня возможности описать самыя копи болѣе подробно и я вынужденъ былъ ограничиться краткимъ описаніемъ, главнымъ образомъ, Тквибульской вѣтви отъ Кутаиса до Тквибули.

Теперь-же мнѣ удалось употребить въ это нѣсколько больше времени и потому подмѣтить, узнать и занести въ мою записную

книжку нѣсколько больше данныхъ, съ которыми я и хочу подѣлиться съ читателями.

Такъ-какъ Тквибульская дорога и самыя копи, помимо своего экономическаго значенія для края, составляютъ со времени самого возникновенія своего, можно сказать, всеобщій интересъ и такъ-какъ мѣста эти привлекаютъ къ себѣ все больше и больше не только специалистовъ, но и простыхъ туристовъ, то, полагаю, будетъ не безынтересно читателямъ, если я, помимо описанія копей, коснусь также и способа передвиженія и другихъ подробностей, небезполезныхъ для тѣхъ, кто, подобно мнѣ, пожелаетъ побывать въ этихъ мѣстахъ.

Собираясь въ эту поѣздку, туристъ прежде всего долженъ заpastись умѣніемъ сидѣть верхомъ на лошади, хотя-бы для того, чтобы имѣть возможность ѣхать шагомъ, затѣмъ ботфортами, непромокаемымъ плащемъ и, если возможно, то и сѣдломъ, такъ-какъ, не смотря на прекрасныя качества мѣстныхъ, хотя и неказистыхъ съ виду лошадей, привыкшихъ къ горнымъ тропамъ, переѣздамъ въ бродъ рѣчекъ и проч., мѣстныя сѣдла не отличаются особеннымъ удобствомъ и подчасъ даже пор-

тять прекрасное расположение духа, навѣваемое чудной окружающей природой и вообще всеѣмъ тѣмъ, на чемъ останавливается здѣсь глазъ туриста.

Поѣзда изъ Кутаиса въ Тквибули все еще ходятъ пока только одинъ разъ въ недѣлю по понедѣльникамъ, а изъ Тквибули по субботамъ, *) такъ-что обстоятельство это туристу слѣдуетъ также имѣть въ виду, потому-что если онъ не умѣетъ ѣздить верхомъ, то въ Тквибули придется провести, хочешь-не хочешь, пять дней. Для умѣющаго-же ѣздить верхомъ это не можетъ составить затрудненія, такъ-какъ на переѣзъ верхомъ отъ Тквибули до Кутаиса требуется не болѣе пяти часовъ и стодить это не болѣе двухъ рублей.

Приютомъ туристу въ Тквибули служитъ гостинница „Лондонъ“ о которой я упоминалъ въ предыдущихъ путевыхъ замѣткахъ и которая успѣла уже съ тѣхъ поръ значительно загрязниться и обзавестись клопами.

На этотъ разъ, какъ и въ первую поѣздку, отправился я въ Тквибули съ цѣлой компа-

---

*) Въ 1888 году.

ней туристовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что отправляться въ Тквибули одному, какъ и во всякую другую поѣздку, менѣе удобно, чѣмъ въ веселой компаніи; въ особенности, если принять во вниманіе, что можно попасть туда какъ-разъ въ дождливое время и просидѣть, порою, нѣсколько дней, ничего не выдавши, въ четырехъ стѣнахъ гостинничнаго номера.

Въ день пріѣзда мы не поѣхали въ копи, рѣшивъ отправиться туда съ утра слѣдующаго дня. Пообѣдавъ, мы отправились верхами въ противоположную сторону къ тому мѣсту, гдѣ, въ небольшомъ разстояніи отъ села, рѣчка Тквибулька исчезаетъ въ естественномъ тоннелѣ и затѣмъ появляется снова, пройдя предварительно подъ землею нѣсколько верстъ. Рѣчка Тквибулька, быстрая, живая, поминутно дѣлаетъ изгибы и повороты и по рассказамъ мѣстныхъ жителей, обилуетъ раками и форелями; послѣднихъ, впрочемъ, долженъ признаться, намъ ни ѣсть, ни видѣть не пришлось... Проѣхавшись по долинѣ и полюбовавшись видами, мы возвратились въ Тквибули обратно и, сойдя съ лошадей, отправились пѣшкомъ осмотрѣть село. Село или,

вѣрнѣе, деревня Тквибули ничего особаго теперь не представляетъ, но, повидимому, ей предстоитъ въ близкомъ будущемъ, если не блестящая, то, во всякомъ случаѣ, завидная участь. Уже и теперь начинаютъ появляться новыя постройки, а съ открытіемъ правильной эксплуатаціи копей она неминуемо обстроится, какъ слѣдуетъ, и будетъ походить на маленькій городокъ. Земля подъ постройки уже успѣла подняться въ цѣнѣ и обходится около тысячи рублей за десятину, — цѣна слишкомъ высокая для деревни.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня, передъ фасадомъ гостиницы стояло наготовѣ восемь осѣдланыхъ лошадей. Къ удивленію моему, на одной изъ лошадей я примѣтилъ дамское сѣдло...

Съ неба, какъ сквозь частое сито, моросилъ мелкій дождь. Накераль былъ весь закутанъ тучами и туманомъ. Возлѣ каждой лошади стоялъ ея хозяинъ, прикрывъ полою чохи сѣдло для предохраненія его отъ дождя. Я вышелъ съ цѣлью произвести осмотръ лошадей. Лошаденки оказались тощія, малорослыя и все гнѣдыя, за исключеніемъ одной

сѣрой, которая была подѣ дамскимъ сѣдломъ. Сѣдла туземныя, жесткія, зачастую съ непарными стременами. Обѣ азіатскихъ мундштукахъ тутъ и понятія не имѣютъ. Наняты лошади были по одному рублю въ сутки. Плата эта возросла противъ той, которая была въ первую поѣздку, ровно вдвое. Причиной этому—отчасти сметливость туземнаго населенія, сообразившаго, что зачѣмъ брать по полтиннику, если можно взять и по рублю, а отчасти необычайная цѣна на сѣно, доходящая тутъ до 1 р. 60 копѣекъ за пудъ. Пастбища тутъ плохи, сѣнокосовъ почти нѣтъ, такъ-что сѣно въ Тквибули исключительно привозное.

Весь персоналъ нашихъ туристовъ высыпалъ на площадку передъ гостинницей. Каждый спѣшилъ выбрать себѣ лучшую россинанту, и въ особенности хлопотали обѣ этомъ тѣ, коимъ никогда въ жизни не приходилось ѣздить верхомъ; а такихъ въ нашей компаніи было двое. Но россинанты оказались всѣ какъ на подборъ и выбрать между ними лучшую не представлялось никакой возможности. Оставалось только выбирать лучшее сѣдло; но и

послѣднія, съ виду, весьма обманчивы. Иное кажется новѣе и какъ-будто удобнѣе, а на дѣлѣ оказывается потомъ самымъ мучительнымъ орудіемъ, напоминающимъ времена инквизиціи.

Дамское сѣдло оказалось предназначеннымъ, какъ и слѣдовало ожидать, для представительницы весьма немногочисленнаго здѣсь прекраснаго пола—жены одного изъ членовъ мѣстной желѣзно-дорожной администраціи. Она вскорѣ не замедлила прибыть на сборный пунктъ вмѣстѣ съ своимъ мужемъ и мы были тотчасъ-же представлены ей, послѣ чего, усадивъ кое-какъ въ сѣдла двоихъ изъ нашихъ товарищей, никогда не ѣздившихъ верхомъ, но, къ всеобщему удивленію, оказавшихся смѣлыми кавалеристами, двинулись въ путь, по долину, къ Накералу, къ копиямъ Новосельскаго.

Вскорѣ мы выѣхали за село и поѣхали вдоль желѣзнодорожнаго полотна, проложеннаго версты на три съ небольшимъ отъ Тквибули и уже совершенно готоваго.

Рельсовое полотно оканчивается у нагрузочной станціи, отъ которой начинается наклон-

ная плоскость, или Bremsberg. До нагрузочной станціи путь нашъ не представлялъ собою ничего особенно выдающагося, за исключеніемъ того, что намъ приходилось около десяти разъ переѣзжать въ бродъ горныя рѣчки и потоки съ каменистымъ неровнымъ русломъ. Порою, бродъ былъ выше лошадиного колѣна и теченіе такъ сильно, что переѣздъ представлялъ-бы извѣстную опасность, если-бы не привычныя къ такимъ переѣздамъ мѣстныя лошадки, которыя справлялись съ водою вполне удовлетворительно, осторожно ступая и какъ-бы выбирая копытомъ въ водѣ мѣста болѣе устойчивыя для ноги... Новоиспеченные кавалеристы наши чувствовали себя въ этихъ случаяхъ, очевидно, не совсѣмъ хорошо...

Дождь продолжалъ моросить вплоть до нагрузочной станціи, которая пока другого названія не имѣетъ и состоитъ изъ небольшого домика, съ помѣщеніемъ для желѣзнодорожнаго телеграфа.

Не доѣзжая до станціи нѣсколькихъ десятковъ саженой, вамъ невольно бросаются въ глаза лежащія по обѣимъ сторонамъ рельсоваго пути всевозможныя принадлежности на-

клонной плоскости и узкоколейнаго пути, ведущаго въ копи: тутъ шпалы, рельсы, громадныя колеса для тормознаго аппарата, цѣпи и проч.

Возлѣ нагрузочной станціи широкой рельсовый путь оканчивается. Затѣмъ вы видите небольшой промежутокъ саженей въ десять до крутого обрыва у подножья Накерала и тутъ уже начинается наклонная плоскость, которая тянется вверхъ на 800 саженей.

Въ этомъ-же мѣстѣ будетъ устроено особое приспособленіе, посредствомъ котораго маленькіе нагруженные каменнымъ углемъ вагоны, спустясь по наклонной плоскости и дойдя до большихъ, ожидающихъ ихъ вагоновъ на широкомъ рельсовомъ пути, будутъ опрокидывать уголь въ эти большіе вагоны.

Наклонная плоскость поражаетъ всѣхъ своимъ страшнымъ уклономъ. Здѣсь успѣли побывать уже иностранные инженеры, которые въ одинъ голосъ увѣряли, что такого бремсберга имъ видѣть не приходилось. Помилуйте: 120 саженей высоты на 800 саженей протяженія!...

Бремсбергъ оканчивается или, лучше, на-

чинается въ упомянутомъ выше промежуткѣ такъ называемыми эстокадами, устроенными для того, чтобы маленькіе вагоны доходили до уровня большихъ вагоновъ для болѣе удобнаго грохоченія угля.

Наклонная плоскость, стѣдившая многихъ и долгихъ трудовъ, уже почти готова. Осталось покончить только съ тремя мостами, по числу трехъ балокъ, которыя бремсбергу пришлось пересѣчь на своемъ пути. Мосты устроены на высокихъ деревянныхъ устояхъ, причемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, строитель удачно воспользовался, такъ-сказать, природой, оставивъ кое-гдѣ, вмѣсто устоевъ, громадные деревья на корню, отпиливъ съ нихъ верхнюю часть. Черезъ первую балку пришлось устроить мостъ длиною въ 18 сажень.

Прелестную картину представляетъ собою вообще весь этотъ поэтическій уголокъ, укрывшійся среди вѣковыхъ гигантовъ, между которыми преобладаютъ твердыя породы, каковы грабъ и дубъ. Впрочемъ, выше, за копами, на самомъ хребтѣ Накерала и, затѣмъ, по ту сторону, на склонѣ, раскинулись роскошныя пальмовыя рощи, которыя заарендовалъ какой-

то грекъ, устроившій на свой счетъ дорогу черезъ переваль, что стоило не малыхъ трудовъ и расходовъ, такъ-какъ путь приходилось прокладывать по непроходимой и чисто дѣвственной чащѣ.

Отдохнувъ немного у нагрузочной станціи и подождавъ нашихъ оставшихъ путниковъ, мы уже хотѣли продолжать путь, какъ вдругъ на узкой тропѣ спуска показался всадникъ на рыжей лошади. Всадникъ этотъ былъ въ инженерной фуражкѣ и въ рабочей кожаной курткѣ съ металлическими пуговицами и оказался горнымъ инженеромъ Петромъ Николаевичемъ Горловымъ, управляющимъ копиями г. Новосельскаго. Такъ-какъ въ числѣ нашихъ спутниковъ былъ одинъ знакомый уже раньше съ г. Горловымъ, то мы немедленно были представлены ему и съ этого момента г. Горловъ любезно предложилъ намъ свои услуги въ качествѣ чичероне.

Мы двинулись вверхъ вдоль наклонной плоскости по узкой, глинистой въ одинъ проѣздъ дорогѣ, по временамъ дѣлая крутые повороты и объѣзды. Ежеминутно попадались намъ на встрѣчу нагруженные каменнымъ

углемъ арбы, запряженныя буйволами, или большіе ящики на двухъ колесахъ въ одноконную запряжку. Арбы здѣсь чрезвычайно оригинальны и приспособлены къ мѣстнымъ путямъ сообщенія. Когда вы видите на нѣкоторомъ разстояніи отъ себя такую арбу, то вначалѣ вамъ кажется, что буйволы тащатъ за собою сани, а не арбу, но, поровнявшись съ нею, оказывается, что надъ передней частью арбы находятся полозья, а сзади обыкновенныя, только меньшаго размѣра, сплошныя колеса безъ спиць.

Подъемъ здѣсь такъ крутъ, что арбы и ящики, выгрузивъ у нагрузочной станціи уголь *), на обратный путь берутъ съ собою поклажу самую легкую. Такъ, на примѣръ, на арбу кладется одинъ для узкоколейной дороги рельсъ, вѣсомъ немногимъ больше двухъ пудовъ, а на одноколку — доска или шпала, потому-что тащить вверхъ, по такой крутизнѣ только экипажъ представляетъ уже собою достаточный грузъ.

---

*) Вслѣдствіе того, что бремсбергъ еще не готовъ, уголь перевозится пока вдоль наклонной плоскости на подводахъ. (1888 г.).

Вдоль всей наклонной плоскости и нашей дорожки, по обѣимъ сторонамъ, подъ вѣковыми великанами, шумящими тамъ гдѣ-то очень высоко своими вершинами, раскинулся роскошный природный пестрый коверъ изъ лиловыхъ рододендроновъ и душистыхъ ярко-желтыхъ азалий. Все это чрезвычайно тѣшить и ласкаетъ глазъ засидѣвшагося въ канцелярїи горожанина и превратившагося на время въ случайнаго туриста, прїѣхавшаго полюбоваться мѣстными красотами природы. А полюбоваться и даже повосхищаться здѣсь есть чѣмъ!... Невольно удивляетъ только здѣсь почти полнѣйшее отсутствіе представителей пернатата царства... За всю поѣздку отъ Тквибули до копей мнѣ удалось увидѣть только одну ворону...

Переѣхавъ еще черезъ двѣ балки, вдоль двухъ мостовъ, меньшихъ противъ перваго размѣровъ, мы очутились на большой площадкѣ, на которой построены казармы для рабочихъ; одна изъ этихъ казармъ представляетъ собою обиталище г. Горлова. Вокругъ казармъ идетъ дѣятельная сборка частей цѣлой массы вагончиковъ для перевозки угля. Отъ

копей до этой площадки проведенъ уже временный рельсовый путь, на разстояніи 400 саженой. Въмѣсто рельсовъ положено пока, на скорую руку, полосовое желѣзо. Желѣзныхъ скрѣпленій нѣтъ; рельсы прямо укрѣплены въ шпалахъ, посредствомъ деревянныхъ клиньевъ.

Разстояніе между рельсами не болѣе трехъ четвертей аршина. Шпалы сдѣланы преимущественно изъ каштана, пальмы, орѣха. Отъ копей до площадки на разстояніи 400 саженой вагончики передвигаются на рукахъ рабочими. Предѣльная нагрузка вагончика—25 пудовъ. Но какъ-только будутъ уложены настоящіе рельсы, то передвиженіе будетъ производиться отъ копей до бремсберга посредствомъ лошадей, причемъ одна лошадь будетъ везти 8 вагончиковъ и замѣнитъ собою 8 человѣкъ рабочихъ. По наклонной плоскости будутъ продолжать путь, конечно, одни и тѣ-же вагончики.

Отъ этой площадки до копей путь почти все время тянется по краю крутого оврага, въ который сваливается теперь, за неизмѣнимъ

возможности вывезти его, мелкій оставшіяся отъ прогрокотки уголь.

Ющи появляются передъ вами неожиданно изъ-за поворота. Въ отвѣсной высокой скалѣ глазамъ вашимъ представляются темныя зіяющія отверстія—штольни, изъ которыхъ ежеминутно выскакиваетъ покрытый угольною пылью человекъ, везущій нагруженную тачку. На небольшой площадкѣ между скалами оживаетъ окрестность шумный, въ нѣсколько аршинъ высотой, водопадъ чистой ключевой воды. Слѣва, на страшной, высотѣ, надъ копиями, приютился домикъ подрядчика-итальянца, окруженный роскошною растительностью. Передъ копиями навалены цѣлыя горы каменнаго угля, который тутъ сортируется и нагружается въ вагончики.

Не доѣзжая шаговъ ста до копей, мы слезли съ лошадей и, предводительствуемые любезнымъ хозяиномъ, нашимъ импровизированнымъ чичероне, направились къ штольнямъ.

У центральной штольни намъ дали по зажженной стеариновой свѣчѣ. Осторожно ступая по узкой доскѣ, по бокамъ которой стоятъ

цѣлыя лужи просачивающейся изъ скалъ воды, мы проникли одинъ вслѣдъ за другимъ въ нѣдры каменноугольнаго царства. Несмотря на то, что каждый изъ насъ имѣлъ въ рукѣ по зажженной свѣчѣ и что, кромѣ того, нѣсколько рабочихъ освѣщали нашъ путь фонарями, въ первое время, послѣ солнечнаго свѣта, глазъ никакъ не могъ привыкнуть къ темнотѣ и многіе изъ насъ, вмѣсто того, чтобы ступать по доскѣ, попадали то одной, то другой ногой въ воду, вызывая общій смѣхъ. Но, мало-по-малу, мракъ сталъ менѣе ощутителенъ и мы стали различать черныя блестящія пласты, настилы, подпорки, рабочихъ, тачки проч. Г. Горловъ водилъ насъ по длиннымъ, въ нѣсколько десятковъ саженой, узкимъ прорубленнымъ въ каменномъ углѣ корридорамъ; затѣмъ по крутой, въ нѣсколько сажень высотой, деревянной лѣстницѣ, вдѣланной въ каменноугольной почти отвѣсной стѣнѣ, заставилъ насъ подняться наверхъ, въ верхнія галлерей и тѣмъ-же путемъ спуститься опять внизъ, что мы продѣлывали безропотно и съ полнымъ удовольствіемъ, вымазываясь въ углѣ, какъ истые туристы, и восхищаясь, казалось, без-

конечнымъ рядомъ огоньковъ отъ свѣтиленъ углекоповъ, производящихъ свою нелегкую работу въ углубленіяхъ темныхъ галлерей. Воздухъ въ штольняхъ, вслѣдствіе хорошо устроенной вентиляціи, оказался довольно чистымъ.

Въ штольняхъ работаетъ теперь около трехсотъ человѣкъ, но съ окончательнымъ устройствомъ наклонной плоскости, которая, по словамъ г. Горлова, должна быть окончательно готова въ началѣ іюня текущаго года, *) число это должно утроиться и дойдетъ, по всей вѣроятности, до 1000 человѣкъ, для помѣщенія которыхъ сдана съ подряда итальянцу Перукки постройка 30 казармъ. Между рабочими значительная часть русскихъ, выписанныхъ изъ Россіи, нѣсколько итальянцевъ, преимущественно старшихъ рабочихъ, остальные туземцы, прекрасно приспособившіеся къ труду углекопа. Болѣзней между рабочими почти нѣтъ. Вообще въ этомъ благодатномъ уголкѣ мало знакомы съ какими-бы то ни было болѣзнями и даже съ лихорадкой, не-

---

*) Въ 1888 году.

смотря на постоянную влажность воздуха и почвы. Надо, впрочемъ, упомянуть про тквибульскихъ сельчанъ, которые, почему-то, поголовно болѣютъ свинкой, но, вѣдь, это что же за болѣзнь...

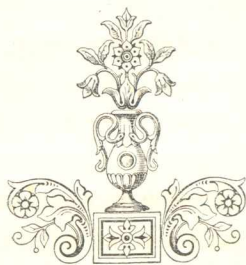
Если дѣло пойдетъ успѣшно, а оно и не должно пойти иначе, такъ-какъ все уже налажено какъ слѣдуетъ, самыя главныя, препятствія и преграды поборены, работы ведутся съ расчетомъ на многомилліонную годовую добычу угля, — то въ близкомъ будущемъ тутъ предстоитъ много интересныхъ нововведеній и устройствъ, въ числѣ каковыхъ на первомъ планѣ стоитъ устройство маленькой церкви, затѣмъ, больницы, школы для дѣтей углекоповъ, бани, электрическаго освѣщенія въ штольняхъ и т. п.

По выходѣ изъ копей, гдѣ мы пробыли около часу въ удручающей съ непривычки темнотѣ, свѣтъ Божій показался намъ какъ-то лучше и привлекательнѣе, а окружающая роскошная природа еще величественнѣе и прекраснѣе...

Любезный хозяинъ проводилъ насъ до площадки, гдѣ начинается бремсбергъ, и тутъ

мы распрощались, поблагодаривъ его за оказанную любезность и пожелавъ ему отъ души полного успѣха въ этомъ грандіозномъ и важномъ дѣлѣ, которое онъ ведетъ съ такой завидной энергіей, не смотря на довольно тяжелыя условія жизни...

На возвратномъ пути дождь промочилъ насъ до нитки и, пріѣхавъ въ Тквибули, мы засѣли обсушиваться въ четырехъ стѣнахъ. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня намъ снова привели вчерашнихъ россинантъ, на которыхъ мы и возвратились благополучно въ Кутаисъ...

Dr. Karakala

ОТЪ БАТУМА ДО КУТАИСА.

(Изъ запиской книжки туриста).

*Пора путешествій. — Закрытіе Батумскаго порто-
франко. — Новыя постройки. — Дороговизна квартиръ. —
Нефтяной городъ. — Батумскій портъ. — Вокзалъ. — Дачныя
мѣста. — Цихисдзирскія высоты. — Ночныя украшенія при-
роды. — Малярія. — Нотанеби и Сунса. — Безпечность
населенія. — Предпримчивыя янки. — Буреніе. — Добыча
асфальта. — Озуретское шоссе. — Сунсинское шоссе. —
Ланчхуты. — Продажа шелковыхъ тканей. — Саджевахо.
— Сбытъ табаку. — Самтреди. — Буфетъ. — Ріонъ. — Про-
дажа оружія. — Праздная публика. — Кутаисъ.*

*
* *

Майскіе дни — самыя лучшіе для путе-
шествій, экскурсій и простыхъ прогуловъ. Въ
эти дни живется и дышется какъ-то легче.
Обновленная природа выглядитъ какъ-то пре-
краснѣе, чѣмъ во всякое другое время года и
туристъ охотнѣе готовитъ чемоданъ и все

нужное для путешествія. Въ этомъ году, съ конца апрѣля, мнѣ все приходится разъѣзжать по Закавказью и по дорогѣ я стараюсь, гдѣ только возможно, занести, второпяхъ, все видѣнное и слышанное въ записную книжку. Кое-чѣмъ мнѣ удалось уже подѣлиться съ читателемъ, а кое-о-чемъ я еще хочу рассказать. На сегодня, начнемъ съ Батума, остановимся въ немъ на нѣсколько мгновений и, затѣмъ, съ утреннимъ поѣздомъ желѣзной дороги покатымъ въ Кутаисъ.

Когда заходила, бывало, рѣчь о закрытіи порто-франко, то многіе предсказывали, что при такомъ казусѣ Батумъ потеряетъ все и что судьба его неминуемо должна измѣниться къ худшему, въ особенности въ торговомъ и въ экономическомъ отношеніяхъ. Тѣмъ не менѣе, благодаря все годъ отъ году увеличивающемуся вывозу изъ Закавказья по Черному морю разныхъ произведеній и въ особенности нефти, какъ мы видимъ, Батумъ нисколько не потерялъ своего значенія торговаго города. Правда, кое-что измѣнилось, но не такъ рѣзко.

Дѣйствительно, съ закрытіемъ порто-франко прекратилась, почти окончательно, доставка

къ намъ гнилыхъ бракованныхъ заграничныхъ товаровъ и доходившая до громадныхъ размѣровъ контрабанда; прекратилось также то изнурительное стѣсненіе при таможенныхъ обрядностяхъ и досмотрахъ, на пароходныхъ пристаняхъ и въ вокзалѣ желѣзной дороги, куторому подвергались злосчастные туристы, путешественники и даже мѣстное населеніе. Правда, мы лишились множества забавныхъ сценъ, разъигрывавшихся, благодаря излишнему, хотя и вынужденному усердію таможенныхъ чиновниковъ, принимавшихъ порою тульскій самоваръ за произведеніе Тулона или русскую прошивку за произведеніе Ліона... Правда, этого мы лишились, но и только.

Производя, какъ я упомянулъ выше, большую вывозную торговлю, Батумъ (начавъ свой ростъ при порто-Франко) продолжаетъ еще успѣшнѣе расти и по его закрытіи.

Новые дома, словно грибы послѣ дождя, повыростали въ разныхъ частяхъ города. Странно только то, что, несмотря на это обиліе новыхъ построекъ, квартиры, по-прежнему, все такъ-же дороги и, при этомъ, найти въ Батутѣ квартиру (я не говорю уже о цѣнѣ)

сколько-нибудь удобную и не сырую — представляется дѣломъ довольно затруднительнымъ. Кромѣ того, домовладѣльцамъ Батума было бы не справедливо отказать въ упорности: у иного домъ полгода стоитъ пустой, а цѣна все та-же и о пониженіи наемной платы нечего заводить и рѣчи. Громадное большинство батумскихъ домовъ приспособлено почти исключительно подъ лавки и потому лавокъ теперь въ городѣ столько, что если одна лавка не приходится на каждаго жителя, то съ увѣренностью можно сказать, что по лавкѣ приходится на каждую семью... Ну, чѣмъ не торговый городъ?...

Но не въ этихъ магазинахъ, лавкахъ и лавчонкахъ главная экономическая сила Батума. Бросьте взглядъ на пріотившійся у въѣзда въ Батумъ, со стороны Цихидзири, цѣлый нефтяной городъ съ его заводами и гигантскими желѣзными цилиндрической формы съ коническими крышами резервуарами, хранящими миллионы пудовъ нефтяныхъ продуктовъ, и тутъ ищите причину экономического роста Батума... Между заводами, безъ

сомнѣнія, первое мѣсто занимаетъ заводъ Ротшильда, бывшій г.г. Палашковскаго и Бунге.

Въ нѣкоторомъ отношеніи, съ внѣшней стороны, Батумъ и по настоящее время остался неизмѣненнымъ. Напримѣръ, тамъ до-сихъ-поръ практикуется не только уличная чистка сапогъ, но вамъ неожиданно чистятъ сапоги и тогда, когда вы сидите въ café за чашкой турецкаго кофе.

Заглянемъ теперь въ портъ. Въ порту, по прежнему, кишитъ работа. Масса людей работаетъ надъ устройствомъ колоссальнаго мола, который тянется въ море на сотни саженой. То и дѣло къ порту подъѣзжаютъ особыя поѣзда, нагруженные громадными массивами изъ цихисдзирскаго камня. Каждый такой кусочекъ величиною не меньше кубической сажени. Цихисдзирскій, синяго цвѣта, камень твердъ, какъ гранитъ и массивы приготавлиются изъ кусковъ, скрѣпленныхъ цементомъ. Укладываются эти массивы на дно бухты при помощи колоссальной подъемной машины, которая, посредствомъ особаго приспособленія, сама поднимаетъ и опускаетъ эти массивы. За построеннымъ моломъ производится углуб-

ление дна посредствомъ такъ называемыхъ землечерпательныхъ машинъ. Большую услугу при укладкѣ массивовъ оказываютъ предварительно осматривающіе морское дно водолазы, одѣваемые своими помощниками въ такъ называемые „скафандры“. Ко времени опусканія массивовъ и путешествія на морское дно водолазовъ собирается поглазѣть, по обыкновенію, значительная толпа любопытныхъ. Въ пестрой толпѣ этой вы увидите всевозможныхъ представителей Востока и Запада, разсуждающихъ, жестикулирующихъ и дающихъ другъ другу разъясненія касательно предстоящаго интереснаго зрѣлища...

Желѣзнодорожный вокзалъ въ Батумѣ — то, что называется, маленько подгулялъ. Это, собственно, пока не вокзалъ въ томъ смыслѣ, какъ мы привыкли понимать это слово, а простой временной деревянный сарай, лишенный всякихъ удобствъ. Впрочемъ, скоро начнется, какъ говорятъ, постройка настоящаго вокзала, на который, по слухамъ, ассигновано свыше ста тысячъ рублей, и остановка теперь только вслѣдствіе какихъ-то переговоровъ желѣзнодорожной администраціи съ вла-

стями Батума о мѣстѣ, т. е. о землѣ, на которой долженъ быть выстроенъ вокзалъ...

Сядемъ теперь въ вагонъ. Выждавъ третій звонокъ, поѣздъ трогается и съ этого момента туристъ изображаетъ собою приросшаго къ окну вагона человѣка.

До станціи Кобулеты дорога идетъ по самому берегу моря, по чрезвычайно картинной и живописной мѣстности. На рѣкѣ Чаквѣ, у маленькой платформы, устроенной для удобства дачниковъ, минутная остановка. Мѣстность тутъ для дачъ выбрана самымъ удачнымъ образомъ. Роскошная растительность, чудный видъ на безбрежное море съ еле-еле виднѣющимися въ необъятной дали парусами или чернымъ облакомъ, производимымъ трубой парохода, окружающія горы съ причудливыми очертаніями—все здѣсь восхитительно, безъ всякаго преувеличенія... Проѣзжая цихисдзирскія высоты, вы видите по сторонамъ пути массы уложеннаго въ призмы синяго камня: это портовые каменоломни. Здѣсь, въ этихъ мѣстахъ, человѣкъ, съ помощью науки и вспомогательныхъ взрычатыхъ веществъ, снесъ съ лица земли цѣлыя горы... Я забылъ еще

упомянуть о ста тридцати сажennemъ тоннелѣ, самомъ длинномъ, пока, на всей Закавказской дорогѣ, находящимся верстахъ въ восьми отъ Батума. Возлѣ туннеля высится грозная батарея крѣпостныхъ пушекъ, глядящихъ въ море. Такія-же двѣ батареи устроены въ Батумѣ: одна въ центрѣ города—Бурунъ-Табія и другая—невдалекѣ отъ завода Ротшильда.

Отъ Кобулетъ поѣздъ мчится по землѣ благодатной Гуріи.

Обращаетъ на себя здѣсь вниманіе необычайное обиліе влаги, и частые дожди, сопровождаемые высокой температурой, вызываютъ тутъ удивительную почвенную дѣятельность. Все растетъ быстро и высоко. Но густой и высокій лѣсъ перевился, словно ліанами Новаго свѣта, своеобразными колючками—этимъ убійственнымъ паразитомъ всѣхъ мѣстныхъ лѣсовъ... Громадной высоты папоротники даютъ тутъ прекрасное убѣжище для множества водящихся въ лѣсахъ дикихъ кабановъ, козъ и шакаловъ. Но, не смотря на такое обиліе дичи, охотника вы здѣсь встрѣтите рѣдко, потому-что рѣдко кто рѣшится бродить по лѣсу безъ торной дороги, ежеминутно рискуя

быть израненнымъ или исцарапаннымъ кажда-
мымъ деревомъ, каждымъ кустомъ, обвитымъ
проклятыми колючками... Породы лѣса тутъ
все больше твердыя и цѣнные: букъ, ясень,
грабъ, чинарь, красное дерево (самшитъ),
нальма, лавровое и другія.

Хорошо тутъ побывать въ началѣ мая,
когда весь лѣсъ одѣлся, разукрасился, когда
зацвѣли роскошные рододендроны и азалии и
раскинулись по скатамъ пестрымъ, волшеб-
нымъ ковромъ. Окрестныя горы — отроги Ад-
жарскаго хребта — только увеличиваютъ общую
прелесть ландшафта и восторженно настраи-
ваютъ скромнаго туриста.

Я бывалъ здѣсь, въ этихъ мѣстахъ, и
майской ночью. Тихая, лунная ночь, окутан-
ная въ прозрачную дымку, полна поэзи....
Отъ зари до зари, безъ умолку, переливаются
тутъ соловьиныя трели, оглашая грозную,
благодаря близости моря, тишину; а море,
словно солидный контрбасъ, сочувственно вто-
рить этимъ трелямъ, нисколько не нарушая
гармоніи чудной ночи... Ночные фосфорическіе
жучки (цери) рѣютъ предъ вами и надъ вами,
словно порхающія звѣздочки... Съ моря вѣетъ

легкій вѣтерокъ и обдаеть васъ ласкающей свѣжестью... Хорошо!...

Но... нѣтъ розы безъ шиповъ...

Среди такого великолѣпія природы, чело-
вѣку тутъ, очевидно, живется не особенно
хорошо. Въ срединѣ лѣта, отъ испареній
окружающихъ болотъ, весь воздухъ пропи-
танъ какою-то вонючею гнилью... Неизбѣжное
мѣстное зло — перемежающаяся лихорадка,
такъ-называемая, „малярія“ — свила себѣ тутъ
прочное гнѣздо. Здѣсь съ трудомъ встрѣтите
вы челоѣка съ румянцемъ на лицѣ. Съ іюня
до половины сентября, въ самый разгаръ лѣта,
число заболѣваемыхъ въ этихъ мѣстахъ маля-
ріей доходитъ, по рассказамъ, до семидесяти
процентовъ!...

Станціи Нотанеби и Супса самыя краси-
выя по мѣстоположенію и самыя злокачествен-
ныя по климату и въ особенности послѣдняя..

Почва тутъ, какъ вообще во всей Гуріи,
въ высшей степени плодоносная, и небольшой,
сравнительно съ сѣверными и сѣверо-запад-
ными губерніями Россіи, трудъ поселянина
вознаграждается здѣсь сторицею. Тѣмъ не
менѣе, мѣстные жители сѣютъ здѣсь, большею

частью, только кукурузу да гоми. Вообще, мѣстное населеніе питается, преимущественно, растительною пищею, и потому, сравнительно, физически довольно слабо и, къ тому, нельзя скрыть, лѣнливо и безпечно.

Доказательствомъ послѣдняго, между-прочимъ, можетъ служить то курьезное обстоятельство, что для присмотра пасущихся стадъ буйволовъ, лошадей и другого скота ни одна деревня, ни одинъ помѣщикъ, рѣшительно никто не держитъ пастуховъ. Весь скотъ, какъ крупный, такъ и мелкій, бродитъ по пастбищамъ и внѣ пастбищъ по волѣ судьбы. Послѣдствіями этого бываетъ то, что скотъ, никѣмъ не охраняемый и не присматриваемый, бредетъ на полотно дороги и попадаетъ подъ поѣздъ. Бывали, по рассказамъ, случаи, когда поѣздъ давилъ сразу до пятидесяти козъ и цѣлая стада барановъ. А въ единичныхъ экземплярахъ—коровы, лошади, буйволы попадаютъ подъ поѣздъ чуть-ли не ежедневно и причиняютъ порою сходы товарныхъ поѣздовъ съ рельсовъ.

И, несмотря на эти постоянныя потери въ стоимости скота (пара хорошихъ буйво-

ловъ стѣдить тутъ 250—300 рублей), мѣстное населеніе и не думаетъ завести пастуховъ: между-тѣмъ за тѣ деньги, которыя такъ непроизводительно пропадаютъ въ задавленномъ скотѣ, можно было-бы завести обширный штатъ отличныхъ пастуховъ, которые при-смотрѣли-бы за скотомъ и не допустили-бы его до полотно гибельной для нихъ дороги.

Но вышесказанные уроки ни на іоту не подвину ~~_____~~ удивительной, въ своемъ родѣ, безопасности и, повидимому, она, эта безопасность, такъ сильно вкоренилась, что устранить ее представляется дѣломъ почти невозможнымъ.

Въ двухъ верстахъ отъ станціи Нотанеби предприимчивые янки надѣются отыскать нефть. Съ поѣзда видны двѣ поставленные на горѣ вышки. Заложены тутъ двѣ буровыя скважины. Одна пройдена уже на глубину восьмидесяти саженой, а въ другой, на глубинѣ шестидесяти саженой, сломался буръ. Скважину пришлось бросить. Однако, неудача эта не уменьшила пылкихъ надеждъ настойчивыхъ американцевъ и они продолжаютъ буреніе съ той-же энергіей, увѣряя, что уже

имѣются явственные признаки и доказательства присутствія нефти.

У подошвы горы, на которой поставлены вышки американцевъ, производится тифлискимъ инженеромъ К. добыча асфальта. Этимъ асфальтомъ покрыта на станціи Нотанеби пассажирская платформа. Отсюда-же транспортируется асфальтъ въ Тифлисъ, въ довольно значительномъ количествѣ, на разные работы.

Отъ Нотанеби до города Озургеты устроено довольно сносное шоссе, постоянно поддерживаемое въ приличномъ видѣ. Для сообщенія между Нотанеби и Озургетами имѣются къ услугамъ публики дилижансы и фаэтоны съ весьма умѣренной платой за мѣста. Озургетское шоссе, такъ сказать, въ нравственномъ смыслѣ, пользуется незавидною славою и публика предпочитаетъ ѣздить въ Озургеты и обратно днемъ, потому что по ночамъ тутъ пошаливаютъ. Въ Нотанеби мнѣ рассказывали, что не такъ давно выѣхали, подъ вечеръ, изъ Озургетъ на фаэтонѣ два офицера и дама. На половинѣ пути, неожиданно, изъ-за кустовъ раздался выстрѣлъ. Пуля, по счастливой случайности, ударила въ бортъ офицерской

шинели, затѣмъ пробила край платья дамы и засѣла въ фаэтонѣ. Испуганные путники сначала, было, растерялись, но затѣмъ приказали извозчику ѣхать какъ можно скорѣе. Извозикъ ударилъ по лошадямъ и во весь опоръ помчался къ Нотанеби. Вдогонку послѣдовалъ еще одинъ выстрѣлъ, и пуля снова прожужжала надъ головами путниковъ, не причинивъ никому вреда.... Взмыленные лошади примчали пассажировъ крайне взволнованными, а даму пришлось приводить въ чувство...

На станціи Супса остаются обыкновенно пассажиры, ѣдущіе въ Поти. Въ Супсѣ ожидаетъ дилижансъ, который везетъ пассажировъ по устроенной въ предыдущемъ году дорогѣ, названной, вѣроятно въ шутку, шоссейною. Но, несмотря на незавидную дорогу, пассажиры охотно пользуются услугами дилижанса, такъ-какъ этимъ путемъ сокращается много времени. Если ѣхать изъ Батума въ Поти по желѣзной дорогѣ, то приходится просидѣть непроизводительно почти цѣлый день, въ Самтреди въ ожиданіи прибытія тифлискаго поѣзда. Разстояніе-же между Супсой и Поти

въ двадцать верстъ дилижансъ дѣлаеть въ два часа времени.

За Супсой слѣдуетъ станція Ланчхуты. Къ приходу поѣзда, молодыя и старыя гурійки выносятъ на продажу вязаные платки изъ шелковыхъ оческовъ и разныя домашняго приготовления ткани изъ чистаго шелку, сырца или шелка пополамъ съ шерстью. Къ сожалѣнью, и здѣсь, вдали, отъ городской развращенности, не обходится безъ надувательства. Пользуясь тѣмъ, что, за краткостью времени остановки поѣзда, вы не успѣете разсмотрѣть, какъ слѣдуетъ, покупаемую ткань, вамъ порою подсунуть вещь никуда не годную. Зачастую куски ткани бываютъ хорошо вытканы только съ краевъ, а въ срединѣ куска это уже не плотная матерія, а скорѣе рѣдкая кисея и, вдобавокъ, шелковыя нити замѣняются въ ней бумажными...

Отъ Ланчхуть до Самтреди мѣстность измѣняется, переходя изъ горной въ равнинную, и поѣздъ мчитъ васъ по плодородной равнинѣ. Слѣва промелькнетъ передъ вами старое, заросшее русло рѣки Ріона, чрезвычайно оживленное въ зимнее время, благодаря обилію

посѣщающихъ его гостей изъ царства пернатыхъ. Здѣсь находятъ себѣ зимою пріютъ несмѣтныя стаи дивныхъ утокъ, чаекъ и пеликановъ. Такого количества дичи въ одномъ мѣстѣ мнѣ никогда въ жизни видѣть не приходилось. При проходѣ поѣзда, незначительная часть дичи, напуганная шумомъ паровоза, срывается съ водной поверхности и, описавъ нѣсколько воздушныхъ круговъ, снова опускается на воду, а остальная дичь остается на своихъ мѣстахъ, не обращая никакого вниманія на проходящій поѣздъ.

Между станціями Саджевахо и Самтреди дорога пересѣкаетъ уже настоящій Ріонъ и вы проѣзжаете по большому желѣзному мосту, протяженіемъ около ста саженой.

Со станціи Саджевахо отправляются тысячи пудовъ мѣстнаго, прекраснаго табака на фабрики южныхъ русскихъ портовъ—Одессы и Ростова-на-Дону, гдѣ, получивъ нѣкоторую, такъ-сказать, отдѣлку, табакъ этотъ разсыляется по всей Россіи, а, можетъ быть, и снова попадаетъ къ намъ въ Закавказье, подъ именемъ высшихъ сортовъ турецкихъ и македонскихъ „дюбековъ“, только по цѣнѣ, пре-

вышающей первоначальную, по-крайней-мѣрѣ, въ четыре раза, если не больше...

На станціи Самтреди большой и довольно сносный буфетъ, кажется, лучший на всей Закавказской желѣзной дорогѣ, которая, вообще, не можетъ похвастать своими буфетами. Большимъ украшеніемъ станціи Самтреди служить небольшой, но чрезвычайно тщательно содержимый садикъ. Тутъ-же, возлѣ станціи, имѣется ежедневный базаръ, на который выносятся мѣстными жителями всевозможные предметы сельскаго производства и даже живыя куры, гуси, индѣйки и проч. Вы тутъ найдете также перины, платье, утварь и подушки... А лѣтомъ любители варенья могутъ закупить тутъ вдоволь всевозможныхъ ягодъ и фруктовъ, продающихся за безцѣнокъ. Землянику въ этихъ мѣстахъ вы можете достать съ половины апрѣля. Село Самтреди потонуло въ садахъ, и не будь мѣстность эта лихорадочной—она могла-бы служить прекраснымъ дачнымъ пріютомъ.

Отъ Самтреди до станціи Ріонъ мѣстность уже не такъ живописна, какъ отъ Батума до

Ланчхуть, и растительность тутъ не такъ замѣчательна, конечно, сравнительно.

Близъ станціи Ріонъ обращаетъ неволью на себя вниманіе прекрасный образецъ инженернаго искусства—каменная дамба, посредствомъ которой отведено русло Ріона отъ станціи. Глядя на эту красивую и прочную дамбу, просто не вѣрится, чтобы она была выведена изъ сухой кладки.

На станціи Ріонъ происходитъ пересадка пассажировъ, ѣдущихъ въ Кутаисъ, на другой специальный поѣздъ, совершающій рейсы только между Кутаисомъ и Ріономъ.

Въ залѣ перваго класса устроена въ Ріонѣ витрина для продажи туземнаго оружія, тканей мѣстнаго приготовленія разныхъ украшеній и проч. Оружіе не отличается особенными достоинствами и, вообще, на видъ, сдѣлано довольно аляповато. Но цѣны запрашиваются тройныя, хотя впоследствии, при торгѣ, понижаются..

Человѣка новаго поражаетъ здѣсь необычайная толкотня и давка на станціи. Оно-бы, впрочемъ, не было ничего удивительнаго, еслибы вся эта толпа имѣла-бы какое-нибудь

дѣло: будь это пассажиры, которые спѣшатъ занять мѣста, товарополучатели или товаротправители, тогда другое дѣло. А то, девять десятыхъ этой публики толчется безъ всякаго дѣла. Это все люди, повидимому, неимѣющіе опредѣленныхъ занятій и не знающіе куда дѣвать свое время.

Мы пересѣли на другой поѣздъ, и меньше чѣмъ черезъ часъ были въ Кутаисѣ.

Что сказать интереснаго про этотъ городъ?

Немощенныя улицы, пыль въ сухую погоду, грязь послѣ дождя — оставляютъ желать для Кутаиса многого. Въ санитарномъ отношеніи Кутаисъ также похвастать не можетъ: зловоніе ощущается въ самомъ центрѣ города... Невдалекѣ отъ вокзала, улица проходитъ надъ глубокимъ оврагомъ, который ничѣмъ не огороженъ и по ночамъ не освѣщенъ. Надо удивляться, какъ кутаисцы счастливо минуютъ этотъ оврагъ, словно добрый геній провожаетъ ихъ ночью по его краю.

Вотъ чѣмъ дѣйствительно можетъ похвастать Кутаисъ, такъ это садомъ князя Абашидзе. Сколько-бы разъ вамъ ни пришлось побывать въ Кутаисѣ, вы всегда стараетесь

заглянуть въ этотъ прелестный въ полномъ смыслѣ слова уголокъ. Такихъ чудныхъ магнолій, какъ въ этомъ саду, мнѣ видѣть не приходилось, да и во всемъ Закавказьи такихъ нѣтъ...

Впрочемъ, я обѣщаль разсказать о пути только до Кутаиса, а потому и ставлю точку.

Опечатки:

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Следуетъ читать:</i>
63	10 снизу	перные	первые
69	8 сверху	вѣдмъ	вѣдьмъ
75	6 „	прочихъ	прочихъ
„	7 „	присоедились	присоединились
92	11 „	маролослыя	малорослыя
146	10 снизу	ого	его
178	10 „	величественные	величественный
186	5 сверху	раскошной	роскошной
225	12 снизу	устроена	устроена.
